

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический
университет»**

**ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ**

Сборник научных трудов

Выпуск 15

Воронеж 2018

УДК 802.2
ББК 81.0+81000.04+81.1+81.03

Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2018. Вып. 15. 178 с.

ISBN 978-7731-0415-5

Сборник посвящён актуальным проблемам современной лингводидактики. В центре внимания авторов оказываются семантика и прагматика лексических единиц, аспекты лингвистики текста и новационные технологии, повышающие качество языковой подготовки.

Материалы сборника соответствуют одному из основных научных направлений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет» «Психолого-педагогические проблемы и гуманитаризация высшего технического образования».

Издание представляет интерес для широкого круга лингвистов, филологов, специалистов по педагогике, а также аспирантов и преподавателей.

УДК 802.2

ББК 81.0+81000.04+81.1+81.03

Редакционная коллегия:

- В.А. Федоров – д-р филол. наук, доц. – ответственный редактор, Воронежский государственный технический университет;
- Э.П. Комарова – д-р пед. наук, проф., Воронежский государственный технический университет;
- А.А. Падурец – канд. филол. наук, доц., Воронежский государственный технический университет;
- Т.И. Буковшина – канд. техн. наук, доц., Воронежский государственный технический университет;
- А.А. Авдеев – канд. филол. наук, доц., Воронежский государственный технический университет;
- А.А. Макарова – канд. филол. наук, доц., Воронежский государственный технический университет;
- И.П. Лапинская – д-р филол. наук, проф. – ответственный секретарь, Воронежский государственный технический университет

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. О.Н. Чарыкова;
канд. филол. наук, доц. Н.Ф. Хренова

Печатается по решению редакционно-издательского совета Воронежского государственного технического университета

ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный технический
университет», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание, которое Вы держите в руках, продолжает публикацию исследований сотрудников кафедры ИЯТП – исполнителей научных тем ГБ 2016.36 и ГБ 2016.05.

В специальных работах филологов и педагогов отразилось многообразие концепций и технологий, представляющих науку на современном этапе ее развития. Статьи сборника сгруппированы не в алфавитном порядке имен их авторов, а по близости предмета описания.

Первый раздел сборника представляет анализ данных французского, английского и русского языков. Доказывается, что именно многокомпонентный характер семантики разноуровневых единиц лежит в основании разграничения общего и особенного в языках, а также объясняет эволюцию их семантических и стилевых систем.

В серии статей второго раздела, посвященного лингвистике текста, авторы определяют текст как реализацию проекта автора и как речевую форму. При этом акцентируется соответствие / не соответствие жанрово-стилевым координатам произведения избранных единиц языка.

Новационные технологии в преподавании, что составляют содержание третьего раздела, опираются на разные приемы и способы формирования компетенций. Обсуждаются формы повышения мотивации к иноязычному профессиональному общению.

Авторов всех статей в их научной деятельности объединяет стремление сделать интересной и содержательной свою работу в аудитории – со школьниками, студентами и аспирантами. Сборник представляет интерес для широкого круга лингвистов, филологов, специалистов по педагогике, а также аспирантов и преподавателей.

Редколлегия

РАЗДЕЛ 1. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

ББК 74.58-26

ФРАНЦУЗСКИЕ КОНСТРУКЦИИ, ПЕРЕВОДИМЫЕ СООТВЕТСТВУЮЩИМИ РУССКИМИ СТРУКТУРНЫМИ СХЕМАМИ

В.А. Федоров

В статье рассматриваются конструкции французского языка, анализ семантики которых в свете теории синтаксических концептов позволяет говорить о том, что они служат для перевода самых разных русских конструкций

Ключевые слова: синтаксический концепт, конструкция, структурная схема, типовая пропозиция, модус, диктум

Когнитивная лингвистика позволила увидеть в языковых формах выражение результатов познавательной деятельности человека, обратившись к изучению концептов. Мыслительная сторона отображаемой в высказывании ситуации называется пропозицией. Для типовых пропозиций вырабатываются стандартные последовательности словоформ – структурные схемы простого предложения. Эта пропозиция и есть синтаксический концепт. Так, синтаксический концепт *агенс воздействует на объект* выражает схема «кто делает что». Именно виды отношений, осмысленные и классифицированные человеком, и являются синтаксическими концептами, стоящими за структурными схемами простых предложений [Попова 2009].

В случае с исследуемыми русскими структурами типовая пропозиция чаще всего передается с помощью самых разных модальных значений, поэтому мы обращаемся к теории модуса и диктума в интерпретации, предложенной в свое время Ш. Балли [Балли 1955, с. 44].

Цель статьи – выявить, какие французские конструкции по своей семантике соответствуют русским структурным схемам с привлечением теории синтаксических концептов.

В нашей работе мы рассматриваем ряд конструкций французского языка: IL COMMENCE, IL RECOMMENCE, IL DEVIENT, IL SE FAIT, IL SE TROUVE, IL ARRIVE, IL RESTE, IL EXISTE IL ADVIENT и некоторые другие. Определяется синтаксическая семантика конструкций, анализируется их смысловое содержание, выделяется типовая пропозиция, т.е синтаксический концепт.

Как показывает материал исследования, конструкции *il commence/recommence* (начинает), *il devient* (становится), *il en va ainsi* (букв: об этом идет таким образом) используются для передачи смысла следующих русских структур.

1. *Кто/что есть где* (русский синтаксический концепт *бытия*):

Папа захватил землю, земной престол и взял меч, с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство... (Достоевский, «Идиот», с. 522).

Le pape s'est emparé du monde, du trône temporel et il a pris le glaive; depuis lors il en va ainsi on a ajouté le mensonge, l'intrigue, la fraude, le fanatisme, la superstition, le crime! (Dostoïevski. T. 2, p. 375).

Русские выражения: *что же тут такое, что же там такое, чего же, что случилось, что такое, что вышло* передаются с помощью *il se passe*.

– *Что тут такое? Что с ним приключилось?* – спрашивали кругом (Достоевский, «Идиот», с. 370).

– *Que se passe-t-il qu'est-ce qui lui arrive de nouveau? demandait-on tout autour* (Dostoïevski. T. 2, p. 104).

Отметим, что во французском языке нами выявлен синтаксический концепт *наличия/отсутствия чего-либо* [Федоров 2008]. «Иметь» для французского мировоззрения важнее, чем «быть». Это объясняет отсутствие этого французского концепта в русском языке.

2. *Кому есть каково* (русский синтаксический концепт *пациенс претерпевает модальное состояние*):

– Сын Павлищева! Сын Павлищева! Не стоит, не стоит! – махал руками Лебедев. – Их и слушать *не стоит-с; и беспокоит вам себя*, сиятельный князь, для них неприлично. Вот-с. Не стоят они того... (Достоевский, «Идиот», с. 246).

– *Le fils de Pavlistchev! Le fils de Pavlistchev! Ce n'est pas la peine, ce n'est pas la peine!* disait Lebedev en gesticulant. *Ce n'est même pas la*

peine de les écouter-s, *il ne vous sied pas*, prince excellentissime, *de vous déranger* pour eux. Voilà-s. Ils n'en valent pas la peine (Dostoïevski. Т. 1, р. 417).

3. Где было как (русский синтаксический концепт *состояние природы и окружающей среды*):

Я любил мартовские сумерки, *когда начинало морозить* и когда зажигали газ; ходил иногда далеко (Достоевский, «Идиот», с. 382).

J'aimais ces crépuscules de mars, *à l'heure ou il recommençait à geler* et où l'on allumait les réverbères; je poussais mes promenades loin parfois (Dostoïevski. Т. 2, р. 126).

Во французском языке присутствует идентичный синтаксический концепт на фоне отсутствия целого ряда других [Федоров 2006].

4. Кому есть как (русский синтаксический концепт *пациент претерпевает состояние*):

Князю *стало явно*, что все это она делает с каким-то особенным расчетом (Достоевский, «Идиот», с. 241).

Il devint manifeste pour le prince qu'elle agissait ainsi dans une intention bien déterminée (Dostoïevski. Т. 2, р. 408).

Но как бы там не было, а лед был разбит, и о князе вдруг *стало возможным говорить* вслух (Достоевский, «Идиот», с. 177).

Quoiqu'il en fût, la glace était rompue et *il devint subitement possible de parler* au prince à haute voix (Dostoïevski. Т. 1, р. 248).

Вопросительные русские предложения со словом *как* могут передаваться французской конструкцией *il se fait (делается)*:

– *Как же это я вас не помню*, скажите, пожалуйста? (Достоевский, «Идиот», с. 519).

– *Comment se fait-il que je ne me souviens pas de vous*, dites-le moi, je vous prie? (Dostoïevski. Т. 2, р. 370).

– *Как вы здесь очутились*, – проговорила она, наконец (Достоевский, «Идиот», с. 439).

– *Comment se fait-il que vous soyez là?* dit-elle enfin (Dostoïevski. Т. 2, р. 226).

Как видно из французских переводов, структура *il se fait* служит для ввода придаточного предложения в Subjonctif, становясь *модусной* во французском примере (переводчик при передаче данных предложений воспользовался структурой с синтаксическим концептом *модуса* при передаче данных предложений).

Русские вводные слова и предложения передаются также французскими конструкциями *il se trouve, il arrive* и др.

Оказалось, что этот граф даже не граф, а если и эмигрант действительно, то с какою-то темною и двусмысленною историей (Достоевский, Идиот, с. 588).

Il se trouva que ce compte n'en était même pas un; et s'il était en effet un émigré, ce n'était qu'à la suite d'une histoire ténébreuse et équivoque (Dostoïevski. Т.2, р. 588).

Пьер, как это большею частью бывает, почувствовал всю тяжесть физических лишений и напряжений, испытанных в плену, только тогда, когда эти напряжения и лишения кончились (Толстой, кн. 4, с. 493).

Comme il arrive presque toujours, Pierre ne ressentit tout le poids des privations physiques et des contraintes endurées durant sa captivité que lorsque ces privations et ces contraintes cessèrent (Tolstoï, livre 4, р. 235).

Отметим и другие случаи перевода русских бытийных фрагментов текста на французский язык с помощью конструкций *il se trouve, il arrive*:

Но карт там не оказалось... (Достоевский, Идиот, с. 576).

Mais il se trouva qu'elles n'étaient pas là (но оказалось, что они не были там) (Dostoïevski. Т.2, р. 474)

Они говорили друг другу ты. В Москве им случилось сходиться часто и подолгу (Достоевский, Идиот, с. 199).

Ils se tutoyaient. А Moscou *il leur arrivait de se rencontrer souvent et de rester longtemps ensemble* (Dostoïevski. Т. 1, р. 383).

– *Там я всегда заставал ее* (Достоевский, Идиот, т. 1, с. 71).

– *Il m'arrivait parfois de voir Marie en cachette* (Dostoïevski. р. 71).

Русские модальные словосочетания, которые констатируют действие, подлежащее выполнению: *придется сделать, никуда не денешься, вынужден будешь сделать* и т.п. могут переводиться конструкцией *il ne reste que + à + de*. Эта обязательность выполнения действия может быть явной, но может и подразумеваться в более мягкой форме:

Терентьев что-то промышчал мне лежа и махнул на следующую дверь, а баба ушла, так что *мне ничего не оставалось как отворить эту дверь* (Достоевский, Идиот, с. 383).

Terentiev marmonna quelque chose à mon adresse tout en restant couchée, et m'indiqua au geste une autre porte; *il ne restait rien d'autre à*

faire que d'ouvrir cette porte, ce que je fis, et j'entraï dans la chambre suivante (Dostoïevski. Т. 2, р. 128).

– *Мне остается только отблагодарить* Настасью Филипповну за чрезвычайную деликатность, с которой она... со мной поступила, – проговорил, наконец, дрожащим голосом и скривившимися губами бледный Ганя... (Достоевский, Идиот, с. 150).

– *Il ne me reste plus qu'à remercier Nastassia Philippovna pour l'extrême délicatesse dont elle a usé... à mon égard, dit enfin Gania, pâle, la voix tremblante avec un rictus tordant sa bouche...* (Dostoïevski. Т. 1, р. 252).

– Чем же остается разрешить это дело! Дело не юридическое, *остается одна только гласность!* Мы передаем анекдот этот публике, ручаясь за его достоверность (Достоевский, Идиот, с. 255).

– *Quelle conclusion donner à cette affaire? Elle n'a aucun caractère juridique, il ne reste qu'à la porter à la connaissance du public!* Nous livrons cette anecdote à l'opinion et en garantissons l'authenticité. (Dostoïevski. Т. 1, р. 432).

В примере, приведенном выше, выражение *остается одна только гласность* интерпретируется с помощью оборота *il ne reste que*:

Гаврила Ардалионович именно начинал в этом роде; но только что начинал. *Долго еще предстояло ему куралесить* (Достоевский, Идиот, с. 446).

Gabriel Ardalinovitch débutait précisément dans ce genre; mais il ne faisait que débiter. *Il lui restait encore beaucoup de bêtises à faire* (ему оставалось еще много глупостей сделать) (Dostoïevski. Т. 2, р. 239).

При передаче интерпретаций используется как вспомогательная также конструкция *il advient*:

Так что, когда Аглая подтвердила теперь, что она с ним вдвоем застрелила голубя, память его разом осветилась, и он вспомнил обо всем об этом сам до последней подробности, *как нередко вспоминается в летах преклонных что-нибудь из далекого прошлого* (Достоевский, Идиот, т. 1, с. 235).

Mais lorsque Aglaé lui confirma brusquement qu'ils avaient tué ensemble un pigeon, la lumière se fit d'un coup et il se rappela tout jusqu'au moindre détail, *comme il advint fréquemment à un âge avancé de se souvenir d'un lointain passé* (Dostoïevski. Т.1, р. 398).

Переводчик прибегает и к другим конструкциям, интерпретируя русский текст: *в чем дело? (de quoi il retournerait?); иногда*

вспоминалось (il lui survient d'avoir entendu); не нам судить (il ne nous appartient pas de juger).

Русские выражения *в голову пришло, подумалось, припомнилось* и т.п. передаются также с помощью структурной схемы *il (me, lui, etc) vient (revient) à*:

Тогда вот мне в голову и пришло, что до того она меня низко почитает, что и зла-то на меня большого держать не может. И это правда (Достоевский, «Идиот», с. 204).

C'est alors qu'il me vint à l'esprit (мне пришло в сознание) qu'elle me tenait pour si peu de choses qu'elle ne pouvait même pas me garder longtemps rancune (Dostoïevski. T1, p. 344).

Ему подумалось, что генерал, пожалуй, еще возмет его и тотчас же отвезет в Павловск, а ему до этого времени очень хотелось сделать один визит (Достоевский, «Идиот», с. 196).

Il lui vint à l'esprit (ему пришло в сознание) que le général l'emmènerait peut-être aussitôt à Pavlovsk; or, il tenait beaucoup à faire auparavant une visite (Dostoïevski. T 1, p. 3374).

Когда я сам встал, чтобы закрыть за ним дверь на ключ, мне вдруг припомнилась картина, которую я видел давно у Рогожина, в одной из самых мрачных зал его дома, над дверями (Достоевский, «Идиот», с. 393).

Quand je me levai pour fermer derrière lui la porte à clef, il me revint à la mémoire un tableau (мне вернулась в память картина) que j'avais vu l'après-midi chez Rogojine, dans une des pièces les plus lugubres, au-dessus de la porte (Dostoïevski. T 2, p. 144).

Приведем еще ряд случаев из контекстов, в которых русские лексические единицы передавались французскими эквивалентными по смыслу конструкциями: *приготавливается брак (il se prépare ici un mariage); у меня возникли сомнения (il me vint des doutes); мне там три тысячи десятин доставалось (il me revenait trois mille hectares); поднялся шум (il se fit un grand tumulte); если вам вздумается скончаться (s'il vous prend la fantaisie de décéder); прошел почти час (il s'écoula presque une heure); произошло нечто неожиданное (il se produit quelque chose d'inattendu); в толпе возник переполох (il se fit dans la foule une grande confusion; будет это (il se produirait cela); об этом слишком надо подумать (il méritait toutefois une sérieuse réflexion) и т.п.*

Подводя итог, отметим, что синтаксические концепты *бытия*, *пациенс претерпевает состояние*, *состояния природы и окружающей среды* передаются на французский язык конструкциями с местоимением *il*, в которых предикат представлен бытийным глаголом. Синтаксические концепты могут как совпадать в русском и французском языке (синтаксический концепт *состояние природы и окружающей среды*), так и не совпадать (синтаксические концепты *бытия* и *пациенс претерпевает модальное состояние*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209с.
3. Попова З.Д. Французский оборот *il y a* как переводной эквивалент к русским структурным схемам / З.Д. Попова, В.А. Федоров // Филологические науки. – Москва, 2008. – Вып. 4. – С. 110-118.
4. Федоров В.А. Французские структурные схемы простого предложения, не имеющие соответствий в русском языке / В.А. Федоров // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2006. – Вып. 7, ч. 2. – С. 13-23.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Достоевский Ф. М. Идиот : роман в 4 ч. / Ф. М. Достоевский. – М. : Сов. Россия, 1981 – 592 с.
2. Толстой Л. Война и мир. В двух книгах. Книга первая / Л. Толстой. – М. : Художественная литература, 1978. – 591 с.
3. Dostoïevski F. L'idiot / F. Dostoïevski; traduction par G. et G. Arout; commentaires de L. Martinez. – Paris : Librairie Générale Française, 1972 – Т. 1. – 528 p. – Le livre de poche.
4. Dostoïevski F. L'idiot / F. Dostoïevski; traduction par G. et G. Arout; commentaires de L. Martinez. – Paris : Librairie Générale Française, 1972 – Т. 2. – 535 p. – Le livre de poche.
5. Tolstoï L. La Guerre et la Paix. Livre premier. Traduit du russe par Henri Mongault / L. Tolstoï // Pour la collection Volga du Livre-club Diderot. – Moscou : Editions du Progrès, 1970. – 400 p.
6. Tolstoï L. La Guerre et la Paix. Livre deuxième. Traduit du russe par Henri Mongault / L. Tolstoï // Pour la collection Volga du Livre-club Diderot. – Moscou : Editions du Progrès, 1970. – 415 p.

Воронежский государственный технический университет

FRENCH CONSTRUCTIONS TRANSLATED BY MEANS OF THE
CORRESPONDING RUSSIAN STRUCTURAL SCHEMES

V.A. Fedorov

The article analyses in the light of the Syntactical Concept Theory the semantics of a series of French constructions, that correspond to the Russian constructions

Key words: syntactic concept, construction, structural scheme, proposition, modus, dictum

РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ПЕРЕВОДИМЫЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ *IL + EST + ADJ*

В.А. Федоров

В статье рассматриваются в свете теории синтаксических концептов Воронежской научной лингвистической школы различные варианты перевода русских выражений на французский язык. Разнообразие видов модальности в предложениях позволяют говорить о французском синтаксическом концепте «модус конкретной субъективной оценки», обслуживаемом конструкцией *il + est + adj*

Ключевые слова: модальность, синтаксический концепт, модус, конструкция

Французские конструкции с местоимением *il* служат для выражения многих пропозиций и целого спектра модусных и модальных значений в зависимости от лексического наполнения их структурных схем (Федоров 2006).

В статье проводится анализ содержания (типовой пропозиции) конструкции *il + est + adj* с точки зрения синтаксических концептов, разработанной З.Д. Поповой [Попова 2009]. Место прилагательного (*adj.*) в данной конструкции могут занимать самые разнообразные лексемы, а ее семантика выражает, как правило, мнение говорящего лица. Цель работы - выявить, какими французскими языковыми средствами передается содержание русских соотносительных структур. Материалом для исследования послужили почти 100 фрагментов текста романа Ф.М. Достоевского «Идиот».

Конструкция имеет в своем составе прилагательные *possible/impossible* (возможный/невозможный) – *il est possible/impossible* и местоимение *il* (он) в безличном значении.

По частотности употребления, как показывает материал исследования, когда речь идет о возможности/невозможности осуществления какого-либо действия, конструкция *il est possible/impossible* наиболее часто употребляется при переводе соответствующих русских слов.

В русских текстах есть примеры модальных слов *можно*, *возможно*, *нельзя*, *невозможно* как в самостоятельном употреблении, так и в сочетании со словами *ли*, *бы*, *еще*, *очень*, *только*, *разве*, *было*, *будет*, переводимые с помощью *il est possible/impossible*.

– Насчет жизни в тюрьме *можно* еще и не согласиться (Достоевский, «Идиот», с. 58).

– Pour ce qui est de la vie en prison *il est possible* que ce ne soit pas tout à fait exact (Dostoïevski. T. 1, p. 95).

– Но Александре Прокофьевне *нельзя было*, впрочем, совершенно умолкнуть (Достоевский, «Идиот», с. 488).

Toutefois, *il était impossible* à Alexandra Prokofievna de se taire tout à fait (Dostoïevski. T. 2, p. 314).

Нечто такое, что видится само собой, но что трудно анализировать и рассказать, *невозможно* оправдать достаточными причинами, но что, однако же, производит, несмотря на всю эту трудность и невозможность, совершенно цельное и неотразимое впечатление... (Достоевский, «Идиот», с. 224).

Quelque chose qui s'impose de soi-même mais qui échappe à l'analyse et à la description, *qu'il est impossible* de justifier par des raisons suffisamment valables mais qui pourtant produit bien malgré toute cette difficulté et cette impossibilité une impression parfaitement cohérente et inéluctable... (Dostoïevski. T. 1, P. 379).

Эти типовые случаи дополняются следующими переводами с русского на французский язык. Перевод *могло быть* с помощью *il est possible* в вопросительной форме, хотя в оригинале имеем восклицательный вариант предложения:

Да он уже и был на Петербургской, он был близко от дома; ведь не с прежнею же целью теперь он идет туда, ведь не с «особенною же идеей»! *И как оно могло быть!* (Достоевский, «Идиот», с. 221).

D'ailleurs, il se trouva déjà sur la rive droite, pas loin de sa maison. Bien sûr, il n'y allait plus avec le même but en vue ni avec cette «idée spéciale». *Comment cela avait-il été possible?* (Dostoïevski. T. 1, p. 374).

Как ни странно, но он, *могло быть*, ожидал совершенно другого успеха от своего рассказа (Достоевский, «Идиот», с. 143).

Aussi curieux que cela puisse paraître, *il était possible* qu'il eût attendu de son récit un tout autre effet (Dostoïevski. T. 1, p. 239).

Перевод русских вводных слов *может быть, не может быть, быть не может, может так быть, может* оборотом *il est possible/impossibleque* встречается не так редко:

– *Быть не может*, чтобы ваша жизнь совсем уж погибла. (Достоевский, «Идиот», с. 163).

... *Il n'est pas possible* que votre vie soit entièrement perdue. (Dostoïevski. Т. 1, р. 275).

– Да, все это может быть, *может быть*, вы и правы... – забормотал князь (Достоевский, «Идиот», с. 557).

1. – *Oui, il est possible* que tout cela soit exact, peut-être avez-vous raison, balbutia de nouveau le prince (Dostoïevski. Т. 2, р. 438).

– Пожалуйста, прошу не смеяться, Лев Николаевич, потому что это очень *может так быть* (Достоевский, «Идиот», с. 410).

2. ...*Je vous prie de ne pas rire de mes paroles, Léon Nicolaevitch, parce qu'il est très possible* qu'il en ait été ainsi (Dostoïevski. Т. 2, р. 175).

Если в русском языке *может быть* выделяется запятыми как вводное словосочетание, то во французском ему соответствует конструкция, выражающая синтаксический концепт *модуса конкретной субъективной оценки*. [Федоров 2014, с. 4-12].

3. ... *О, может быть*, вы этого не поймете, Аглая! (Достоевский, «Идиот», с. 418).

... *Oh, il est possible* que vous ne puissiez pas comprendre cela, Aglaé! (Dostoïevski. Т. 2, р. 189).

Переводчик использует обороты *il est possible/impossible* и в целом ряде других случаев, причем речь может идти об употреблении лексически полноценного модального глагола *мочь (не)* в качестве модального модификатора:

– *Я никак не могу вам этого объяснить*; но я, может быть, и объяснил бы Аглае... (Достоевский, «Идиот», с. 558).

– *Il m'est absolument impossible de vous expliquer tout cela, mais j'aurais peut-être pu l'expliquer à Aglaé* (Dostoïevski. Т. 2, р. 440).

Отмечаем присутствие семы *возможности*, как и в последующих примерах.

4. – О, князь! – вскричал генерал, успокоенный своим рассказом до того, что, может быть, *уже не мог бы остановиться* даже пред самую крайнюю неосторожность, – вы говорите: «Все это было!» (Достоевский, «Идиот», с. 482).

– O prince! s'écria le général enivré par son récit au point *qu'il ne lui eût peut-être plus été possible de s'arrêter* même devant la plus extrême imprudence: Vous dites:»Tout cela était ainsi!» (Dostoïevski. Т. 2, р. 302).

Он вскочил, и *его уже не могли сдержать*: но Гаврила Ардалионович, видимо, прорвался (Достоевский, «Идиот», с. 457).

Il se leva d'un bond et *il n'était pas possible de le contenir*; mais Gabriel Ardalionovitch, lui aussi, était visiblement déchaîné (Dostoïevski. Т. 2, р. 258).

Иногда при помощи этой же конструкции переводятся сочетания со словами *возможность/необходимость*:

Келлер с необыкновенною готовностью признавался в таких делах, что *возможности не было представить себе*, как это можно про такие дела рассказывать (Достоевский, «Идиот», с. 297).

Kllер avouait des méfaits tels *qu'il était impossible d'imaginer qu'on pût seulement en parler* (Dostoïevski. Т. 1, р. 503).

– Да ведь всеобщая необходимость жить, пить, есть, а полнейшее научное, наконец, убеждение в том, *что вы не удовлетворяете этой необходимости* без всеобщей ассоциации и солидарности интересов, есть, кажется, достаточно крепкая мысль, чтобы послужить опорною точкой и «источником жизни» для будущих веков человечества, – заметил уже серьезно разгорячившись Ганя (Достоевский, «Идиот», с. 360-361).

– Mais la nécessité universelle de vivre, de boire et de manger et la conviction absolue, scientifique enfin, *qu'il n'est pas possible de satisfaire cette nécessité* sans une solidarité et une association générale des intérêts, constituent, il me semble une idée assez solide pour servir de point de repère et de «source de vie» pour les siècles et les générations futures, dit Ptitsine, lui aussi déjà fort échauffé (Dostoïevski. Т. 2, р. 87).

Модальность *возможности* в русском языке может выражаться и другими словами, такими как *не в состоянии, невысказано, трудно* и др.

– К чему, впрочем, и вспоминать про это? Тут безумство с обеих сторон. А ему, князю, любить страстно эту женщину – *невысказано*, почти было бы жестокостью, бесчеловечностью (Достоевский, «Идиот», с. 222).

– Du reste, à quoi bon évoquer cela? Il y a là de la folie des deux côtés. Et pour lui, pour le prince *il était presque impossible* d'aimer cette femme de passion; cela eût été une cruauté presque inhumaine (Dostoïevski. Т. 1, р. 375).

Не только было трудно остановить эту толпу, но невозможно было самим не поддаться назад вместе с толпой (Толстой, кн. 1, с. 275).

Il était impossible d'arrêter ce torrent, impossible même de ne pas se laisser emporter par lui (Tolstoi, livre 1, p. 378).

В русском языке модальность *невозможности* может быть выражена фразеологизмом, который переводится также конструкцией *il est impossible*:

– Б-ба! Да ведь вот он! – воскликнул он, вдруг останавливаясь, – *то ни с каким курьером не отыщешь!* то как нарочно там сидит, где и не вообразишь... я ведь думала, что ты там ...у дяди! (Достоевский, «Идиот», с. 338).

Аглая промолчала опять с минуту и начала с видимым отвращением: – Я не захотела с ними спорить об этом; *в иных случаях их не вразумишь* (Достоевский, «Идиот», с. 504).

Après un nouveau silence, Aglaé commença avec une visible répugnance;

– Je n'ai pas voulu entrer en discussion avec eux sur ce sujet: *il y a des cas où il est impossible de leur faire entendre raison* (Dostoïevski. T. 2, p. 344).

Иногда дается описательный перевод русских фразеосочетаний:

Гости продолжали изумляться, шептаться и переглядываться, но стало совершенно ясно, что все это было рассчитано и устроено заранее и что *Настасью Филипповну*, – хоть она и, конечно, с ума сошла, – *теперь не собьешь* (Достоевский, «Идиот», с. 151).

Les invités continuaient à s'étonner et à échanger des regards; il était devenu absolument évident que tout cela avait été calculé et arrangé et que – quoiqu'elle fût évidemment devenue folle – *il était désormais impossible de forcer Nastassia Philippovna à abandonner son idée* (Dostoïevski. T. 1, p. 255).

Последний случай применения оборотов *il est possible que...*, *il est possible + de + inf*. Приходится на вариант конструкции с инверсией: *est-il possible que*, *est-il possible + de + inf*. Данная структура используется для перевода русских частиц *неужто*, *неужели*, выражающих вопрос:

– Слушай, Парфен, если ты так ее любишь, *неужто* не захочешь ты заслужить ее уважение? (Достоевский, «Идиот», С. 297).

– Ecoute, Parfione, puisque tu l'aimes tant, *est-il possible* que tu ne veuilles pas mériter son estime? Et si tu le veux, *est-il possible* que tu n'espères pas? (Dostoïevski. T. 1, p. 350).

– Неужели и зарядить пистолет не умеете?

– Не умею. То есть, я понимаю, как это сделать, но я никогда сам не заряжал (Достоевский, «Идиот», с. 342).

– *Est-il possible* que vous ne sachiez même pas charger un pistolet?

– Non, je ne sais pas. C'est-à-dire, je sais ce qu'il faut faire, mais je ne l'ai jamais fait moi-même (Dostoïevski. T. 2, p. 55).

Таким образом, структура *il est possible (il est impossible)* в различных временных формах и с сопровождающими словами, используется для передачи:

– вводных и модально-предикативных слов *может, может быть, возможно, невозможно, нельзя;*

– вопросительных частиц *неужто, неужели;*

– личных форм глагола *мочь: могу, могут, могли;*

– сочетаний с существительными *невозможность, возможность;*

– фразеологических выражений, содержащих модальность *возможности* имплицитно.

Такое разнообразие русских лексических средств, переводимых одной и той же французской структурной схемой *il est possible*, свидетельствует об отсутствии в русском языке синтаксического концепта *модуса конкретной субъективной оценки* и, наоборот, его наличия во французском языке [Федоров 2006, с.13-23].

Наряду с *il est impossible* для выражения невозможности выполнения какого-либо действия употребляются конструкции *il est nécessaire, il est indispensable +de (que)*, которые также служат для передачи русского синтаксического концепта *пациенс претерпевает модальное состояние*:

Тут необходимо разъяснить, что нет на свете такой девушки, которая не знала бы по крайней мере за неделю о готовящемся изъятии чувств (Ильф, Петров, с. 105).

Il est nécessaire d'expliquer ici qu'il n'y a pas au monde une seule jeune fille qui ne soit capable de prévoir au moins une semaine à l'avance une déclaration d'amour (Ilf, Petrov, p. 110).

Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали! (Достоевский, «Идиот», с. 342).

Il est nécessaire que notre Christ rayonne en réponse à l'Occident, notre Christ que nous avons conservé et qu'ils n'ont même pas connu (Dostoïevski. T. 2, p. 377).

Чтобы занять это место на железной дороге, *мне непременно нужно хоть как-нибудь экипироваться*, потому что я весь в лохмотьях (Достоевский, «Идиот», с. 188).

Pour obtenir cette place dans les chemins de fer, *il m'est indispensable de m'équiper*, car je suis en loques (Dostoïevski. Т. 2, р. 317).

– А я вас именно хотел попросить, не сможете ли вы, как знакомый, ввести меня сегодня вечером к Наталье Филипповне? *Мне это надо непременно сегодня же*; у меня дело; но я совсем не знаю, как войти. Я был давеча представлен, но не приглашен (Достоевский, «Идиот», с. 123).

– Et justement je voulais vous demander si vous ne pourriez pas, en votre qualité d'habitué, m'introduire ce soir chez Nastassia Philippovna. *Il est indispensable que ce soit aujourd'hui même*. J'ai besoin de la voir, mais je ne sais comment faire pour entrer chez elle (Dostoïevski. Т. 1, р. 205).

Значение потребности, необходимости (*полагается, можно*) может передаваться и другими конструкциями, как в следующих примерах:

В соседнем вагоне иностранцы, коим не было точно известно, *где и что полагается петь*, с воодушевлением исполняли «Эй, полна, полна, коробочка» с не менее странным припевом: «Эх, ухнем!» (Ильф, Петров, с. 294).

Les étrangers qui ignoraient ce *qu'il était convenable de chanter*, et à quel moment, interprétaient avec enthousiasme dans le wagon voisin la chanson populaire de la «petite boîte bien pleine», mais avec un étrange refrain emprunté quoique assez déformé, aux bateliers de la Volga (Ilf, Petrov, р. 290).

Значение возможности может передаваться также с помощью оборота *il est bon*:

– Повиниться-то?.. И с чего я взял давеча, что вы идиот! Вы замечаете то, что другие никогда не заметят. *С вами поговорить бы можно*, но ... лучше не говорить! (Достоевский, «Идиот», с. 117).

– De reconnaître mes torts? Je me demande comment j'ai pu vous prendre pour un idiot ! Vous qui voyez ce que d'autres sont incapables de voir jamais remarquer. *Il serait bon de parler avec vous...* quoique... au fond, mieux vaut ne pas parler (Dostoïevski. Т. 1, р. 194).

Французская конструкция *il est + adj.* для передачи русского синтаксического концепта *пациент претерпевает модальное состояние* (кому есть как) использовалась также со следующими

лексемами: *легко* – *il est facile*; *трудно* – *il est difficile*; *понятно, конечно, очевидно, ясно* – *il est évident*; *ясно, видно, видимо, очевидно* – *il clair*; *приятно* – *il est agréable*; *неприятно* – *il est désagréable*; *слишком грустно* – *il est trop triste*; *хорошо* – *il est bon*; *щекотливо* – *il est scabreux*; *вернее* – *il est plus juste*; *лишнее* – *il est superflu*; *тяжело* – *il pénible*; *жестко* – *il est dur*; *смешно* – *il est curieux*; *странно* – *il est étrange*; *совестно, стыдно* – *il est honteux*; *неприлично* – *il n'est pas concevable*; *неприлично* – *il est malséant*; *горько* – *il est amer*; *интересно* – *il est intéressant*; *важно* – *il est important*; *опасно* – *il est dangereux*; *редко* – *il est rare*; *неприлично* – *il est incorrect*; *прилично* – *il est convenable*; *натурально, естественно* – *il est naturel*; *вероятно, возможно, наверно* – *il est probable*; *видно* – *il est visible*, *удобно* – *il est pratique*; *плохо* – *il est mauvais*.

При невозможности подобрать французский эквивалент прибегают к интерпретации. Выражение *все равно* предпочтительно перевести оборотом с прилагательным *indifférent* (безразличный):

Никто больше не последовал за эксцентричною дамою; но, сходя вниз, она даже и не оглянулась назад, *как будто ей решительно все равно было, следуют за ней или нет* (Достоевский, «Идиот», с. 336).

Personne d'autre ne suivit la dame excentrique, mais en descendant les marches elle ne jeta même pas un regard en arrière, *comme s'il lui était parfaitement indifférent d'être suivie ou non* (Dostoïevski. T. 2, p. 44).

Конструкция *il est inutile* (бесполезно) использовалась для перевода русской фразеосхемы с *нечего*, обороты *il est douteux* (сомнительно), *il est probable* (вероятно) – для *вряд ли*, так как во французском языке эквивалентов таким словам нет:

– Все это так должно было быть и не могло быть иначе, – думал Пьер – *поэтому нечего спрашивать, хорошо ли это или дурно* (Толстой, кн., с. 211).

– Cela devait fatalement arriver, se disait Pierre; *il est donc inutile de se demander si c'est un bien ou un mal* (Tolstoï, livre 1, p. 294).

Она машинально опраивляла свою одежду и даже с беспокойством переменила однажды место, подвигаясь к углу дивана. *Вряд ли* она и сама сознавала все свои движения; но бессознательность еще усиливала их обиду (Достоевский, «Идиот», с. 542).

Machinalement, elle arrangeait ses vêtements et même une fois, d'un air inquiet, elle changea de place, se poussant vers le coin du divan. *Il est*

douteux qu'elle eût conscience de tous ses gestes; mais leur inconscience même en aggravait l'offense (Dostoïevski. Т. 2 p. 412).

Разнообразно использование в переводах оборота *il est vrai* (правда). Русские слова *правда, не правда ли, не так ли, неужели, впрочем, действительно, ведь так, верно* передаются с помощью прилагательного *vrai* (истинный, настоящий, правдивый), входящего в состав оборота:

Были, *правда*, попытки спросить шампанского, но старшие из гостей остановили младших (Достоевский, «Идиот», с. 571).

Il y eut, *il est vrai*, des tentatives de demander du champagne, mais les plus âgés des visiteurs arrêterent les plus jeunes (Dostoïevski. Т. 2 p. 464).

– Впрочем, если не любишь человека, зачем ему дурного желать, *не правда ли?* (Достоевский, «Идиот», с. 369).

– D'ailleurs, si on n'aime pas quelqu'un, pourquoi lui souhaiter du mal, *n'est-il pas vrai?* (Dostoïevski. Т. 2 p. 101).

Правда, я поставил себя с первого начала совершенно независимо и отдельно, но *все-таки* надо обдумать (Достоевский, «Идиот», с. 301).

Il est vrai que je me suis, dès le début, placé sur un pied de complète indépendance, mais cela mérite d'être médité (Dostoïevski. Т. 1, p. 510).

– Впрочем, вы там цените покойного... действительно, человек был добрейший, чему я и приписываю, в главных чертах, успех этого пройдохи Гуро (Достоевский, «Идиот», с. 520).

– *Il est vrai* que vous tenez le défunt en si haute estime... c'était en effet un homme d'une grande bonté, ce à quoi j'attribue, en gros, le succès de cet intrigant de Gouraud (Dostoïevski. Т. 2, p. 373).

Находим и другой оборот для перевода лексемы *правда* – *il est exact* (точно):

Интересным является тот факт, что французский переводчик иногда прибегает к использованию оборота *il est vrai* там, где нет соответствия в русском оригинале. В следующих примерах *il est vrai* передает модальность *истинности*:

Жюли, напротив, хотя и особенным, одной ей свойственным способом, но охотно принимала его ухаживания (Толстой, кн. 2, с. 539).

Julie au contraire avait accepté ses hommages, d'une manière originale, *il est vrai*, et n'appartenant qu'à elle (Tolstoï, livre 2, p. 342).

На меня находили такие минуты, это недавно было, в Москве и дорогой... (Толстой, кн. 2, с. 539).

J'ai connu, il est vrai, des minutes de ce genre, à Moscou et en voyage (Tolstoï, livre 2, p. 125).

Хотя здесь муха пролетит – и уже известно: таково местечко (Достоевский, «Идиот», с. 539).

Il est vrai qu'ici une mouche se met à voler, tout le monde le sait immédiatement, le pays est comme ça (Dostoïevski. T. 2, p. 407).

В заключение, отметим, что при переводе русских модальных выражений используется французская конструкция *il+ est + adj.*, которая во французском языке обслуживает синтаксический концепт *модус конкретной субъективной оценки*. Русский синтаксический концепт *пациенс претерпевает модальное состояние* передается также конструкцией *il+ est + adj.*, которая допускает использование в ней самых разных прилагательных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2009. – 209 с.

2. Федоров В.А. Синтаксический концепт «модус конкретной субъективной оценки» с конструкциями *il doit. Il peut/il se peut, il importe, Il coûte* / В.А. Федоров / Инновационные процессы в лингводидактике. – Воронеж, 2014.

3. Федоров В.А. Французские структурные схемы простого предложения, не имеющие соответствий в русском языке / В. А. Федоров // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2006. – Вып. 7, ч. 2.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Достоевский Ф. М. Идиот : роман в 4 ч. / Ф. М. Достоевский. – М. : Сов. Россия, 1981 – 592 с.

2. Dostoïevski F. L'idiot / F. Dostoïevski; traduction par G. et G. Arout; commentaires de L. Martinez. – Paris : Librairie Générale Française, 1972 – T. 1. – 528 p. – Le livre de poche.

3. Dostoïevski F. L'idiot / F. Dostoïevski; traduction par G. et G. Arout; commentaires de L. Martinez. – Paris : Librairie Générale Française, 1972 – T. 2. – 535 p. – Le livre de poche.

Воронежский государственный технический университет

RUSSIAN LANGUAGE MEANS TRANSLATED BY MEANS
OF THE FRENCH CONSTRUCTION IL + EST + ADJ

V.A. Fedorov

The paper considers in the light of the Syntactic Concept Theory of the Voronezh Linguistic School, various versions of the Russian translation of expressions into French. The variety of types of modalities in the proposals allows us to speak about the French Syntactic Concept «the Modus of a Specific Subjective Assessment», served by the construction il + est + adj

Key words: modality, syntactic concept, modus, construction

АКСИОЛОГИЯ КАК НАВИГАТОР ЭВОЛЮЦИИ СЛОВА

И.П. Лапинская

70-летию книги В.В. Виноградова
«Русский язык (грамматическое
учение о слове)» посвящается

Аксиологические параметры слова относятся к числу его изменяемых характеристик. Их обновление всегда результат некоторого этапа эволюции слова и условие развития новых номинативных и системных возможностей конкретных единиц лексики – всего, что составляет для каждой из них индивидуальный стилистический паспорт

Ключевые слова: стилевая система языка, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная окраска, аксиология, семантика, стиль рекламы, системные свойства

Переформатирование стилевой системы русского языка в XXI веке и, в частности, выделение стиля рекламы переводит в разряд актуальных вопрос о свойствах единиц языка, способных к межстилевому переходу.

Переход слова из одного стиля в другой всегда итожит некоторый этап развития семантического потенциала этого слова и внутрисистемных его обнаружений и создает новые условия для проявления потенциальных свойств лексических единиц. В. В. Виноградов предложил называть этот рубеж изменением стилистического «паспорта» слова.

Отечественную лингвистику всегда интересовала динамика системы стилей в русском языке, при этом в центре внимания оказывался механизм стилеобразования, но не судьба отдельных единиц языка. Лингвистический словарь так описывает этот процесс: «Стиль всегда характеризуется принципом отбора и комбинации наличных языковых средств, их трансформаций; различия стилей определяются различиями этих принципов» [Лингв. словарь, с. 494]. Исходной платформой для перехода в иной стиль выступает «нейтральная норма».

Из свойств единиц языка, в частности слов, принимающих участие в образовании нового стиля, словарь упоминает только его предметную отнесенность, однако подчеркивает, что денотатная, номинативная сторона слова в дефиницию стиля не включается, поскольку не она задает стилистику слова [Там же, с. 495]. Действительно, межстилевой переход всегда основан на переносе значения, т.е. изменении денотата, получившего исходную номинацию в слове. При этом аксиология, во многом формирующая семантику и определяющая направление межстилевого движения слов в присущих им конкретных значениях, не обсуждается.

Поэтому для прояснения механизма межстилевого движения «наличных языковых средств» важно проводить анализ свойств каждого отдельного слова. При этом стиль выступает не просто лингвистической абстракцией, а характеризуется присущими ему коммуникативными функциями и речевыми формами. В.В. Виноградов писал: «Стилистическая сущность слова определяется его **индивидуальным** [выделено мною – И.Л.] положением в семантической системе языка, в кругу ее функциональных и жанровых разновидностей» [Виноградов, с. 22].

Механизм межстилевых преобразований по отношению к лексическим единицам проявляет себя избирательно, «индивидуально» (это и подчеркивает термин «паспорт»), его включение обусловлено не столько семантикой, сколько аксиологическими параметрами конкретного значения многозначного слова. «Слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта – коллективного или индивидуального. Само **предметное значение** слова до некоторой степени **формируется этой оценкой** [выделено мною – И.Л.], и оценке принадлежит творческая роль в изменении значений», – писал В. В. Виноградов [Там же, с. 22]. Как представляется, аксиологические параметры слова включают все виды оценки – и положительную, и отрицательную, и нейтральную.

Участие аксиологии трудно проследить в анализе исходного, предметного значения слова, поскольку появление преобладающего большинства слов в языке относится или к дописьменному периоду, или фиксируется в истории языка. Однако межстилевое движение слов, которое осуществляется на наших глазах, обнаруживает эту закономерность в полной мере, так как основано на принципиальной и

словарно зафиксированной многозначности единиц лексики и реализуется в проявлении «скрытого» и «возможного» [Там же, с. 22] не только в семантике, но и аксиологическом потенциале слова.

Вышесказанное определяет отбор материала и условия анализа лексических единиц для выявления возможностей слова к переходу в стиль рекламы.

Во-первых, для подтверждения индивидуального характера свойств необходимо включить в сопоставительное исследование несколько слов; в нашем случае их три – *узел*, *петля*, *бант*. Они представляют одну семантическую группу и очень близки по значению «соединение концов ленты, веревки, проволоки и т.д.». Более того, как будет показано по тексту статьи, в словарях часто одно из них определяется через другое.

Во-вторых, поскольку межстилевой переход завершает некоторый этап развития семантики (т.е. многозначности) и аксиологии слова, необходимо проводить исследование на материале протяженного во времени периода эволюции языка. В нашем случае избирается период современного русского языка – от начала XIX века до наших дней.

В-третьих, поскольку стиль во многом определяется принципом отбора лексических единиц, необходимо сформулировать коммуникативные цели и задачи исследуемого стиля, в нашем случае это входящий в сложившуюся систему и переформатирующий ее стиль рекламы.

Принцип отбора лексических единиц для межстилевого движения в стиль рекламы напрямую связан с необходимостью представить потребность продавца продать товар как потребность покупателя приобрести этот товар, другими словами, как реализацию собственного желания покупателя повысить свой социальный статус или улучшить качество жизни в целом.

В четвертых, поскольку стиль реализуется в системе жанровых разновидностей, необходимо указать, что нас интересует одна речевая форма стиля рекламы – имена собственные бизнес-объектов (фирм, магазинов, предприятий питания, турагентств, парикмахерских салонов, банков и т.д.).

Доказательствами процесса выступают комментарии и языковые иллюстрации трех словарей: Фасмера, Даля, Ушакова. Современное

состояние подтверждается данными личных наблюдений. Перейдем к описанию.

К началу XIX века в языке существовали три лексические единицы *узел*, *петля*, *бант*, близкие по семантике, но различные по происхождению и времени вхождения в русский язык.

Слово *узел* восходит к праславянскому *vozlъ*, его фонетические и графические варианты распространены по многим славянским языкам [Фасмер, т. 4, с. 154]. Праславянский язык существовал с 6-4 тысячелетия до н.э. до 6 века нашей эры, когда стали складываться славянские государства и выделяются славянские языки.

Слово *петля*, вероятно, заимствовано из древне-германского *fetil-* [Фасмер, т. 3, с. 252]. Древним в развитии германских языков считают период от возникновения письменности до II века н.э. [Лингв. словарь, с. 252]. Это слово тоже распространено в вариантах во многих славянских языках.

Слово *бант* впервые отмечено в 1708 году у Петра. Считается, что оно пришло через польский язык из немецкого *Vand* [Фасмер, т. 1, с. 121].

Этимологический словарь, определяя глубокие исторические корни слов, не фиксирует их аксиологические параметры. Поэтому будем считать, что к началу XIX века, времени складывания современного русского языка, эти слова представляют «нейтральную норму».

Системные и номинативные свойства указанных слов в XIX веке фиксирует словарь Даля.

Узел – перевой узких концов и затяжка их. *Порванную веревку как ни вяжи, а все узел будет; Одной рукой узла не завяжешь*. При всем их многообразии узлы различают а) по типу перевоя – глухой, растяжной, репейком (бант), захлестом и др. и б) по отнесенности к «мастерству» - ткацкий, удочный, лесовой и др. Очевидно, что лексическая сочетаемость имени была достаточно широкой.

Слово имело переносное значение - вещи, завязанные в плат, платок, салфетку, простыню. *Ночью с узлом одни воры ходят*, и образовывало устойчивые сочетания: *Разрубить узел, гордиев узел*, в которых исходная предметность уступала место обозначению абстракции «проблема».

Внутрисистемные свойства проявлялись, в частности, в словообразовании и формообразовании. Слово имело

уменьшительную форму *Завяжи на память узелок*; оно выступало платформой для признаков частей речи. От слова *узел* функционировало 7 прилагательных, например: *узелочный, узелковый, узловой*, а также глаголы: *узловатеть* – становиться узловатым и *узлить, узлять* (диалектное) – сплетничать и наговаривать [Даль Т.4, с. 479].

Признаковые формы образовывались от исходного предметного значения и были аксиологически нейтральны. Только один глагол (*узлить, узлять*) развил переносную семантику «создавать проблему». Именно в нем обнаруживается отрицательная оценка, что и переводит лексему из литературной нормы в диалект.

Слово *петля* обладает более разветвленной системой значений. Исходная номинация – это нитка, веревка, а) сложенная мочкой, проушиной, перегнутая вдвое и образующая ушко, хомутик: *Я спустила петлю, подыми-ка, дочка!*; б) затяжная петля, удавкой: один конец веревки пропускается в очко другого конца: *Попасть вору в петлю!, Прямо головою да в петлю! И сам в петлю лезет, и другого туда тянет.*

Как видим, оба варианта семантики с точки зрения оценочности нейтральны. Обращает на себя внимание то, что все примеры под литерой б) обозначают негативные явления. Это может в динамике языка изменить оценочные возможности слова. В начале XIX века оно аксиологических параметров не меняет и остается в пределах нейтральной нормы.

В следующей группе номинаций проявляются переносные, но тоже предметные значения. Во-первых, так обозначен обметанный прорез в одежде, для застёжки пуговицы. *В одну петельку всех пуговок не устегнешь*. Во-вторых, нитяная шелковая мочка либо проволочная дужка с ушками, для застёжки крюка; в третьих, петлица на шляпе, шапке; в четвертых, навески дверные, оконные, сундучные *Дверь на петлях скрипит*. Как и в исходном значении, в системе переносных слово аксиологических параметров не меняет и остается в пределах нейтральной нормы.

Обратимся к внутрисистемным свойствам лексики – формо- и словообразованию. Суффиксальные формы способны изменить нейтральную оценку исходного слова. С участием суффикса –иц выделилось обозначение особого украшения: петлица – нашивная петля, нашивают для украсы или для отлики на шляпы, шапки;

генеральская петлица –на шляпе, витушка. Появившееся значение украшения способно развить положительную оценку у слова, но Даль этого не фиксирует.

С суффиксом –ник образуется слово *петельник* – негодяй, сорванец, висельник, которое характеризуется аксиологически как бранное, т.е. перешедшее из нормативной в разговорную речь. Как видим, словообразовательные варианты проявляют «скрытые» аксиологические возможности исходного значения в широком диапазоне отношений с нейтральной нормой.

Из признаков частеречных форм отмечены прилагательные *петельный, петельковый, петельчатый* и др. и глаголы *петлять* – путать в прямом и переносном значении и *петлить* – вязать чулок или сеть. Все слова сохраняют нейтральную оценку [Даль Т.3, с. 105-106].

Слово *бант* во многом еще неологизм. Оно попадет в разряд обиходно-бытовой лексики и даже толкуется через уже описанные лексемы (узел, петля). *Бант* - узел не затяжной, не глухой, а с ушами; узел растяжной, петлею; лента или тесьма, сложенная в несколько петель или собранная петельками, сборками, репеек. Обращает на себя внимание то, что в иллюстративном материале приводится уменьшительно-ласкательная форма с суффиксом –ик. *Франтик в бантиках*// у панталон гульф, лацкан, передняя застежная лопасть, вместо прорехи, бывающей на штанах и шароварах. Судя по примеру, бантик уже принят как украшение, может быть, новомодное и легкомысленное. [Даль Т.1, с. 46]. Слово остается в пределах нейтральной нормы, однако форма *бантик*, как и форма *петлица*, объединенные семантикой украшения, способны развить положительную оценку.

В XX веке продолжается развитие семантических и аксиологических, а на этой основе и стилистических возможностей каждого из анализируемых слов.

Так семантика слова *узел* детализируется. В Словаре Ушакова приводится уже 7 значений слова [Ушаков Т. 4, с. 908-909]. Сравнение с данными словаря Даля показывает, что появляются переносные значения: 1 – место скрещения линий *железнодорожный узел*; 2 - важный, центральный пункт сосредоточения чего-л. *Узел обороны* (воен.) или центральный пункт управления сетью (спец.) *Районный почтово-телеграфный узел*. В этом ряду и медицинские термины *нервный* или *лимфатический узел*. Словарные пометы фиксируют

сужение сферы употребления переносных значений до профессиональной речи, что приближает лексемы к терминам, в которых оценка нейтральна.

Сохраняются устойчивые сочетания и фольклорные обороты со словом *узел* – *разрубить узел* и *Гордиев узел*. Они по-прежнему связаны с обозначением проблемной ситуации.

Прилагательные, как и уменьшительная форма, обрели статус самостоятельных лексем и комментируются в отдельных словарных статьях.

Развитие системы переносных значений выводит слово из обиходно-бытовой речи в профессиональную, а символичность устойчивых сочетаний – в публичную, торжественную. Аксиологические параметры слова при расширении диапазона его семантики сохраняют его в нейтральной норме. Межстилевое движение в стиль рекламы, который начнет складываться в XX веке, выглядит затрудненным.

В системе значений слова *петля* в XX веке сохраняются те, что были отмечены еще Далем. Лексикологи представили их как 9 вариантов. Обратим внимание на развитие семантики. Проявились переносные значения с отрицательной оценкой высокой интенсивности: 1 – символическое обозначение смертной казни повешением – *Не презирай младого самозванца; в нем доблести таятся. Может быть, достойные московского престола... Достойные позорной петли, дерзкий!* (Пушкин) и 2 – символическое обозначение гибели, беды, безвыходного положения *Хоть в петлю лезь!* (поговорка), а также *Из петли вынуть* кого-н. – избавить от гибели, опасности.

Проявившиеся символические значения трагической семантикой разводят словообразовательные варианты в самостоятельные слова. Самостоятельными лексемами представлены в словаре а) *петлица* в тех же значениях, что и в XIX веке, б) *петелька* (уменьшит. к петля) и в) *петличка* (уменьшит. к петлица). Они отнесены к разговорным формам. [Ушаков Т.З, с. 243-245].

Более того, не предметные, а символические значения определяют системные отношения слова. Так, по Словарю синонимов, только *петля*, происходящая, как и *узел*, *бант*, из обиходно-бытовой лексики, имеет синоним «повешение» [Александрова, с. 355]. Сохраняя отнесенность к нейтральной норме, слово отсутствием

положительных коннотаций ограничивает возможности к межстилевому движению в прогнозируемый стиль рекламы.

В слове *бант* преобладает значение украшения: *Платье украшено бантами; На древке флага красовался бант.* Уменьшительно-ласкательная форма *бантик* представлена в статусе самостоятельной лексемы с пометой «разговорное»: *Туфли с бантиками* [Ушаков Т.1, с. 87]. Обращает на себя внимание то, что примеры фиксируют только форму множественного числа, предполагая небольшой размер украшения.

Как представляется, стилистические пометы у слов *петлица* и *бантик* в настоящее время несколько иные. Поскольку такая реалья, как *петлица*, устарела, слово перешло в пассивную лексику. В то же время *бантик* становится все более популярным украшением, и слово в силу частотности переходит в стилистически нейтральный фонд. Более того, положительные эмоции, связанные с ситуациями, которые предполагают украшения, и сами украшения способствуют развитию у слова положительной оценки.

Аксиологические возможности слов, точнее – корневых морфем, усиливают суффиксы. В.В. Виноградов писал: «Экспрессивные краски облекают значение слова, они могут сгущаться под влиянием эмоциональных суффиксов» [Виноградов, 21].

В целях исследования обратим внимание на формообразующие и экспрессивные возможности трех суффиксов: -ок (*узелок*), -иц (*петлица*), -ик (*бантик*).

Виноградов констатирует различия в соотношении экспрессивных составляющих перечисленных суффиксов. Если у суффикса –ок преобладает значение уменьшительности при обозначении уменьшительно-ласкательности [Там же, с. 99], то у –ик – ласкательности, на которую может наслаиваться уменьшительность [Там же, с.100].

Ученый так объясняет этот процесс: «Когда значение уменьшительного суффикса первой степени [речь идет о суффиксе –ок] стирается..., тогда соответствующая форма обрастает своими собственными значениями и превращается в самостоятельную лексему. Это слово затем образует новые формы субъективной оценки» [Там же, с. 99]. В нашем материале это выглядит так: *узел – узелок – узелочек*.

Далее Виноградов уточняет: «Вследствие яркой экспрессивной окрашенности суффиксов –ик и –чик слова с этими суффиксами не подвергаются дальнейшему обрастанию ласкательными суффиксами» [Там же, с. 100]; в нашем материале: *бант – бантик*. Примеры убеждают в разной степени сохранения ласкательности (экспрессивности).

Суффикс –иц выступает нейтральным. Он малопродуктивен, его семантика – указание на предмет и на женский род существительного [Там же, с. 116] – *петлица*. Другими словами, судьба анализируемых слов и их словообразовательных дериватов в аспекте стилевой динамики определилась еще в XIX веке. Иное дело, реализовались намеченные перспективы или нет.

В XXI веке только слово *бантик* семантически и экспрессивно оказалось готовым к изменению стилистического «паспорта» – к переходу в стиль рекламы, который в целях оформления рекламных сообщений перегруппировывает наличные языковые ресурсы и обновляет речевые жанры. Положительная оценка «ввела» слово в стиль, место его – на вывеске – определила семантика.

Номинации на вывесках – названия объектов бизнеса оказываются в ряду речевых форм рекламы. К таким объектам относятся фирмы, банки, магазины, агентства, предприятия общественного питания, фитнес-клубы, частные клиники, сауны и т.д. Активные процессы в этой речевой форме мы описываем в наших монографиях «Что в имени?» и «Стиль рекламы: речевые формы».

Задача таких номинаций – будить положительные ассоциации потенциальных покупателей для того, чтобы они осознали потребность продавца продать товар как собственное желание купить этот товар. Семантической основой таких номинаций выступает обозначение одного из компонентов триады *продавец – товар – покупатель*.

В речевой форме номинации на вывеске лексические единицы употребляются в переносных значениях, однако во внутренней форме (термин А.А. Потемни) всегда сохраняют связь с первичной номинацией, т.е. номинацией другого объекта. Активизация этой связи и способствует появлению покупательского интереса.

При выборе языковых единиц для этой речевой формы важно помнить два условия успешности рекламной единицы. Во-первых, номинация не должна будить отрицательные ассоциации, поэтому

лексемы *узел* и *петля* не способны принимать участие в передаче рекламной информации. Во-вторых, навязать носителю языка культурные и особенно индивидуальные ассоциации невозможно.

Слово *бантик* в стиле рекламы семантически преобразилось и оказалось своего рода «точкой роста» внутрестилевых словообразовательных инноваций. Назовем три направления «трансформаций» семантики и внутрисистемных свойств лексемы.

1. Если в XIX веке она воспринималась уменьшительно-ласкательной формой слова *бант* и со временем развила значение украшения, то в XXI веке в номинации на вывеске «Бантик» лексема обозначает завершающий компонент праздничной упаковки, как правило, подарка, и выступает именем собственным магазина подарков и сувениров.

На основании семантических и оценочных возможностей выступать именем собственным этого типа объектов номинация образует внутрисистемное единство с иными лексемами, представляющими в своих переносных значениях другие варианты соотнесения общего – типа магазина подарков и сувениров – и индивидуального, т.е. его имени собственного: «Ларец», «Сундучок с подарками», «Подарки и сувениры», «Аристократ».

Объединенные функционально, названные имена собственные с обязательностью проявили переносные значения, однако внутренняя форма новых номинаций в каждом конкретном случае индивидуальна. В первых трех примерах она соотносима с таким компонентом номинативной триады, как *товар (что)*, в четвертом – с компонентом *покупатель (кому)*.

2. Основой для формирования иного класса имен собственных бизнес-объектов стала семантика «завершающего компонента», которая получила конкретизацию и индивидуализацию. Поскольку завершающий компонент упаковки предмета или одежды человека может не только украшать, как «Бантик», но и подчеркивать статусность товара, а также обещать положительные изменения имиджа покупателя, то в ряду семантически близких номинаций оказались «Галстук» – так стал именоваться магазин одежды для мужчин, и «Шпилька» – магазин одежды для женщин. Обе номинации в соответствии с типом бизнес-объекта подчеркивают статусность предлагаемого товара и предполагают положительные изменения имиджа покупателя.

Конкретизация семантики «завершающего компонента» в стиле продолжается. В настоящее время он может подчеркивать и высокое качество продукта, например, изысканность сорта кофе, свежесть приготовления напитка, квалификацию поваров – все, что выступило внутренней формой при выборе номинации для сети кафе «пенка» (пенка).

Так, лексема из семантической группы обиходно-бытовой нейтральной лексики *узел, петля, бант* в варианте *бантик* на основе переносного значения «завершающий компонент упаковки, показатель статусного внешнего вида или высокого качества продукции» формирует ряд рекламных номинаций с высокой положительной оценкой: «Бантик», «Галстук», «Шпилька», «пенка».

Следует отметить: продолжающийся пополняться ряд лексем со значением «завершающего компонента», что используются в номинациях на вывесках, тоже можно признать семантической группой. Такое единство формируется на основе не денотатных нейтральных, а переносных положительных оценочных значений. При этом у нейтральных в иных стилях слов *галстук, шпилька, пенка* эта оценка развивается вследствие их включенности в номинативный ряд.

Еще раз подчеркнем, что на основе переносных значений слово «Бантик» проявляет разные внутрисистемные свойства. Как номинация одного типа объектов – магазинов подарков и сувениров, слово объединено в группу «Бантик», «Ларец», «Сундучок с подарками», «Подарки и сувениры», «Аристократ». Как номинация по признаку «завершающего компонента», оно входит в ряд «Бантик», «Галстук», «Шпилька», «пенка».

3. Морфемный состав слова *бантик*, а именно присутствие суффикса –ик, тоже оказался в сфере инноваций рекламного стиля. Он лег в основу таких названий, как «БЕГЕМОТик» (магазин игрушек), «ЗУБиК» (стоматологическая клиника). Рекламные технологии, призванные усиливать воздействующий эффект языковых единиц, активно используют возможности двойного прочтения имени на вывеске. Опору для этого «избирают» в средствах языка и их новых «комбинациях», а именно привлекают средства графики.

Экспрессивные составляющие указанных рекламных номинаций становятся все более очевидными на фоне их омонимичности формам со значением уменьшительности и ласкательности *бегемотик* и *зубик*. Ассоциативные возможности слов усиливаются за счет передачи

корневых значений прописными, а служебных значений строчными буквами. Поэтому конечное «К» прочитывается не только как часть суффикса -ик, но и как принятое обозначение компании. Личный культурный опыт потенциального покупателя подскажет, как прочитать ему этот знак.

Положительный эффект от использования в рекламных номинациях суффиксальных образований привел к появлению неологизмов, в которых позитивные ассоциации от ласкательных форм уступают место обозначению личного участия покупателя в приятном процессе. Так, парк – место отдыха и развлечений – получает имя собственное «АТТРАКЦИОНИЯ». И в этом случае к номинативным и экспрессивным составляющим добавляется и графическая. Игра смыслами основана, как и в предшествующем примере, на сочетании прописных, передающих корневое значение, и строчных букв, акцентирующих значение союзной связки.

Итак, судьба отдельных слов избирательна в переформатировании стилевой системы русского языка в XXI веке. Новые их комбинации обусловлены семантикой и аксиологией каждого. Переход в стиль рекламы не только обозначает рубеж в изменении стилевого «паспорта» слова, но и выступает условием для проявления еще не познанных «скрытых» и «возможных» номинативных и системных свойств языковых единиц.

Возвращаясь к теме нашего исследования, считаем необходимым повторить: навигатором эволюции слова выступает аксиология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
  2. Что в имени?: монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, Д.А. Сорокина и др.; Под ред. И.П. Лапинской. – Воронеж : ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 219 с.
  3. Стиль рекламы: речевые формы: монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, О.В. Гостева и др.; Под ред. И.П. Лапинской. – Воронеж : ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 161с.
- СЛОВАРИ**
4. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – 4-е изд. - М.: Русский язык, 1975. – 600 с.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. В 4 т. – М.: Русский язык, 1978. – Т.1. – 700с.; 1979. – Т. 2. – 780с.; 1980. – Т. 3. – 556с.; 1980. – Т. 4. – 684с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

7. Толковый словарь русского языка / под ред Д.Н. Ушакова: в 4 т. - М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935. – Т.1. – 1653 с.; 1938. – Т.2. – 1039 с.; 1939. – Т.3. – 1423 с.; 1940. – Т.4. – 1501 с.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. В 4 т. – М.: Прогресс, 1964. – Т.1. – 562 с.; 1967. – Т.2. – 671 с.; 1971. – Т.3. – 827 с.; 1973. – Т.4. – 855 с.

Воронежский государственный технический университет

AXIOLOGY AS A NAVIGATOR OF WORD EVOLUTION

I.P. Lapinskaya

The axiological parameters of a word belong to the group of its variable characteristics. Their updating is always the result of a certain stage of word evolution and the condition for the development of new nominative and systemic capacities of concrete lexical units, that is, everything which forms the individual stylistic passport for each of them

Key words: language style system, figurative meaning, expressive and emotional colouring, axiology, semantics, advertisement style, systemic properties

ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТИЛЕ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСБО)

И.П. Лапинская, М.А. Мануковская

В статье на материале имен собственных бизнес объектов и номинаций типов предприятий показаны, с одной стороны, десемантизация лексических единиц и переход корневых морфем в аффиксы, с другой – развитие положительно окрашенных переносных значений у нейтральных предметных слов, что выступило основой для включения этих слов в ИСБО как единицы рекламного стиля

Ключевые слова: стиль рекламы, семантика, десемантизация, разновидности предприятий, переносные значения, положительная оценка

Исследования ИСБО, которые проводятся нашей творческой группой почти два десятилетия [1; 2; 3], обосновали статус синхронии как динамического состояния языковой системы. Во-первых, за эти годы переформатировалась стилевая структура современного русского языка и выделился стиль рекламы. Во-вторых, стали очевидны принципы, которые легли в основу выбора ИСБО для конкретных объектов. В-третьих, прояснились многие аспекты движения семантики языковых единиц в пределах новационного стиля.

Коммуникативные и семантические основания для выделения стиля рекламы видим в том, что он обеспечивает речевое общение продавца и покупателя с позиции продавца. Основная задача стиля рекламы, исповедующего интересы продавца, - представить потребность продавца продать товар как потребность покупателя приобрести этот товар, т.е. как реализацию собственного желания покупателя повысить свой социальный статус или улучшить качество жизни в целом [3; с.130].

Выбор имени собственного для бизнес объекта основан на том, что это имя конкретизирует бизнес-объект в ряду обслуживающих одну и ту же сферу и выполняющих сходные функции в отношениях общее – частное, типовое – индивидуальное. Сами бизнес объекты в деловой сфере естественно группируются по видам бизнеса и типам

предприятий: торговые предприятия, лечебные учреждения, предприятия общественного питания, банки, фирмы и т.п.

Номинативный процесс – выбор имени собственного для бизнес объекта – ориентирован на реализацию одного из компонентов номинативной триады «продавец – товар – покупатель».

Поскольку ограниченные рамки рекламного имени вступили в противоречие с требованием уникальности этого имени, индивидуализация бизнес объекта, необходимая и в партнерских отношениях, и при сбыте произведенного продукта, стала осуществляться в двух вариантах: 1 – конкретизация типа предприятия; 2 – расширение границ самого имени собственного. И в том, и в другом случае номинации стали многокомпонентными, что оказалось инновацией в стиле.

Расширение «пространства уникальности» имени путем индивидуализации типа предприятия ввело в типологию предприятий номинации, указывающие на особенности обслуживания, интерьера и др. характеристик бизнес объекта. Лингвистически важно, что остается обсуждаемой специфика денотатов новых слов, поскольку различия бизнес объектов – вопрос к экономике, праву и государству.

Укажем разновидности предприятий общественного питания, которые были зафиксированы в г. Воронеже в 2014 году. Так, выделялось 7 типов кафе: *кафе, арт-кафе, кафе-наб, кафе-бар, кафе-пироговая, итальянское кафе, советское кафе*. Рестораны были представлены в 6 разновидностях: *ресторан, японский ресторан, ресторан быстрого питания, пивной ресторан, ресторан-наб, арт-шоу-ресторан*. В ряду баров отмечены 4 варианта: *бар, диско-бар, суши-бар, закусочная бар*.

Как видим, однокомпонентные номинации уступают место многокомпонентным. При этом в словообразовании используются две модели, в соответствии с которыми появлялись новые обозначения новых (?) денотатов: сложные двухосновные (иногда и трехосновные) слова *кафе-наб, суши-бар, арт-шоу-ресторан* и словосочетания «прилагательное + существительное» *японский ресторан, пивной ресторан*.

Еще одну группу составляют по преимуществу заимствованные однословные номинации, которые специфику национальных предприятий воспроизвести не могли, но в рекламных целях

индивидуализировать тип предприятий пытались: *трактир, пиццерия, таверна, чайхана*.

Для целей нашего исследования важно, что номинации типов предприятий становились единицами сразу двух стилей и, соответственно, должны были удовлетворять коммуникативным требованиям каждого из них. В официально-деловом общении необходимо было точно именовать объект из сферы партнерских отношений, как этого требуют государственные и юридические институты. В контактах с покупателями на первый план выступила рекламная составляющая номинаций.

Новые номинации в силу двойственности их функциональной сферы обладают и соответствующими свойствами лексической семантики. Как единицы официально-делового стиля по однозначности дефиниций они близки к терминам, и оценочный компонент семантики им не должен быть характерен. В рекламном стиле, напротив, лексемы обязательно положительно оценочны, что должно побудить потенциального покупателя к совершению покупки. При этом точность значения нового слова, которое имеет денотатное соответствие, не принципиальна.

Другими словами, в лексических неологизмах-терминах, называющих подвид (вариант) предприятия в пределах его типа или вида, с обязательностью развивается способность передавать положительную оценку того объекта, который этим словом именуется. В традициях лингвистики называть такое значение контекстно обусловленным или речевым. Напомним, что в такого типа значениях фиксируется начало процесса развития многозначности, поэтому в его динамике возможны и стилистически окрашенные варианты.

Наметившееся межстилевое движение лексем получает продолжение в иных процессах, локализуемых на нескольких уровнях языковой системы. Назовем два динамических состояния: 1 - изменение статуса морфем, что представляет собой десемантизацию корней и переход их в аффиксы – приставки и суффиксы, 2 - межразрядная динамика, которая осуществляется во взаимодействии классов, разрядов и семантических групп в пределах частей речи. В данном случае мы говорим о возможностях предметных лексем с семантикой типа предприятия (терминов-неологизмов) входить в состав имен собственных бизнес объектов.

Варианты десемантизации корней мы наблюдали [1] при образовании слов типа *бизнесцентр*, *Воронежсити*, *евроремонт*, *випсилинг*. В них корни *центр*- и *сити*- теряли индивидуализирующую лексическую семантику и, уподобляясь суффиксальным морфемам на основании положения второго корня сложного слова, сохраняли значение «большое пространство». Корни *евро*-, *вип*- обретали значение «показатель высокого качества» и на основании положения первого корня сложного слова переходили в приставку в словах *евроремонт*, *евростоловая*, *евродрога*, *випсилинг*.

В связи с обсуждаемым аспектом анализа вернемся к примерам типа *арт-кафе*, *кафе-наб*. Указанные слова, как и *бизнесцентр*, *Воронежсити*, являются сложными. Сохранение их морфемного статуса во многом поддерживается возможностью варьирования порядка следования корней в пределах слова (ср.: *арт-кафе*, *кафе-наб*), чего не происходит в лексических единицах типа *бизнесцентр*.

Двойственность статуса компонента *центр* в рекламе передается орфографически, вариантами правописания. Двухосновность, сложность слова видна в номинациях *бизнес-центр*, *бизнес центр*; тогда как слово *бизнесцентр* ближе всего к суффиксальному образованию. Надо сказать, что морфемная многозначность компонентов не просто в синхронии, а пределах одного стиля выступает фактором усложнения восприятия языковых единиц.

Положение первого или второго корня в лексических неологизмах-терминах не только проясняет основания для изменения статуса морфем, но и делает очевидным механизм межстилевого движения лексических единиц. Как показывает материал, второй корень, уподобляясь суффиксу, оценочных возможностей неологизма в сравнении с исходным словом не меняет. При этом первый корень нового слова оказывается носителем положительной окраски возникающей семантики.

Изложенная выше информация оказывается принципиально важной для объяснения второго варианта индивидуализации предприятия, представляющего собой расширение границ самого имени собственного, поскольку однословные номинации на вывесках типа «*Бантик*», «*Георг*», «*Зерно*» все чаще уступают место многокомпонентным именам собственным, например: «*Для всех ОДЕЖДА из Европы*».

Имя собственное бизнес объекта, как и любое имя собственное, включает лексемы иных разрядов в переносном значении. Приведем хорошо известные примеры: женское имя Любовь, кличка собаки Шарик, деревня Утиные Дворики, район Воронежа ВАИ, небесное тело Нонна Мордюкова. В силу законов языковой эволюции обозначение типов и видов бизнес объектов, используемое в официально-деловом стиле, в рекламе развивает способность транслировать покупателю или пользователю положительную оценку предлагаемых товаров и услуг и на этом основании входит в состав имен собственных таких объектов.

В качестве примера проанализируем имена собственные туристических агентств Воронежа. Многие из них включают лексемы, обозначающие реалии из разных сфер бизнеса. Оказываясь в условиях рекламного стиля, они развивают семантику положительной оценки объекта номинации, поскольку во внутренней форме сохраняют прямое обозначение предприятия.

Аспекты положительной оценки различают включающиеся в стиль слова. Так, 1 – масштабность предприятия и, соответственно, большой выбор товара обещают компоненты *Федерация, Центр*; 2 – специализация деятельности, определенная история фирмы и в силу этого квалифицированность обслуживания подчеркивается в номинациях с лексемами *Бюро, Центр, Дом, Агентство, Турфирма*; 3 – значимый пакет предложений и на этом основании выбор для потребителя акцентируют *Магазин, Ярмарка, Бутик*; 4 – объединение людей по интересам фиксируют лексемы *Дом, Компания, Клуб*; 5 – инновационность деятельности бизнесменов можно увидеть в компонентах *Компания, Турфирма*.

По примерам видно, что одни и те же лексемы могут передавать несколько положительных аспектов оценки одновременно: *Дом, Центр*, при этом они теряют специализацию, сближающую их с терминами. Кроме того, в ряду однотипных номинаций *Магазин, Ярмарка, Бутик* сохраняется индивидуализация семантики и на этом основании интенсивности положительной оценки: если *Ярмарка* обещает большой выбор и возможность скидок, то *Бутик* «намекает» на изысканность предложения и высокую цену товара.

Достаточно частотным оказывается компонент *путешествие*, входящий в имя собственное в форме Род. пад. мн. ч. *Бутик Путешествий, Клуб Путешествий, Магазин Путешествий, Ярмарка*

Путешествий; Бюро Путешествий и Экскурсий. Как видим, имя собственное становится двухкомпонентным.

Вариативность в имена-неологизмы привносит географическая лексика: Воронежская Туристическая *Компания*; Воронежский *Клуб* Отдыха и Путешествий, Греческий *Клуб*, Немецкий *Дом* Путешествий, Центральное *Агентство* Воздушных Сообщений, Международное *Агентство* Путешествий. При этом, если так можно выразиться, пространство имени собственного значительно увеличивается: ИСБО становится трех- и даже четырехкомпонентным.

Включение в индивидуализирующую номинацию имен собственных иных разрядов практически не используется: *Центр* Туризма Танаис, *Турфирма* Надежда.

В развитие темы укажем примеры ИСБО из другой сферы бизнеса. В Воронеже, помимо слова «аптека», в наименованиях магазинов, предлагающих лекарственные средства и препараты, встречаются слова «дом», «пункт», «холдинг»: «Аптечный пункт Радуга», «Аптечный пункт Любимый», «ООО Аптечный дом», «Аптека-Холдинг».

Итак, анализ имен собственных бизнес объектов на материале номинаций, функционирующих в г. Воронеже в последние пять лет, свидетельствует о разнонаправленности семантических процессов в стиле рекламы: во-первых, о появлении многозначных разностатусных морфем в номинациях типа предприятий и, во-вторых, о развитии многозначности лексем в составе собственно ИСБО.

Движения семантики языковых единиц в пределах новационного стиля таким образом превращает номинации указанных семантических классов в многокомпонентные образования, что создает трудности на пути решения основной задачи стиля рекламы – заставить покупателя совершить действия, необходимые продавцу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Что в имени? : монография / И. П. Лапинская, М. А. Денисова, Д. А. Сорокина и др.; под ред. И.П. Лапинской. – Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 219 с.
2. Стиль рекламы: Речевые формы. Коллективная монография. Под ред. И.П. Лапинской. Воронеж : ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 161с.

3. Лапинская И.П., Денисова М.А. Стиль рекламы: навигации социума и потенциал культуры / И.П. Лапинская, М.А. Денисова // Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития: сборник научных статей по материалам 15-ой всероссийской научно-практической конференции – Воронеж: «Научная книга». – С. 129 – 134.

Воронежский государственный технический университет

DYNAMICS OF SEMANTIC PROCESSES WHICH ARISE IN THE
STYLE OF ADVERTISING
(BASED ON THE STUDY OF PROPER NAMES OF BUSINESS
OBJECTS)

I.P. Lapinskaya, M.A. Manukovskaya

The article bases on the research performed on proper names of business objects and naming units of different enterprises. On the one hand, it shows desemantization of lexical units and transition of root morphemes into affixes. But on the other hand, it discovers development of transferred meanings with positive evaluation which arise in neutral subject words. Thus, this fact has given the reason to include these words in proper names of business objects as units of advertising style

Key words: style of advertising, semantics, desemantization, naming units of different enterprises, transferred meanings, positive evaluation

THE CREATION OF ELECTRONIC LEXICOGRAPHIC SYSTEMS BASED ON PRINCIPLES OF CORPUS LINGUISTICS

A.A. Avdeev

The article outlines the basic principles and criteria of corpus linguistics, underpinning the creation of electronic dictionaries and lexicographic systems. It explains the essence and methodological value of linguistic corps as a means of creating lexicographic systems and reviews the basic concepts of electronic lexicography

Key words: corpus linguistics, lexicographic systems, electronic dictionary, macrostructure, microstructure, principles

The widespread use of information and communication technologies in the intellectual space of today raises the level of the system for training specialists in various areas of professional activity, and, simultaneously, prompts the researchers to solve a series of complex and urgent tasks. The use of information technologies in the educational space is accompanied by a strong tendency to address the resources of corpus linguistics, which acquire a status of an important innovative tool in the foreign language study by future specialists in sciences and humanities. The scholars propose to use linguistic corps in the following ways:

1) as an empirical component of lecture courses, students' assignments and independent projects;

2) for determining the meanings of words and identifying the differences in the use of similar words;

3) for studying the patterns of verb government;

4) for developing methodological models aimed at formation of lexical, grammatical and lexical-grammatical skills.

According to most authors, the methodological value of linguistic corps consists in the fact that they provide information about the real natural state of the language, its historical, geographical and social variation, speech registers and genre diversity. They also help to broaden the understanding of the functions of language units, make it possible to identify the most frequent linguistic phenomena, expand the vocabulary of trainees, including the professional one, and allow us to focus on autonomous language study. It is noted that the involvement of these linguistic corps in the development

of teaching aids allows us to give priority to the most common uses of linguistic phenomena, allocating the appropriate place for peripheral ones. The introduction of corpus linguistics in the arsenal of linguodidactic categories enabled the scholars, trying to understand the communicative competence, to focus on the factor of language usage, based on the natural use of linguistic phenomena in various communicative situations (including those which involve the use of technologies).

The purpose of this article is to outline the basic principles and criteria of corpus linguistics, underpinning the creation of electronic dictionaries and lexicographic systems. Before describing these, let us review the most essential concepts of electronic lexicography.

The branch of present-day lexicography under analysis is referred to in many different ways. In the scientific discourse, we can come across such terms as «computational lexicography», «machine lexicography», «automatic lexicography» and «electronic lexicography». However, recently, the term «computer lexicography» has been used most commonly, defining the means of compiling electronic dictionaries and the tool allowing the reader to use their potential. In the article by E.Y.Chepik the following definition of computer lexicography is given: «Computer lexicography is an applied scientific discipline in linguistics, studying the methods, technology and certain skills of using computer equipment in the theory and practice of dictionary compilation. Special programs (namely, databases, computer card catalogues and processing programs) allow for automatic formation of word entries, the storage of linguistic information and its processing» [1; 274-280].

In our opinion, it is more appropriate to use the term «electronic lexicography», since, in this case, the emphasis is shifting from the technical component to the data format. This allows to expand the concept mentioned above, overcoming the limitations of the development process, since many lexicographic resources are installed on computers and other electronic devices (smartphones, tablets, etc).

Corpus-oriented lexicography is a separate area and a new trend in contemporary lexicography. According to O.M.Karpova, corpus-oriented lexicography is the domain of language study, based on textual or acoustic corps, with constant use of computers in certain phases of data storage, retrieval and analysis [2; 3; 88-89]. The importance of corpus lexicography for the development of linguistic science is immense, since a great amount

of linguistic study is based on corpus data, scientific descriptions of language systems and authoritative academic dictionaries.

The object of study covered by the above-described areas of modern lexicography, is a so-called electronic dictionary. It is fairly difficult to give a clear definition of this notion. For dictionaries, created with the help of computer technologies, various terms are used, for example, «machine dictionary», «automatic dictionary», «automated dictionary» or «computer dictionary» [4; 123-126]. Different electronic lexicographic resources can significantly vary in content, structure, purpose and technical tools, so the question arises whether it is justified to attribute them to one or another category. In the broadest sense, an electronic dictionary is a special lexicographic object, having a number of specific structural features. According to L.P.Nelyubin, an electronic dictionary is any ordered, relatively finite array of linguistic data, presented in the form of a list or a table, convenient for storing in the computer memory and equipped with programs of automatic processing and replenishment.

Now, let us proceed to the survey of the basic principles of creating lexicographic systems based on the concepts of corpus linguistics.

In the process of creating lexicographic systems, a number of tasks are to be solved first, which are related to:

- the choice of lexicographic principles and the creation of a special translator's dictionary, i.e. the determination of its macrostructure which is a part of the specialist's workplace;
- the choice of the data representation format in a dictionary, i.e. the determination of its microstructure;
- the choice of principles and methods of formation and use of linguistic corps.

The decision on the choice of the dictionary macrostructure in automated systems is rather within the competence of programmers, who determine the most effective approach to storage, search and retrieval of database information, as well as the convenient interface and tooling for using this data array. The choice of dictionary macrostructure is insignificantly dependent on a lexicographer. Such dictionaries are created as data banks, which requires the distinction between actual databases (i.e. collections of entries) and the system of programs, backing up its work. Herewith, the macrostructure is determined by the way of how information is stored, sought and retrieved. The opportunities of finding information,

based on any given parameter, eliminate the need for learning the principles of how dictionary entries are arranged and interrelated.

The choice of the dictionary microstructure and setting the principles of creating the correlated array of terms is within the competence of linguists. The elaboration of the dictionary microstructure presupposes the definition of a dictionary entry for which it is necessary to specify:

- the type and the form of a stem lexical unit;
- the volume and completeness of grammatical and phonetical commentary;
- the principles for selection and classification of meanings;
- the type and the form of vocabulary definitions;
- the system of notes;
- the type of language illustrations;
- the way of phraseological data presentation;
- the principles of data arrangement and the volume of extra data.

The contemporary approach to dictionary compilation involves the formation and use of the real text corpus, which can be regarded as a database for solving both investigatory and practical lexicographic tasks. As a rule, the corpus of written texts include the texts themselves, as well as their markup with reference to format and parsing-based sentences, which allows to attribute lexical units to specific speech parts. These texts can be used to compile the dictionaries of words, phrases and concordances (in case of a monolingual corpus), as well as for creating multilingual vocabularies and concordances (in case of a corpus of parallel arrays).

To create a translation dictionary on the basis of text corpus, it is necessary:

- to determine the principles of selective set formation for creating the research corpus of parallel texts and its sufficient volume;
- to establish the requirements for markup of texts in a corpus and obtain the basic linguistic information;
- to select the tools of information technology, including the systems of machine translation, translation memory, the means of parallel text alignment, markup editors, etc.

The tools of information technology are oriented towards selection and processing of terms and concepts, the work with a concrete language pair, multilingual or monolingual resources. It is advisable to introduce such tools as a part of an automated workplace of a lexicographer.

The creation of the research text corpus for solving lexicographic tasks is based on the following stages of selective set formation:

- the specification of subdomains within an area of study, based on the selected classification of knowledge;
- the selection of texts, belonging to various genres and correlated in volume;
- the markup of texts, including the record of collocations.

Finally, let us note that the consideration of a parallel text corpus as a lexicographic base assumes the need for supplementing it with a corpus of machine text translations, which allows to clearly highlight those lexical units which must be introduced in a dictionary or modified in the process of translation.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chepik E.Y. Computer lexicography as one of the trends of present-day applied linguistics [E-resource] // The scientific notes of Taurian National University. Series «Philology», № 2, 2006. PP. 274-280.
2. Karpova O.M. Methodological recommendations for the special course «The problems of present-day lexicography» [E-resource]. Ivanovo, 2002.
3. Palkova A.V. Basic definitions of electronic lexicography. The Bulletin of Tver State University. Series «Philology», 2015, № 4. PP. 88-93.
4. Chumarina G.R. The classification of electronic dictionaries in present-day lexicography and lexicology, and peculiarities of its use [E-resource] // Baltic Humanitarian Journal, 2013, № 4. PP. 123-126.

Воронежский государственный технический университет

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ СИСТЕМ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

А.А. Авдеев

В статье рассмотрены основные принципы и критерии корпусной лингвистики, лежащие в основе создания электронных словарей и лексикографических систем. Объясняется сущность и методическая ценность лингвистического корпуса как средства создания лексикографических систем, исследуются основные понятия электронной лексикографии

Ключевые слова: корпусная лингвистика, лексикографические системы, электронный словарь, макроструктура, микроструктура, принципы

ПОЛИСЕМИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ «ФАМИЛЬНОГО СХОДСТВА» И ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ

О.Г. Нехаева

Статья посвящена определению полисемии с точки зрения двух подходов в лингвистике: традиционного и когнитивного, что позволяет рассматривать многозначность с платформы «фамильного сходства» и теории прототипов. Представлены исследования отечественных лингвистов, посвященные моделям организации и восприятия звукоподражательных глаголов. Предлагается рассматривать прямое значение звукоподражательного слова и глагола с мотивированной внутренней формой как прототип для неосновных производных значений

Ключевые слова: полисемия, звукоподражание, мотивированный знак, «фамильное сходство», прототип

Как показывает история развития любого языка, языковые знаки стремятся к многозначности. Многозначными оказываются и многие звукоподражательные слова. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее – ТСРЯ) приводит два значения глагола «гавкать» – «лаять» (о собаке) и «говорить грубо и злобно, ругаться», а глагол «хлопать» имеет даже пять значений, включая набор их метафорических употреблений [ТСРЯ, 1994].

Под многозначностью (полисемией) слова принято понимать одно из отношений вариантности, существующее между единицами лексической системы, которое проявляется в том, что одно и то же слово, без изменения своей формы, может быть соотнесено с несколькими разными значениями. В зависимости от основания, обусловленного контекстом, значения делят на основные и неосновные.

Под основным, или первичным, значением понимают то, вокруг которого организуются все остальные значения, называемые неосновными, или вторичными. В зависимости от наличия или отсутствия в значениях внутренней семантической двуплановости, значение делят на прямое и переносное, которое признают семантически производным, вторичным, т. е. неосновным [Кузнецова, 1989: 100 – 110].

В лингвистике известны два подхода к полисемии. Первый из них – это традиционный, семасиологический подход к многозначности слова. В его основе заложено разграничение в языковом знаке двух его сторон – материальной, называемой лексемой (иначе – означающего), и содержательной – семемы (т.е. означаемого языкового знака) [Попова, Стернин, 2004: 83 – 84].

Как указывал И.А. Стернин, многозначность содержательной стороны слова зависит как от выбора актуализируемой семемы, так и от выбора того или иного набора сем этой семемы для актуализации [Стернин, 1985: 104]. Другими словами, при неизменности материальной стороны знака может происходить развитие его содержания, которое и приводит к многозначности языковой единицы.

Вместе с тем вторичные (переносные) значения слова связаны с основными не только общими элементами смысла, но и ассоциативными признаками [Лингвистический Энциклопедический Словарь, 2008: 3502]. На это же указывает и Э.В. Кузнецова: «Переносное значение обязательно соотнесено с основным, и эта соотнесенность создает внутреннюю форму значения, обуславливает его семантическую двуплановость» [Кузнецова, 1989: 100-110].

Для Р.А. Будагова являлось несомненным то, что «употребительные и распространенные разные значения одного и того же слова живут в сознании людей, говорящих на родном языке, не в сумме разных контекстов, а в единстве своих обобщений» [Будагов, 1974: 122]. Анализируя некоторые процессы возникновения новых значений у старых слов, Р.А. Будагов отмечал, что «смысловое движение лексики не останавливается» [Будагов, 1974: 149].

Интересно то, что на проблему полисемии можно посмотреть с позиции нового направления в науке о языке – когнитивной лингвистики – и рассматривать ее с платформы «фамильного сходства» (по Л. Витгенштейну) [Витгенштейн, 1985: 109], а также теории прототипов (по Э. Рош). Суть «фамильного сходства» заключается в том, что члены одной и той же категории по общности содержащихся в них характеристик связаны таким же сходством, как в той или иной мере похожи друг на друга члены одной и той же семьи. Дж. Лакофф переносит понятие «семейного сходства» на полисемию [Лакофф, 2004: 150 – 152].

Согласно Краткому словарю когнитивных терминов (далее – КСКТ), *первичное значение полисемичного слова* можно рассматривать как *прототип* – обладающий привилегированным статусом, лучший образец своего множества [КСКТ, 1996: 173].

Понятие *прототип* было введено американским психологом Э. Рош [Rosch, 1973; Rosch, 1975; Rosch, 1978]. Разделяя взгляды Л. Витгенштейна, Э. Рош постулировала, что объект категории можно рассматривать как *прототип*, если он является наиболее *типичным* и *ярким* примером вида объектов, включенных в категорию. Другие объекты могут быть включены в категорию в том случае, если они разделяют характерные свойства этого прототипа. В зависимости от количества разделяемых с прототипом признаков, тот или иной объект будет считаться более или менее типичным представителем категории.

Кроме того, согласно теории Э. Рош, характерные свойства не обязательно разделяются всеми членами категории. В то время как наиболее типичные представители категории обладают большим количеством общих с прототипом признаков, *нетипичные*, обладающие малым количеством общих с прототипом признаков, члены категории *не нуждаются в общих признаках друг с другом*. Все они могут быть объединены «*фамильным сходством*» [The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology, 1994: 54].

Условность сходства членов одной категории подчеркивала и Е.С. Кубрякова: «Степень подобия единиц, подводимых под одну категорию, может быть поэтому различной: от полного совпадения всего набора свойств для каждой единицы категории до попарного совпадения признаков в ряду единиц, причисляемых к одной категории, и, наконец, до частичного совпадения ...» [Кубрякова, 2004: 310].

Традиционный подход к полисемии и объяснение многозначности слова с точки зрения «*фамильного сходства*» не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга: прототипическое значение слова можно вынести в параллель с основным содержанием лексемы, а признаки, несущие в себе атрибуты «*фамильного сходства*», с производными значениями языковой единицы.

В связи с вышесказанным хотелось бы указать на работы отечественных ученых, которые в определенной степени затрагивают идеи, представленные выше. Анализу структурной организации категории глаголов звучания посвящена статья Н.А. Акулининой «*Глаголы звучания как языковая прототипическая категория*».

Понимая «центральность» как одну из особенностей структуры, автор рассматривает звуковую деятельность человека как прототипический центр категории и выводит на периферию глаголы, обозначающие звуки неодушевленных объектов и явлений природы. Согласно данному исследованию, структура категории звучания обладает такой особенностью, как «радиальность» – то есть каждая субкатегория (звуковая деятельность человека, звуки животных, звуки неодушевленных объектов и явлений природы) имеет свою структуру, организованную по принципу «центр – периферия».

Так, например, под центром субкатегории звуковой деятельности человека Н.А. Акулинина понимает глаголы речи, на периферии находятся глаголы, обозначающие звуки, производимые человеком при помощи различных частей тела или инструментов, а также возникающие в результате его деятельности [Акулинина, 1999: 35 – 38].

Исследованию метафорической модели звучания посвящена монография Н.А. Мишанкиной «Метафорические модели звучания в русской языковой картине мира». Представив метафорическую модель восприятия звучания в русском языке, исследователь ставит в центр иерархической системы человека, рассматривая звучание человеческой речи как прототип, по которому оцениваются все остальные типы звучания. Человек, в свою очередь, собственное звучание представляет как некий микрокосм, моделируя человеческую реальность как реальность внешнюю [Мишанкина, 2003: 123, 141].

Как известно, когнитивная лингвистика не разрушает того, что было достигнуто языкознанием до ее формирования в самостоятельную научную дисциплину. Она просто рассматривает язык со своей точки зрения: как систему знаков, играющих роль в кодировании информации. «Идея прототипа, – читаем в Кратком словаре когнитивных терминов, – содержится в традиционных исследованиях образного языка, фигур речи, когда свойство, рассматриваемое как типичное в одном предмете, переносится на другой предмет, называемый именем первого» [КСКТ, 1996: 142].

Если при создании звукоподражательных слов выбор их звучания продиктован восприятием, то при формировании слов, не относящихся к этой категории, выбор признака, положенного в основу номинации, представляет собой результат некоего мыслительного анализа [Языковая номинация. Общие вопросы, 1977: 182].

Большинство таких знаков не является однородным: оно подразделяется на мотивированные и немотивированные языковые знаки. Понятие о мотивированных и немотивированных знаках языка, введенное в науку Ф. де Соссюром, в нашей стране получило дальнейшую разработку в трудах Г.О. Винокура, который определил производное слово как мотивированное, поскольку оно может быть истолковано через мотивирующее слово [Винокур, 1959]. Свой вклад в разработку вопросов, связанных с мотивированностью языкового знака, внесли Э.В. Кузнецова [Кузнецова, 1989], И.С. Торопцев [Торопцев, 1985], М.А. Шелякин [Шелякин, 2005] и др.

Э.В. Кузнецова предлагает считать признаком мотивированного слова его связанность, формальную и семантическую близость с производным словом, которая проявляется в наличии «внутренней формы» или мотивированного признака [Кузнецова, 1989: 25 – 26].

А.А. Потебня писал: «Нетрудно вывести из разбора слов, какого бы то ни было языка, что слово, собственно, выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один её признак. Образ стола может иметь много признаков, но слово *стол* значит только простланное (корень *стл* тот же, что и в глаголе *стлать*), и поэтому оно может одинаково обозначать всякие столы, независимо от их формы, величины, материала. Под словом *окно* мы разумеем обыкновенно раму со стёклами, тогда как, судя по сходству его со словом *око*, оно значит: то, куда смотрят или куда проходит свет, и не включает в себе никакого намёка не только на раму и проч., но даже на понятие отверстия. <...> В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего...» [Потебня, 1999: 90 – 91].

Идея о внутренней форме слова, представленная А.А. Потебней, прослеживается и у польского лингвиста Н.В. Крушевского (1851 – 1887). В своей работе «Очерк науки о языке», изданной ещё в 1883 г., он исходил из того, что слово со стороны внутренней нельзя рассматривать как нечто неделимое, «оно обозначает известное понятие с его оттенком или оттенками». Это понятие о предмете тесным образом связано с процессом его наименования, причем название предмету дается по его наиболее характерному, бросающемуся в глаза признаку [Крушевский, 1964: 290].

Сравнивая эти два вида языковых знаков (мотивированные и немотивированные), И.С. Торопцев называл мотивированностью

свойство, по которому носитель языка может судить об оправданности, рациональности, объяснимости, понятности связи значения и звуковой оболочки в каждой данной лексической единице. У немотивированных слов связь значения с звуковой оболочкой с современной точки зрения не объяснима, у мотивированных – объяснима. Это зависит от того, какой путь развития прошла лексическая единица. Мотивированный характер связи – следствие лексической объективации и этимологизации, немотивированный – деэтимологизации [Торопцев, 1985: 123].

Если принять за основу идею о том, что полисемичные слова объединены «фамильным сходством» вокруг основного прямого значения, которое можно рассматривать как прототипическое, то представляется возможным считать прямое значение как звукоподражательного слова, так и глагола с мотивированной внутренней формой прототипами для всех остальных неосновных производных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулинина Н. А. Глаголы звучания как языковая прототипическая категория / Н. А. Акулинина // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: межвузовский сборник научных трудов – Тамбов: Тамбовский государственный университет, 1999. – Вып. 2. – С. 35 – 38.
2. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1974. – 262 с.
3. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – Москва, 1959. – С. 419 – 442.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 79 – 128.
5. Краткий Словарь Когнитивных Терминов / [Е. С. Кубрякова и др.]. – М.: Филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1996. – 248 с.
6. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. (Извлечения) / Н. В. Крушевский // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 289 – 294.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний в языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

8. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учебное пособие для филологических факультетов университетов / Э. В. Кузнецова – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
9. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи / Д. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронная версия]. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 5 987 с.
11. Мишанкина Н. А. Метафорические модели звучания в русской языковой картине мира / Н. А. Мишанкина // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – С. 76 – 125.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская АН; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.
13. Попова З. Д. Общее языкознание. Учебное пособие для студентов / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., перер. и доп. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. – 208 с.
14. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
15. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1985. – 172 с.
16. Торопцев И. С. Язык и речь / И. С. Торопцев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1985. – 199 с.
17. Шелякин М.А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы: учебное пособие / М.А. Шелякин. – М. : Флинта; Наука, 2005. – 296 с.
18. Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
19. Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology, 1975. – General 104. – P. 192 – 233.
20. Rosch E. On the internal structure of perceptual and semantic categories / E. Rosch // Cognitive development and the acquisition of language. – New York; London: Academic Press, 1973. – P. 111 – 144.
21. Rosch E. Principles of categorization / E. Rosch // Cognition and categorization. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27 – 48.
22. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / [ed. by Michael Eysenck]. – Basil Blackwell Ltd.; Cambridge; Massachusetts, 1994. – 390 p.

Воронежский государственный технический университет

POLYSEMY FROM THE POINT OF VIEW OF THEORY OF “FAMILY SIMILARITY” AND THEORY OF PROTOTYPES

O.G. Nekhaeva

The article is devoted to the definition “polysemy” from points of view of two approaches in linguistics: traditional and cognitive, which allows considering it from the platform of “family similarity” and theory of prototypes. Researches of some home scientists, dedicated to onomatopoeic verbs organization and perception patterns are represented. Considering the direct meaning of onomatopoeic word and the verb with motivated inner form as the prototype for derivative meanings is offered

Key words: polysemy, onomatopoeia, motivated sign, “family similarity”, prototype

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ «L'HOMME» (ЧЕЛОВЕК) ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е.А. Ядрихинская

В статье проведен лексико-семантический анализ лексемы «l'homme» (человек) общесловарной языковой сферы. Во франкоязычных словарях данная лексема определяется как человеческое существо, наделенное языком. Лексема «l'homme» (человек) представлена большим количеством разнохарактерных номинаций. Выделено лексико-семантическое поле «l'homme» (человек), которое является системным образованием и состоит из ядерных и периферийных значений

Ключевые слова: лексема, стилистическое расслоение, лексико-семантическое поле, ядро, периферия, парадигматика, синтагматика

Для описания и анализа лексемы «l'homme» (*человек*) была использована информация толковых франкоязычных словарей: Nachette. Le dictionnaire du français (1992), Larousse. Dictionnaire de français (1993) и Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (1997).

В разных лексикографических источниках лексема «l'homme» (*человек*) определяется практически одинаково.

Словарь Nachette «Le dictionnaire du français» содержит следующие определение понятия «l'homme» (*человек*):

1. Être humain (*человеческое существо*).

2. L'homme, le plus évolué des êtres vivants, appartient à la classe des mammifères, à l'ordre des primates, à la famille des hominidés et à l'espèce «Homo sapiens» (*Человек, наиболее развитый из живых существ, принадлежит к классу млекопитающих, к разряду приматов, к семейству людей и к виду «человек разумный»*) [5, p. 793].

В толковом словаре Larousse «Dictionnaire de français» отмечается, что «l'homme» (*человек*) – это:

1. Terme générique désignant l'espèce humaine, douée de langage et d'abstraction; membre de cette espèce (*Общий термин для человеческого рода, наделенного языком и абстракцией; член этого вида*).

2. Individu qui a tel ou tel caractère, qualités ou défauts; individu considéré par rapport à son activité, sa fonction, son métier (*Индивид, имеющий характер, качества или недостатки; рассматривается по отношению к его деятельности, функции, профессии*) [6, p. 528].

Франкоязычный словарь Le Petit Robert «Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française» трактует «l'homme» (*человек*) как:

1. Être (mâle ou femelle) appartenant à l'espèce animale la plus évoluée de la Terre, mammifère primate de la famille des hominidés, seul représentant de son espèce (*Существо (мужского или женского рода), принадлежащее к самому развитому виду животных Земли, к классу млекопитающих приматов, к семейству людей, единственный представитель своего вида*).

2. Principaux caractères spéciaux à l'homme: station verticale, différenciation fonctionnelle des mains et des pieds, masse plus importante du cerveau, langage articulé, intelligence développée, en particulier faculté d'abstraction et de généralisation (*Главные характеристики, характерные для человека: вертикальное положение, функциональная дифференциация рук и ног, большая масса мозга, артикулированный язык, развитый интеллект, в частности способность абстракции и обобщения*).

3. Être humain actuel considéré comme un être social (*Человеческая особь рассматривается как социальное существо*) [7, p. 1096].

Таким образом, лексема «l'homme» представлена 12 лексическими единицами (100%): l'être humain (*человеческое существо*), l'être vivant (*живое существо*), la classe des mammifères (*класс млекопитающих*), l'ordre des primates (*разряд приматов*), la famille des hominidés (*семейство люди*), l'espèce «homo sapiens» (*вид человек разумный*), l'espèce humain (*человеческий вид*), l'activité de l'homme (*человеческая деятельность*), l'être male ou femelle (*существо мужского или женского рода*), l'espèce animale (*животный вид*), le représentant de l'espèce (*представитель вида*), l'être social (*социальное существо*).

Во французском языке приоритетными лексикализованными признаками в характеристике человека являются:

1) биологические признаки (75%) – «человеческое существо» («l'être humain»), «живое существо» («l'être vivant»), «вид “человек разумный”» («l'espèce “homo sapiens”»), «человеческий вид» («l'espèce humain»), «животный вид» («l'espèce animale»), «представитель вида» («le représentant de l'espèce»), «класс млекопитающих» («la classe des

mammifères»), «разряд приматов» («*l'ordre des primates*»), «семейство люди» («*la famille des hominidés*»);

2) социально-профессиональный признак (17%) – «деятельность человека» («*l'activité de l'homme*»), «социальное существо» («*l'être social*»);

3) гендерные обозначения (8%) – «существо мужского или женского рода» («*être male ou femelle*»).

Во франкоязычной культуре в качестве номинации понятия «*l'homme*» используются различные лексические единицы: «*la personne*» (человек, особа, личность; индивид без указания на внешность, возраст и пол), «*l'être*» (существо, человек), «*l'individu*» (человек, который не хочет себя называть), «*l'humain*» (человек) [2].

Вышеназванные лексемы актуализируют такие семантические признаки, как: рационалистический – «*homo sapiens*» (человек разумный); социальный – «*le personnage*» (персонаж), «*la tête*» (глава); биологический – «*l'antropoïde*», «*le représentant*» (представитель); теологический – «*la créature*» (создание).

Наблюдается стилистическое расслоение данных лексических единиц. Доминируют стилистически нейтральные лексемы *la personne* (человек), *l'être* (существо), *l'homme* (человек), *l'humain* (человек), которые выполняют чисто номинативную функцию, не выражая никакой оценки. Такие лексемы, как «*le type*» (тип), «*le bonhomme*» (человек), «*le zigoto*» (зигота), относятся к разговорно-бытовому стилю и, кроме собственно номинативной функции, несут в себе различные оценки, выражающие, например, пренебрежение, насмешку, симпатию и т.д.

Лексема «*l'homme*» (человек) в общесловарной языковой сфере представлена большим количеством разнохарактерных номинаций и включает в себя 12 квалификативно-квантитативных семантических групп: антропологически-биологический признак, социально-статусный и характерологический признаки, темпоральный, исторический, социально-генерализирующий, социально-профессиональный, гендерный признаки, признак родства, национальный, географический признаки, теологический, интерперсональный признаки. Наиболее многочисленными являются антропологически-биологический признак (27%), а также социально-статусные и характерологические признаки (22%).

Большинство номинативных единиц, репрезентирующих лексему «*l'homme*» (человек) в общесловарной языковой сфере, относится к маскулино-гендерной категории, тогда как феминно-гендерная категория представлена девятью номинациями: *la mortelle* (смертная), *l'homicide* (убийца), *la femelle* (женщина), *la femme* (женщина), *la madame* (мадам), *la mademoiselle* (мадмуазель), *la fille* (девушка), *la mère* (мать), *la sœur* (сестра), что составляет 5% от общего количества квалификативно-квантитативной иерархии общесловарной номинации лексемы «*l'homme*» (человек).

Учитывая теорию Ф. де Соссюра [4, с. 161] о синтагматических и парадигматических отношениях между словами, а также концепцию З.Д. Поповой и И.А. Стернина [3, с. 257] о составляющих лексико-семантического поля и опираясь на компонентный анализ М. В. Жгенти [1, с. 12], мы выделили лексико-семантическое поле (ЛСП) «*l'homme*» общесловарной языковой сферы.

Структура лексико-семантического поля (ЛСП) «*l'homme*» общесловарной языковой сферы делится на ядро и периферию. В свою очередь, **ядро ЛСП «*l'homme*»** состоит из **42 единиц** и делится на несколько составляющих:

– *макросема* (имя поля) – 1 единица: *homme (m)*;

– *микросемы* (синонимы к имени поля или лексическая парадигма) – 23 единицы: *personne (f)* – *homo sapiens (m)* – *être (m)* – *créature (f)* – *individu (m)* – *personnalité (f)* – *personnage (m)* – *tête (f)* – *anthropoïde (m)* – *humain (m)* – *mortel (m, f)* – *espèce (f)* – *humanité (f)* – *espèce (f) humaine* – *genre (m) humain* – *des mammifères* – *des primates* – *gens (pl m)* – *population (f)* – *représentant (m)* – *naturel (m)* – *prochain (m)* – *particulier (m)*;

– *основные семы* (родовое имя для макросемы и морфологическая парадигма) – 5 единиц: *homo (m)* – *hommes (pl m)* – *hominien (m)* – *hominidés (pl m)* – *hominisation (f)*;

– *вторичные семы* (варианты или словообразовательная парадигма) – 10 единиц: *hommée (f)* – *hommelet (m)* – *hommelette (f)* – *hommement* – *hommilière (f)* – *hommerie (f)* – *hommasse* – *hommage (m)* – *homicide (m, f)* – *gentilhomme (m)*;

– *добавочные семы* (антонимы к имени поля) – 3 единицы: *Dieu (m)* – *animal (m)* – *enfant (m)*.

Периферия ЛСП «*l'homme*» состоит из **150 единиц** и делится на:

• *ближнюю периферию* (парадигма лексем, выражающих

признаки макросемы, т.е. слова и словосочетания, входящие в состав синтагматической «горизонтальной») составляют человеческие качества и характеристики – 111 единиц:

– антропологически-биологический признак – 12 единиц: *homo erectus; homo loquax; être (m) humain; être (m) vivant; être (m) organisé; être (m) formé d'un corps et d'une âme; espèce (f) vivante; espèce (f) humaine en général; espèce (f) animale; personne (f) physique, bipède (m); espèce (f) doué de langage et d'abstraction;*

– социально-статусные и характерологические признаки – 30 единиц:

– социально-статусный признак – 4 единиц: *homme (m) de la rue, du monde, du peuple; être (m) social;*

– положительные качества – 14 единиц: *bon, brave, galant homme (m); homme (m) de goût; homme (m) de résolution; grand, saint, honnête homme (m); homme (m) sans histoires; homme (m) respectable; homme (m) de bien, d'esprit, de génie, d'honneur;*

– отрицательные качества – 4 единицы: *malhonnête, méchant homme (m); homme (m) bizarre, d'argent;*

– внешние признаки – 8 единиц: *bel, jeune, vieil homme (m); homme (m) blond, brun, fort, maigre, svelte;*

– темпоральный признак – 13 единиц: *homme (m) d'avenir, homme (m) du temps passé, homme (m) actuel, homme (m) d'hier, homme (m) d'aujourd'hui, homme (m) de demain, homme (m) d'autrefois, homme (m) sauvage, homme (m) civilisé, homme (m) du Moyen Âge, homme (m) du vieux temps, homme (m) des temps modernes, homme (m) du XX-e siècle;*

– исторический признак – 12 единиц: *(f), évolution (f), origine (m) de l'homme; musée (m) de l'homme; premiers hommes (pl m); homme (m) antédiluvien, fossile, préhistorique, primitif; homme (m) de Cro-Magnon, de Grimaldi, de Néanderthal;*

– социально-генерализирующий признак – 3 единицы: *monde (m), société (f), peuple (m);*

– социально-профессиональный признак – 8 единиц: *homme (m) d'Etat; homme (m) de loi; homme (m) d'affaires, de sciences, de théâtre, de guerre; homme (m) de l'art, de cour;*

– гендерный признак – 9 единиц: *mâle (m), femelle (f), femme (f), homme (m), madame (f), monsieur (m), mademoiselle (f), fille (f), garçon (m);*

– признак родства – 7 единиц: *mère (f), père (m), fils (m), fille (f),*

frère (m), sœur (f), enfant (m);

– национальный признак – 7 единиц: *homme (m) blanc, noir, métis; homme (m) de couleur; homme (m) de race jaune, rouge; mulâtre (m);*

– географический признак – 7 единиц: *homme (m) du Midi, homme (m) du Nord, de l'Est; homme (m) de la montagne, de la plaine, de la campagne; homme (m) de la cité;*

– теологический признак – 3 единицы: *homme (m) d'Église, paroissien (m), pèlerin (m).*

• дальнюю периферию (идиоматические выражения синтагматической «горизонталю») – 27 единиц:

– устойчивые словосочетания – 9 единиц: *petit homme (m) vert, foi (f) d'homme, Fils (m) de l'homme, homme (m) de bonne volonté, homme-grenouille (m), homme-orchestre (m), homme-sandwich (m), homme-oiseau (m), homme-robot (m);*

– паремии – 18 единиц:

Dieu a fait (ou créé, formé) l'homme à son image.

Je suis votre homme.

C'est mon homme.

Comme un seul homme.

Exploitation de l'homme par l'homme.

L'homme est un loup pour l'homme.

L'homme propose, Dieu dispose.

Homme chiche n'est jamais riche.

L'homme sans abri est un oiseau sans nid.

L'homme naît libre.

Homme ne vit seulement de pain.

L'homme est l'avenir de l'homme.

Le fils de Dieux fait homme.

On n'est pas un homme tant qu'on n'a pas trouvé quelques choses pourquoi on accepterait de mourir.

Homme de tous les métiers.

Homo homini lupus est.

Il y a grande différence d'homme à homme.

Tous les hommes sont égaux devant Dieu.

• крайнюю периферию (фамильярная лексика, которая входит в состав синтагматической «горизонталю») – 12 единиц: *bonhomme (m), sous-homme (m), type (m), gaillard (m), mec (m), guignol (m), quelqu'un, semblable (m), bout (m) d'homme, membre (m), quidam, zigoto (m).*

Следовательно, парадигматическая «вертикаль» является ядром лексико-семантического поля «*l'homme*», а синтагматическая «горизонталь» широко представлена периферийными его компонентами.

Составляющие ядра поля относятся к нейтральным и нормативно-языковым номинациям.

К периферии исследуемого поля относятся номинации, обладающие более сложной семантической и стилистической структурой и референцией (фразеологические единицы, сленговые, обще- или книжно-литературные единицы, семантико-денотативные, коннотативные, сигнификативные, аксиологические, эмотивные единицы).

В ходе исследования установлено, что семантическое поле «*l'homme*» в полной мере обладает основными качествами семантических полей, ему присуща определенная организация (ядерно-периферийная), его составляющие взаимосвязаны между собой определенными типами отношений.

Необходимо отметить, что периферия богаче, чем ядро ЛСП «*l'homme*». Так, из 192 лексических единиц (100%) к ядру ЛСП относится 42 лексических единицы (22%), а периферия представлена 150 лексическими единицами (78%). Это объясняется тем, что на ближней периферии доминирует принцип приращения семантики за счет лингвистических и экстралингвистических факторов.

При анализе ЛСП «*l'homme*» как словарной единицы нами были сделаны некоторые выводы:

- 1) ЛСП «*l'homme*» является системным образованием;
- 2) в составе ЛСП выделяется ядро и периферия, но их объем различен;
- 3) ядерная зона преимущественно представлена парадигматической «вертикалью», а периферийная зона входит в состав синтагматической «горизонтали».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеева Т. Р. Системность малых групп лексики на материале английского семантического поля «*desertion*» (в сопоставлении с его русским аналогом): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Р. Аникеева. – Воронеж, 2002. – 23 с.

2. Гак В. Г. Nouveau dictionnaire francais-russe (Новый французско-русский словарь) / В. Г. Гак, А. К. Ганшина. – 3-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1999. – 1195 с.

3. Попова З.Д. Общее языкознание: учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 408 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).

4. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; перевод с фр. А.А. Холодович. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.

5. Hachette. Le dictionnaire du francais. 60 000 mots. – Paris : Hachette, 1992. – 1809 p.

6. Larousse. Dictionnaire de francais. 35 000 mots. – Paris : CEDEX 06, 1993. – 1095 p.

7. Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. 60000 mots / Dir. Par Alain Rey. – Paris : Dictionnaires le Robert, 1997. – 2592 p.

Воронежский государственный университет инженерных технологий

SEMANTIC ANALYSIS OF THE LEXEME "L'HOMME" (PERSON) IN FRENCH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

E.A. Yadrikhinskaya

A lexical-semantic analysis of the lexeme "l'homme" (person) of the generalized language sphere was carried out. In French-speaking dictionaries this lexeme is defined as a human being endowed with language. Lexeme "l'homme" (person) is represented by a large number of different types of nominations. The lexical-semantic field "l'homme" (person) is distinguished, which is a systemic formation and consists of nuclear and peripheral meanings

Key words: lexeme, stylistic stratification, lexico-semantic field, core, periphery, paradigmatics, syntagmatics

ОБРАЗ КУКЛЫ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

С.Н. Каширский, Т.А. Жданова

В данной работе на конкретных примерах демонстрируется, как люди, создавая кукол по своему образу и подобию, наделяют их собственными чертами, а так же приводится и противоположный процесс, отражающий «приписывание» человеком характеристик кукол самому себе. Данные явления рассматриваются на русском и английском языках, делаются выводы об их сходствах и различиях

Ключевые слова: кукла, образное переосмысление, антропоморфизм

Каждый существенный культурный объект, по мнению Ю.Н. Лотмана, как правило, выступает в двух обликах: в своей прямой функции, обслуживая определенный круг конкретных общественных потребностей, и в «метафорической», когда признаки его переносятся на широкий круг социальных фактов, моделью которых он становится (Лотман 1992, с. 378). Одним из таких объектов является кукла, феномен которой сопровождает человечество на протяжении всей истории его развития.

Не вызывает сомнения, что куклы создавались людьми по собственному образу и подобию, в соответствии с теми представлениями, которые он имел о себе и окружающем его мире. Копируя человеческое тело, они, с одной стороны, воспроизводили его и внешние, и внутренние характеристики. С другой стороны, «человек, бессознательно воспроизводя во всех своих изобретениях самого себя, сам познает себя, исходя из этих открытых им приспособлений» (Капп, 1925: 98). Это верно и в отношении кукол, с которыми традиционно связываются определенные представления человека об окружающем его мире и о себе самом, что проявляется на уровне языковой семантики.

И то и другое явления находят свое отражение в языке - в метафорах, образных выражениях, сравнительных оборотах. Мы рассмотрели отрывки из художественных произведений, в которых образными средствами проводятся параллели между человеком и сотворенными им артефактами.

Так, кукла может приобретать человеческие характеристики. Она словно «оживает» в представлении людей: *«После ванны кукла словно расцвела, а когда хозяйка одела ее в платье, то и вовсе превратилась в аристократку»* (З. Прилепин. Санька). *«Вторая фигура – ожившая тряпичная кукла, вдруг ожила, затрясла золотыми кудрями, закружилась в немыслимом полете»* (Е. Олеша. Три толстяка). К кукле могут «относиться, как к живой»: *«Эта кукла была неизменным моим собеседником, терпеливым пациентом, идеальным покупателем, бескорыстным продавцом, безропотным учеником, безмолвным учителем»* (С. Алешин. Встречи на грешной земле).

Верно и обратное. Кукла обладает широким набором свойств, которые используются для описания человека. Игрушка словно возвращается к нему самому, характеризуя его внешние данные, умственные способности и манеру поведения. Некоторые из этих признаков были конкретизированы А. П. Бабушкиным: кукла служит для забавы; кукла красивая; кукла нарядно одетая; кукла глупа, хотя и внешне привлекательна; кукла – никчемное, бесполезное существо; кукла лишена признаков жизни; у куклы-робота неестественные движения. (Бабушкин, 2009: 192). Проиллюстрируем каждый из указанных признаков.

Например, такой признак куклы, как «никчемное, бесполезное существо» может быть дополнен сведениями о том, что существо это «бесправно и безвольно». *«На главпочтамте Шалико подчинялся, как кукла»* (М. Гиголашвили. Чертово колесо). *«Продолжая переговариваться между собой, они к Вере не обращались, будто она кукла»* (М. Чулаки. Прощай, зеленая Пряжка). *«Ведь иногда кукла безвреднее и особенно сподручнее женщины: кукла не имеет ни личного мнения, ни слишком больших требований; кукла везде поместится, не стесняя никого, а женщина, пожалуй, могла бы»* (Е. Растопчина. Счастливая женщина).

У куклы, «лишенной признаков жизни», особенно подчеркивается «отсутствие души и чувств»: *«Она как бездушная кукла, которая вальсирует по пути своей жизни»* (Е. Ган. Идеал). *«Посмотрите на него: утратившая человеческие чувства кукла с сердцем, полным зла»* (Н. Дежнев. Принцип неопределенности). *«Вы думали, что я холодна, как кукла, глупа, как ребенок»* (Н. Шаликова. Семейные сцены).

Признак «у куклы-робота неестественные движения» мы хотим уточнить: «у куклы специфичные движения». «*Она читала ему книжки, не перечила, кивала, как кукла, и он запил*» (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов). «*Иванов сел прямо, как кукла, и ответил кукольным голосом*» (И. Солоневич. Две силы). «*Она складывалась, как кукла*» (В. Набоков. Машенька).

Приведем примеры того, что «кукла обладает особой мимикой»: «*Он скрючил лицо, как резиновая кукла*» (В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату). «*Она уставилась, приоткрыв рот и не моргая, как кукла*» (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости). «*Он смотрел выпукло, как кукла, не мигая*» (А. Грин. Золотая цепь).

В художественных текстах может отмечаться «ненадлежащее качество» куклы; как правило, для этого используется прилагательное «сломанный». «*Вера молча, как сломанная кукла, повалилась на пол с пистолетом в руке*» (С. Болмат. Сами по себе). «*Я лежала там без сознания, неподвижная, как сломанная кукла*» (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы).

Мы сопоставили признаки куклы, отразившиеся в английской языковой культуре, с их своего рода аналогами в русском менталитете.

Как и в русском языке, воображение человека наделяет куклу некоторыми признаками его самого, в первую очередь, она «становится живой»: «*I was so certain that this fabric, with its luscious color and sensuous texture, became the starting point that brought my doll to life*» (В. Willis. Cloth Doll Artistry). - *Я была так уверена, что эта ткань, с ее сочным цветом и чувственной текстурой, стала отправной точкой, которая привела мою куклу к жизни.*

Приведем примеры обратного процесса - как представления человека о кукле проецируются на него самого.

А) «кукла служит для забавы»: “*Mike treats his new girl like a doll - he adores her, but doesn't want to marry*” (The Daily Mirror). - *Майк относится к своей новой девушке как к кукле - он обожает ее, но не хочет жениться.*

Б) «кукла красивая»: “*She was pretty like a doll*” (Т. Hadley. Journey Home). - *Она была хорошенькая, как кукла.* “*She is lovely – just like a real doll*” (М. Sunley. Fields in the sun). - *Она прекрасна – как настоящая кукла.*

В) «кукла нарядно одетая»: *“She looked like a doll dressed in a beautiful expensive dress”* (K. Spears. Breakaway). – Она выглядела как кукла, одетая в красивое дорогое платье.

Г) «кукла глупа, хотя и внешне привлекательна»: *“It cost hundreds of dollars for her to look like a doll, but she couldn’t become a real friend, a sensible partner for him”* (E. Myles. Solo romance). – Это стоило ей сотни долларов, чтобы выглядеть как кукла, но она не могла стать настоящим другом, разумным партнером для него.

Д) «кукла — ничемное, бесполезное существо. Она послушна, безвольна и бесправна»: *“I was like a doll, I did what I was told”* (W. Shawcross. The story of the exile, misadventures and death of the Emperor). – Я была как кукла, я сделала то, что мне сказали. *“Kleiber had given up the struggle and collapsed, limp and helpless as a doll”* (P. Ling. Flood water). – Клейбер отказался от борьбы и рухнул, хромой и беспомощный, как кукла.

Е) «кукла лишена признаков жизни»: *“She looked like a doll. She was unconscious by the time I reached her”* (World affairs material). – Она выглядела, как кукла. Она была без сознания, когда я до нее добрался. *“I feel like a doll, lying on the hospital bed, paper thin”* (J. Dawson. How do I look?). – Чувствую себя куклой, лежащей на больничной койке, толщиной с бумагу.

Ж) «у куклы специфичные движения»: *“I was sitting straight like a doll”* (V. Husic. Admir and Benjamin). – Я сидела прямо, как кукла. Кукла обладает своей особой мимикой: *“Antoinette’s eyes flew wide open, like a doll’s”* (M. Roberts. Daughters of the house). – Глаза Антуанетты широко распахнулись, как у куклы.

В художественных произведениях подробно проиллюстрировано, какие именно черты во внешности делают людей похожими на кукол. Среди них:

1 – форма лица *“She had a pale, round face, like a doll’s”* (P. Therous. Monkey Hill). – У нее было бледное, круглое лицо, как у куклы;

2 – цвет глаз *“Her new mama was just like a doll, with her big blue eyes, and her made up face and blonde hair”* (C. Bingham. In sunshine or in shadow). – Ее новая мама была как кукла, с большими голубыми глазами, накрашенным лицом и светлыми волосами;

3 – форма и цвет щек *“You had round red cheeks, just like a wooden doll”* (N. Bawden. Tortoise by candlelight). – У тебя были круглые красные щеки, как у деревянной куклы;

4 – цвет и размер зубов “*Lucy smiles at me, revealing tiny white teeth as perfect as doll’s*” (N. Fox. Love or nothing). – *Люси улыбается мне, обнажая крошечные белые зубы, как у куклы;*

5 - увеличение размера глаз при выражении эмоций “*When she smiled, her eyes were giant as doll’s*” (D. Menasche. The white bird). – *Когда она улыбнулась, ее глаза были гигантскими, как у куклы;*

6 – размер и форма рук “*Her hand was tiny and plump, like a doll’s*” (T. Moshfegh. Slumming). – *Ее рука была маленькой и пухлой, как у куклы.*

Примеры доказывают, что «схема» человеческого тела, его внешние очертания, а так же внутренние качества послужили образцом для изобретения кукол, в которых угадывается образ их создателя. При этом сходство человека с куклой не ограничивается внешним подобием. В представлении людей она становится носителем человеческих свойств, а люди наделяются свойствами кукол.

С одной стороны, воображение человека приписывает кукле некоторую самостоятельность, как бы оживляя по образу и подобию самого себя. С другой – она оказывается носителем определенных качеств, которые служат для характеристики ряда черт и особенностей самого человека, во многом совпадающих как в русской, так в английской культурах.

Однако отметим и различия. Если в русских художественных текстах подчеркивается отсутствие у куклы души и чувств, то в английских произведениях нами это свойство кукол не было отмечено. Не случайно концепт «душа» считается одним из основных в русской ментальности и принципиально отличает ее от культурных раритетов других народов.

Наш анализ еще раз показывает, что кукла предназначена не только для выполнения утилитарных функций – она обладает достаточно широким набором символических значений, отражающих представления человека о самом себе и окружающем его мире. Безусловно, символизация артефакта осуществляется в традициях той культуры, в которой создана кукла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Redfield R. The Little Community. Viewpoints for the Study of a Human Whole. – Uppsala and Stockholm: Almqvist and Wiksells, 1955. – (URL: <http://ethnopsyhology.narod.ru/study/history/worldview.htm>).
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
3. Илизаров Б.С. Память социальная / Б.С. Илизаров // Энциклопедический социологический словарь. Общая ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М., 1995. С. 520-522.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
5. Морковкин В.В. Идеографические словари / В.В. Морковкин. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1970. – 71 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабушкин А.П. Категоризация антропоморфных артефактов / Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. – М.: Языки славянских культур. – 2009. С.187-194.
2. Капп Э. Философия машины // Роль орудия в развитии человека / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас. – Л.: 1925. – 168 с.
3. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры / Избранные статьи. В 3-х т. Т. I. – Таллинн, 1992, с. 377-380
4. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru
5. British National Corpus. URL: www.natcorp.ox.ac.uk/
6. Google Книги. URL: <https://books.google.ru/>

Воронежский государственный технический университет

THE IMAGE OF DOLLS IN LANGUAGE AND CULTURE

S.N. Kashirsky, T.A. Zhdanov

In this paper examples show how people create dolls according to their own image, give them their own characteristics. Besides, there is the opposite process, which reflects the "attribution" of a person doll's characteristics to himself. These phenomena are considered in Russian and English languages, conclusions are drawn about their similarities and differences

Keywords: doll, figurative rethinking, anthropomorphism

ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЛИЦА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПАССИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

У.В. Богданова

В статье анализируются основные типы действующего лица (агенса), представленного имплицитно в английских пассивных конструкциях, и его функционально-семантические характеристики

Ключевые слова: структурная схема, пропозиция, лицо, агенс, пассивные конструкции

Исследования глубинного содержания структурной схемы простого предложения приобретают все большую актуальность. Структурная схема предложения определяется З.Д. Поповой, В.А. Федоровым, Ю.А. Рыловым и др. как знак, который имеет не только форму выражения, но и представляет определенное концептуальное содержание – пропозицию [1;2;3]. Пропозиция содержит смысловую структуру предложения, передающую связи и отношения, определяемые сознанием человека.

Очевидно, что пропозиции зафиксированы конкретными словоформами, обозначающими субъект и предикат мысли, между ними устанавливаются предикативные отношения. А. М. Ломов утверждает, что субъекту и предикату мысли-суждения в структуре предложения соответствуют два его организующих центра, которые обозначают носителя предикативного признака (семантический субъект) и продуцируемый признак (действие субъекта), направленный или нет на объект [4].

Изучение языковой сущности субъекта, его грамматических и семантических характеристик позволяет определить роль субъекта в предложении. По мнению Ю.А. Рылова, «любое высказывание можно трактовать как сообщение о субъекте (активном или пассивном, реальном или несуществующем) и его предикативном признаке» [3, с.26]. Г.А. Золотова считает, что вопрос о субъекте представляет наибольший интерес в отношении синтаксиса и семантики, она определяет субъект как синтаксически независимый субстанциальный

компонент субъектно-предикативной структуры, обозначающей носителя предикативного признака [5, с.133].

Языковой субъект может быть подвержен изменениям, но всегда присутствует в плане содержания. Так, в пассивных конструкциях английского языка наблюдается устранение формального субъекта, но при этом всегда присутствует возможность определить подразумеваемое действующее лицо. Пассив часто используется для обозначения имплицитного агенса, в качестве которого выступает неопределенно-личный или обобщенный субъект [6, p.111].

Целью нашей статьи является выявление типологии семантического лица в английских пассивных конструкциях на материале текстов классической английской литературы. При определении типа действующего лица нами используется понятие «подразумеваемый агентс» (ПА), так как оно наиболее полно раскрывает семантическое значение данных конструкций. Используемые методы контекстуального анализа и буквальный перевод английских пассивных конструкций на русский язык позволяют выделить некоторые типы подразумеваемого агенса. Приведем синтаксические структуры (конструкции), которые употребляются в предложениях с разными типами агенса.

1. Агентс со значением *определенная известная группа лиц*.

В этих случаях можно говорить об определенной и известной группе лиц, которая представлена конструкциями *N + V passive present; N + V passive past; N + V passive future; N + be + adj. + passive inf.*

*In the meantime we were all at the mess, **the meal was finished** and the arguments went on* [9, p.39]. Через какое-то время мы все были в столовой, ужин был закончен и спор продолжался. ПА – окружающие, присутствующие.

*When the three days were over **the marriage was celebrated*** [8, p.107). Спустя три дня свадьбу праздновали. ПА – окружающие люди, приглашенные гости.

*As he received no salary at all this was not of much use to him, but **it was considered a great honour*** [8, p.107]. Так как он не получал зарплату вообще, все это было бессмысленно для него, но это считалось огромной честью. ПА – народ этого королевства.

*I didn't know what tears were, for I lived in the palace of Sans-Sousi, where **sorrow is not allowed** to enter* [8, p.20]. Я не знал, что такое слезы,

так как я жил во дворце Сан-Суси, куда печаль не допускается. ПА – жители дворца Сан-Суси.

В приведенных выше примерах речь идет о людях, которые определены контекстом, известны, но не называются конкретными именами.

Агенс может пониматься как кто-то из определенной группы лиц, единичный деятель.

I only write about what a beautiful place we live in and how brave the Italians are. That way you`ll be decorated [9, p.47]. Я просто пишу о том, в каком красивом месте мы живем и какие храбрые итальянцы. Так вас и наградят. ПА – кто-то из военного начальства.

He admires you tremendously. He`s been to see the plays tree times. He`s crazy to be introduce to you [7, p.3-4]. Он сходит с ума, чтобы быть представленным тебе. ПА – кто-то из окружения Джулии. Агенс мыслится как определенный и множественный, даже если он известен говорящему как единичное лицо.

Интересны случаи, когда подразумеваемый агенс может быть определен, но конкретно не назван и даже по каким-то причинам скрыт, замаскирован.

I didn`t get hold of it, I was given it [10, p.34]. У меня его не было (кольца всевластия), мне его дали. ПА – кто-то из важных людей. Агенс не выражен отдельным словом, не охарактеризован по линии рода, числа, лица. Деятель скрыт за завесой тайны, о нем не следует упоминать, поскольку для этого существуют значимые эмоциональные причины. Устранение действующего лица и таким образом актуализация действия определяют прагматику таких высказываний.

2. Действующее лицо может пониматься как *определенная обобщенная группа лиц*, которая выявляется из контекста или семантики слов. И может быть представлено конструкциями *N + V passive present; N + V passive past; N + modal verb + passive inf.; N + V+ passive inf.*

I don`t know what`s happened to authors. They don`t seem able to write good lines any more. Bricks without strew, that`s what we actors are expected to make nowadays [7, p.12]. Я не знаю, то случилось с авторами. Кажется, что они больше не в состоянии написать хорошие строки. Кирпичи без соломы, вот что от нас актеров ожидают сегодня. ПА – сценаристы. Действующее лицо в приведенном примере не выражено

лексически, но становится понятным, так как в предыдущем контексте были упомянуты авторы, сценаристы.

*The Student looked up from the grass, and listened, but he couldn't understand what the Nightingale was saying to him, for he only knew **the things that are written down in books*** [8, p.49]. Студент выглянул из травы и слушал, но он не мог понять, что Соловей говорил ему, так как он знал только то, что пишут в книгах. ПА – писатели.

*Travelers seldom come this way now. The old maps are of no use: things have changed for the worse and **the road is underguarded*** [10, p.41]. Старые карты здесь не пригодятся; все изменилось к худшему, и дорога не охраняется. ПА – стражи.

*Your timing is almost perfect. **That couldn't have been taught**, you must have that by nature* [7, p. 24]. Твое чувство ритма почти совершенно. Этому нельзя научить, ты, должно быть, имеешь его от природы. ПА – преподаватели.

*It was such a bore that **Roger** when he got to Eton refused to be **photographed** with her any more* [7, p. 16]. Это была такая скука, что когда Роджер поступил в Итон, он отказался фотографироваться с ней. ПА – фотографы.

Деятель в данных фрагментах отсутствует, так как он логически очевиден из контекста всего высказывания и имплицитно присутствует в ситуации. Семантика глагола-сказуемого (*write, underguard, teach, photograph*) способствует определению значения агенса.

*The she ignored; could never understand why so **much space was wasted** on them* [7, p. 71]. Обзоры книг она игнорировала; не понимая, почему так много места тратилось на них. ПА – редакторы. Упомянутое в предыдущем контексте дополнение *book reviews* помогает в определении скрытого в пассивной конструкции деятеля.

В приведенных примерах действующее лицо не выражено формально и определяется только на основе анализа семантики контекста, глагола-сказуемого, дополнения. Под агенсом подразумевается вполне определенная группа лиц, объединенная общим признаком, например, родом занятий. При этом нет необходимости определять конкретных членов, так как это не значимо для высказывания или вполне очевидно из общего контекста.

3. Агенс может определяться как *обобщенная группа лиц*, то есть любые люди. Данный тип агенса представлен конструкциями *N + V passive present; N + V passive past; N + modal verb + passive inf.*

*There was what was left on a railway station and a smashed permanent **bridge that couldn't be repaired and used** because it was in plain sight* [9, p.18]. Там было то, что осталось от вокзала и разрушенный постоянный мост, который не мог быть восстановлен и использован, потому что он был на виду. ПА – какие-то люди.

*She was in tour in a melodrama that had been successful in London; in the part of an Italian adventuress, whose **machinations were eventually exposed*** [7, p.23]. Она была на гастролях с мелодрамой, которая удачно прошла в Лондоне; в роли итальянской авантюристки, чьи интриги были раскрыты. ПА – какие-то люди.

*And in this neighborhood **heroes are scare, or simply not to be found*** [10, p.31]. Здесь, в этом месте, героев редко можно встретить. ПА – любой человек.

Прагматическая функция таких высказываний заключается в выведении по каким-либо причинам действующего лица из речевого акта и представление его как обобщенного. Деятель в данных примерах не упоминается, поскольку он в силу общего характера, не требует особого внимания и уточнения.

Таким образом, выполненный нами анализ предложений с пассивными конструкциями, позволяет выявить некоторые типы подразумеваемого агенса, которые в большинстве случаев представляют собой группу лиц: *определенная известная группа лиц; определенная обобщенная группа лиц; неопределенная обобщенная группа лиц.*

Данные типы агенса представлены следующими пассивными конструкциями:

N + V passive present; N + V passive past; N + V passive future;

N + be + adj. + passive inf.;

N + modal verb + passive inf.;

N + V+ passive inf.

Проведенное исследование показывает, что существует возможность определять и различать семантические типы лексически не выраженного действующего лица (агенса). Выявляя типы подразумеваемого агенса, необходимо учитывать общий контекст и прагматику всего высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209с.
2. Федоров В.А. Национальная специфика синтаксических концептов / В. А. Федоров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2013. – С. 7– 9.
3. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки./ Ю.А. Рылов – М.: Гнозис, 2006. – 304с.
4. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке. Понятийный словарь-справочник. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета. 2004. – 400с.
5. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова – М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова, 2004. – 540с.
6. Huddleston R. The sentence in written English. A syntactic study based on an analysis of scientific text/ R. Huddleston. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – 344p.
7. Maugham W.S. Theatre / W. S. Maugham. – М.: Менеджер, 2006. – 304p.
8. Wild O. The happy prince and other stories/ O. Wild. – Pan books, 1997. – 134 p.
9. Hemingway E. A farewell to arms / E. Hemingway. – Moscow: Progress publishers, 1969. – 320p.
10. Tolkien J.R.R. The Hobbit or there and back again/ J. R. R. Tolkien. – Penguin books, 1994. – 285p.
11. Bronte E. Wuthering heights / E. Bronte. – Penguin books, 1994. – 279p.

Воронежский государственный технический университет

MAIN SEMANTIC TYPES OF PERSON IN SENTENCES WITH PASSIVE STRUCTURES OF ENGLISH LANGUAGE

U.V. Bogdanova

The article reviews main semantic types of an active person that is implied in English passive structures and its functional semantic features

Key words: sentence structure, proposition, person, agent, passive structures

РАЗДЕЛ 2. АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

ББК 74.261.7

УЧЕБНИК «РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ НЕЙМЕРОВ»: ПРОСПЕКТ

И.П. Лапинская, М.А. Денисова

В статье предлагается вариант учебника и программы по курсу «Русский язык для неймеров», что основано на изучении авторами имён собственных бизнес-объектов (ИСБО) в г. Воронеже. Выделяются принципиально значимые разделы и теоретически важные подходы к предмету

Ключевые слова: имена собственные бизнес-объектов (ИСБО), рекламисты-неймеры, коммуникативный акт, номинативная триада, способы словообразования, части речи, языковая эволюция

Изучение имен собственных бизнес-объектов (ИСБО) и товаров, которое мы проводим уже два десятилетия [1; 2; 4], сделало очевидной необходимость в разработке программы и курса русского языка для специальной подготовки рекламистов-неймеров.

Русский язык как учебная дисциплина включен в планы всех специальностей, к которым готовит отечественная высшая школа. Безусловно, объем информации зависит от того, входит русский язык в число базовых составляющих образования или выступает компонентом общей подготовки. На этом основании курсы для будущих филологов и инженеров значительно различаются.

Еще в 90-е годы прошлого века предпринимались попытки создать варианты курсов русского языка в зависимости от профессиональной ориентации студентов [3], но специализация учебных программ и пособий пока остается во многом перспективой.

Появление профессий, связанных с творческим отношением к языку, предполагает и новые варианты курсов. Конечно, в обучение будущих журналистов и писателей, чья профессиональная деятельность разворачивается в материале языка, включалось не только аналитическое освоение единиц и категорий, но и практика создания речевых произведений по законам соответствующих стилей и жанров.

Рекламисты-неймеры, чья деятельность тоже разворачивается в материале языка, призваны, в отличие от писателей и журналистов, создавать номинативные единицы. Условия, которым должны соответствовать неологизмы, при кажущейся свободе рекламного стиля оказываются достаточно строгими.

Русский язык выступает ресурсом для творчества, при этом параметры авторских новаций задаются направлением эволюции языка. Поэтому изучение законов и единиц лингвосистемы с обязательностью должно сопровождаться развитием того, что принято называть языковой интуицией. Хорошо понимая, что языковому творчеству научить сложно, мы ставим задачей отточить вкус неймеров и обогатить их знаниями, чтобы созданное ими слово вписалось в языковую эволюцию.

Естественно, процесс обновления языка протекает непрерывно и для носителей языка, может быть, непредсказуемо. При этом все инновации оказываются мотивированными и не возникают вдруг. Классики отечественной лингвистики подчеркивали, что язык развивается не трудами лингвистов, а средним уровнем сознания народа. Однако авторское слово (точнее – номинация), претендующее на статус интеллектуальной собственности для создателя, далеко не всегда в эволюцию вписывается.

Доказательства тому видим в том, что, в первую очередь, оно не выполняет основную рекламную функцию – не привлекает в должной мере потенциальных покупателей к совершению покупок; во-вторых, такая номинация в языке долго не живет – даже по временным меркам рекламы; в-третьих, все чаще рекламная номинация выходит за рамки стиля.

Переходя к изложению содержания программы курса и соответствующего учебника, повторим следующее. Стратегию обучения видим в выработке навыков создания новых номинаций, которые с обязательностью впишутся в эволюцию языка. Тактику понимаем как привлечение системных языковых данных в тех аспектах и теоретических осмыслениях, что максимально будут способствовать формированию и усовершенствованию языковой интуиции.

Материалом для представления современного этапа эволюции русского языка избираются как факты, обладающие общесистемным

статусом, так и примеры имен собственных бизнес-объектов и товаров, возникшие в динамике синхронии.

Последовательность вопросов, включаемых в языковую подготовку специалистов-неймеров, определяется соотносительностью излагаемой информации по категориям причины и следствия, общего и частного и иных познавательных дихотомий. Обращаем на это внимание потому, что изменение порядка следования изучаемых тем, на наш взгляд, осложнит понимание теории нейминга и создаст ненужные сложности в практике языкового творчества.

1. История и современность в языке. Социум – навигатор языковых изменений. Синхрония и диахрония как состояния языковой системы. Синхрония как динамическое состояние системы языка. Инерционность языковой нормы как обязательное условие адекватности коммуникации. Семантика и оценка: факторы и объекты изменения статуса языковых единиц. Направление эволюции языка.

2. Условия образования ИСБО. Коммуникативный акт. Коммуникативные роли говорящих. Место и статус неймера в процессе коммуникации продавца и покупателя. Цель рекламного общения. ИСБО – единица речи и языка. Свойства ИСБО как результата коммуникации и номинации.

3. Принципы образования ИСБО: соотношение типа бизнес-объекта и его условного имени, учет целевой аудитории, территориальные особенности номинации, соблюдение уникальности неологизма. Коммуникативный акт «говорящий – предмет речи – воспринимающий» и номинативная триада «продавец – товар – покупатель» в их взаимодействии.

4. Типы имен собственных в языке. Место ИСБО в системе онимов. Типология ИСБО в стиле рекламы. Семантические и структурные свойства ИСБО в силу флективного характера русского языка: отношение к языковым парадигмам – категориям рода, числа и падежа.

5. Слово, словосочетание, предложение как языковые номинативные единицы. Части речи и синтаксические структуры – материал для создания ИСБО. Частотность языковых единиц разных уровней языковой иерархии в процессе словотворчества.

6. Разряды имен существительных по участию в номинативном процессе (предметное, признаковое, собирательное). Варианты субстантивации – переход в существительные прилагательных,

числительных и др. частей речи. Структурные и семантические типы словосочетаний. Структурные и семантические типы синтаксических единиц, способных участвовать в создании ИСБО.

7. Множественность внутренних форм конкретного слова как механизм и условие развития новых значений. Отдельность, цельнооформленность и идиоматичность как обязательные признаки слова. Прямое и переносные значения. Межразрядное движение лексем как результат развития их семантики. Соотношение семантики и оценки в эволюции единиц языка. Словари русского языка как ресурс для создания неологизмов.

8. Многозначность как вариант полифункциональности языковых единиц. Способы развития переносных значений слова (метафора, метонимия, перенос по смежности, по функциям и т.д.). Возможности интертекстуальных средств (устойчивые словосочетания, цитаты) в образовании ИСБО.

9. Заимствования как способ заполнения лексических лакун. Источники и параметры заимствований. Изменчивость условий взаимодействия языков в диахронии и синхронии. Динамика источников и приемов заимствования. Возможности включения заимствований в класс ИСБО.

10. Стилиевая система современного русского языка. Социолекты как облигаторный компонент национального языка в синхронии. Норма как инерционный механизм сохранения системы. Статус стиля рекламы. Межстилевое взаимодействие с иными стилями и социолектами и внутрисистемные ограничения.

11. Морфологический способ образования неологизмов. Аффиксальное словообразование, сложение основ, аббревиация и их границы в создании ИСБО. Частотность морфологических неологизмов в системе ИСБО.

12. Графика ИСБО. Употребление прописной и строчной буквы, сочетание алфавитов, транслитерация. Расширение границ номинации в стиле рекламы и отдельность слова как его облигаторное свойство. Инициал в истории и современности. Графика и рисунок. Цвет и свет на вывеске.

13. Орфография и пунктуация. Попытки вариативности в правописании и их истоки. «Демократичность» пунктуации в рекламном стиле. Отношение инноваций к Правилам орфографии и пунктуации, Закону РФ о русском языке.

14. Слоган – коммуникативный акт и речевая форма. Синтаксические единицы, эффективные в данной речевой форме, их частотность. Парцелляция и пунктуация. Единство слогана и ИСБО как вариант целостного текста.

15. Креолизованный текст в компонентах: вывеска и витрины, фасад и интерьер помещения, дресс-код сотрудников.

Определяемая настоящей Программой теоретически значимая информация излагается в курсе лекций. По отдельным вопросам могут предлагаться доклады и рефераты, поскольку навык языкового творчества в стиле рекламы, на что ориентировано изучение дисциплины, с неизбежностью уточняется на фоне пользования иными стилями и, в частности, научным.

Для самостоятельной работы предназначена литература, список которой представлен после изложения теории вопроса и насчитывает более 100 наименований. Монографии и статьи лингвистов охватывают проблематику истории и современного состояния языка, а также выстраивают перспективы эволюции.

Практические навыки отрабатываются на традиционных упражнениях, но на материале, генетически связанном с предметом изучения, или на примерах имен собственных бизнес-объектов и товаров, что уже описывались нами в указанных монографиях. Важным моментом выступает анализ неудачных названий и неймеров-профессионалов, и обучающихся студентов.

Для развития интуиции и совершенствования языкового вкуса упражнения на закрепление материала дополняются творческими заданиями – например, решением сканвордов, викторин, ребусов и шарад, созданием ИСБО по указанию преподавателя и т.п. Разработка типов творческих заданий видится перспективой обучения неймеров русскому языку.

Учебный курс должен читаться предположительно в течение семестра, при необходимости он может быть развернут. Объем учебника «Русский язык для неймеров», проспект которого мы представляем, – 10 печ. листов. При включении в него материалов для практических занятий количество страниц издания соответственно увеличится.

Апробация программы и учебника осуществлялась в тестовом режиме и позволила внести коррективы в структуру предполагаемого

издания, отбор языкового материала, типологию творческих заданий. Созданные в процессе обучения ИСБО успешно функционируют.

Следует добавить, что курс русского языка будет успешным при сочетании его с изучением культуры и истории родной страны и мира, с углублением в особенности национального менталитета.

Итак, появление специальности рекламистов-неймеров требует новых подходов к обучению русскому языку как к ресурсу языковой эволюции и способствует углублению понимания родного языка как национального достояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Что в имени?: монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, Д.А. Сорокина и др.; под ред. И.П. Лапинской. – Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 219 с.

2. Стиль рекламы: Речевые формы / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, О.В. Гостева др.; под ред. И.П. Лапинской. – Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 161с.

3. Лапинская И.П. Русский язык для менеджеров: учеб. пособие / И.П. Лапинская. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 160 с.

4. Лапинская И.П., Денисова М.А. Стиль рекламы: навигации социума и потенциал культуры / И.П. Лапинская, М.А. Денисова // Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития: сборник научных статей по материалам 15-ой всероссийской научно-практической конференции – Воронеж: «Научная книга». – С. 129 – 134.

Воронежский государственный технический университет

THE TEXTBOOK "THE RUSSIAN LANGUAGE FOR NAMING EXPERTS": THE PROSPECTUS

I.P.Lapinskaya, M.A. Denisova

The article offers a version of the textbook and the program on the course "the Russian language for naming experts". It is based on the study of proper names of business objects which are located in Voronezh. The article also focuses on the most significant units and very important theoretical approaches to the subject.

Key words: proper names of business objects, naming experts, communication act, nominative triad, word-formation methods, parts of speech, language evolution

ЖАНРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОЛЬКЛОРА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

М.А. Денисова

Жанровые формы фольклора - считалки, скороговорки и даже былины - широко используются в современной поэзии для детей. Статья представляет анализ современных текстов указанных жанров, определяются их сходства и различия с классическими образцами, поднимается вопрос об адресации произведений

Ключевые слова: детская литература, фольклорные формы, считалки, скороговорки, былины, словотворчество, прецедентные тексты

На протяжении многих веков сказки, дразнилки, прибаутки, загадки и другие жанры устного народного творчества знакомы детям. В сборниках стихов современных российских авторов можно увидеть немало произведений, использующих фольклорные формы считалок, скороговорок, колыбельных, загадок и даже былин. Предметом анализа являются стихотворения Михаила Яснова, Марины Бородицкой, Андрея Усачёва, Натальи Хрущёвой, Вадима Левина, Олега Сердобольского, Алексея Шевченко и других авторов.

Призванные распределять роли в игре весёлые и ритмичные стихи – считалки – являются одним из самых популярных жанров детского фольклора. При необходимости выбрать ведущего, один из детей должен произносить считалку, скандируя и одновременно указывая на других ребят по порядку при каждом произнесённом слове или слоге. Отчётливое их выделение становится показателем правильно проведённой жеребьёвки.

Современные авторские считалки по преимуществу являются числовыми, а так как их предназначение напрямую связано со счётом, герои произведений, как правило, считают: звездочёт – планеты [8, 53], кошка – мышек, мышки – дырки в сыре [5, 20-21]. Предлагается считать тучки в небе [9, 122], цыплят у курицы [8, 47], травы в настое, который готовит ведьма [9, 116], овощи, необходимые для приготовления щей [1, 43], и многое другое. Действующими лицами

чаще становятся не дети, а животные, птицы, насекомые, сказочные персонажи (русалки, колдуньи) и даже неодушевлённые предметы.

Структура считалок может быть различной: иногда текст начинается с вопроса, а в основе произведения лежит диалог, состоящий, как правило, из двух-четырёх реплик: «Где ты, сон? / Дома. / Кто с тобой? / Дрёма» [11, 11] или «Ведьма, как житьё-бытьё? / Ничего, варю питьё» [8, 116].: «Стала лужа видеть хуже / Кто очки пропишет луже / – Я могу! – сказала стужа, / Стала лучше видеть лужа» [9, 68].

Однако чаще всего зачином является счёт: «Раз, два, три, четыре, пять, / Серый волк мешает спать» [6, 182], «Раз, два, три, четыре – / Мы играем в прятки / В сыре» [4, 216], «Раз, два, три, / Четыре, пять. / Кошка / учится / считать» [5, 20]. В некоторых считалках один и тот же ряд числительных многократно повторяется: «Раз! Два! Три! Четыре! / По дорожке я скачу. / Раз! Два! Три! Четыре! / Башмачок скакать учу» [11, 8]. В всех примерах используются только количественные числительные от одного до четырёх или пяти. Концовкой в таком случае может стать как обращение («Прочь ступай! / Детей не пугай!»), так и развязка: мыши съели сыр, кошка, посчитав, съела всех мышек, а башмачок сломался и заблудился.

Следующую группу составляют считалки, в которых сюжет базируется на подсчёте или описании предметов; ряд используемых числительных, количественных или порядковых, увеличивается в таких случаях до десяти-двенадцати. Так, например, построены тексты Андрея Усачёва. В «Спортивной считалке», например, представлен репортаж с соревнований по бегу: «Бег – прекрасная игра. / У спортсменов – номера. / Приготовились. На старт! – первым номером – Гепард! / Номер два. Ну и ну! / Скачет антилопа Гну...» [8, 51]. В считалке «Когда Сова ложится спать» можно познакомиться с распорядком дня птицы [8, 45], а в «Крокодильей считалке» – с обеденным меню крокодила [8, 52]. Концовка в таких текстах является развязкой: крокодил, наевшись, заплакал, победителей забега поздравляют, а Сова, сделав все дела, в полдень засыпает.

Так как считалка предполагает практическое использование и с её помощью играющие постепенно выбывают, пока не останется ведущий, концовкой часто служит обращение к тому, на кого падает последнее слово. Это обращение обычно связано с сюжетной канвой. Например, «Кто не спит – / Выйди вон!» (Колыбельная считалка) [11,

11], «Хочешь выйти – зонт бери!» (Осенняя считалка) [9, 122], «Хороша была игра, / И тебе водить пора» (Серебристая считалка) [9, 69], «Мало в лужице воды, / Значит ВОДОЙ будешь – ТЫ» (Прозрачная считалка) [9, 68].

Среди авторских считалок немного сюжетных, то есть тех, в которых отсутствуют счётные слова, а в основе лежит повествование. Речь в некоторых из них идёт, например, о прогулке щенков (Щенячья считалочка) [1, 79], о полёте голубей в небе (Голубая считалка) [9, 69], о человечке, который переживает грозу под крыльцом (Считалка с грозой) [4, 221], о путешествии микроба по дороге (Микроб-пешеход) [4, 222]. В ряде случаев принадлежность этих текстов к анализируемому жанру можно определить лишь по названию.

Некоторым авторским считалкам тесны рамки традиционной классификации. Так, стихотворение Вадима Левина «Вторая считалочка для кошки» содержит только два слова: кошки и мышки. Причём если сначала шесть раз чередуются оба, то затем четыре раза повторяется слово «кошки», видимо, заставляя предположить, что второй компонент был каким-то образом утрачен [5, 22].

Героев других считалок сложно себе представить и отнести к какой-либо группе существ, хотя сюжетная канва в общих чертах просматривается: «Зяка с Зябайкой сидели в кустах / С семи девятнадцати ждали зянях» [4, 220], «Зюка и Злюка пошли на базар» [4, 219], «Жили-были у неряхи / Ахи-Охи, Охи-Ахи, / Приходили к ним растяпы / Тяпы-Ляпы, Ляпы-Тяпы», среди героев последнего стихотворения есть и Ахи-Тили, Дили-Охи, Трали-Ляпы, Тили-Дили и другие [4, 217-218]. Это роднит тексты с так называемыми заумными считалками, то есть созданными из слов, не поддающихся смысловому анализу. В последних примерах используется достаточно традиционный приём создания парных рифмованных слов, широко распространённый в устном народном творчестве.

Метрическая система считалок подчинена разговорному ритму, что и обуславливает выбор стихотворного размера – хорей, по преимуществу четырёхстопный. Иногда строка делится на две или даже три части: «Две недели / У сосны / Два жука / Пекли блины. / Две сороки / Прилетели – / Двух жуков / С блинами / Съели» [6, 151]. Чтобы подчеркнуть особое ритмическое членение стиха, авторы иногда используют послоговое деление слова: «Пусть достанутся росинки / Всем кру-гом, / Чтобы бегать по росинкам / Бо-си-ком» [11, 7]. Рифма,

как правило, парная, смежная, реже – перекрёстная. Произведения состоят обычно из шести – восьми строк, хотя встречаются считалки и значительно большего объёма.

Таким образом, современные считалки, используя традиционную фольклорную жанровую форму, наполняют её новым содержанием. Однако современные дети мало играют в коллективные игры, где правилами игры предписано выбирать ведущего, и, следовательно, нужна считалка. А если такая потребность и появляется, дети используют иные, традиционные короткие образцы типа: «Я считаю до пяти, / Не могу до десяти. / Раз, два, три, четыре, пять, / Я иду искать». Поэтому авторские считалки остаются только стихотворениями, созданными по данной жанровой модели.

В отличие от считалок, скороговорки на практике используются значительно чаще. Они по-прежнему остаются одним из самых распространённых методов обучения правильной и выразительной речи. Правда, короткие фразы с усложнённой артикуляцией некоторых звуков, впервые опубликованные В.И. Далем, несколько отличаются от современных авторских скороговорок. Прежде всего различается объём. В фольклорном варианте это предложение, чаще небольшое («От топота копыт пыль по полю летит», «Летят три пичужки через три пустые избушки», «Шли сорок мышей, несли сорок грошей; две мыши поплоче несли по два гроша» [2, 66]), а в сегодняшних поэтических сборниках – законченное стихотворение.

Как правило, современные скороговорки состоят из четырёх-восьми строк, реже встречаются тексты из двух строк («Кавалеры королевы / Плыли к ней на каравелле» [4, 223], «Верка-вертушка / Во рту ватрушка!» [10, 15]), могут быть и произведения большего объёма. Традиционно они ориентированы на детей, о чём свидетельствует выбор героев и сюжеты, но в сложных фразах или в ироническом контексте очевидна иная адресация: «Прокурор, ты, прокурор, / Ты расскажи мне про курорты. / Про курорты, про курорты / Про курортики свои» [4, 222].

Скороговорки – в основном тексты рифмованные, как сюжетные, так и бессюжетные, построенные на повторении одного или нескольких звуков. Например, слова со звуком **ш** собраны в скороговорке «Шумный лес» Михаила Яснова: «Что у нас в лесу на букву «Ш»? / Это шишка шлёпнулась, шурша. / Шмель и шершень / Шумно шарят в кашке. / Шебаршат в шиповнике букашки» [10, 20].

Звуки **п, с, л**, входящие в состав разных по значению слов, являются основой «Посольской скороговорки» Алексея Шевченко: «Пасла / Осла / Сестра / Посла, / Пока / Посол / Поесть / Пошёл. / Посол / Пришёл / И пас / Осла, / Пока / Сестра Поесть / Пошла» [7, 56].

Разнообразна и синтаксическая структура данных текстов. Наряду с двусоставными, есть и односоставные назывные предложения, из которых, например, и состоит «Скороговорка за обедом»: «Супница. / Сметанница. / Сахарница. / Салатница. / Рыбница. / Горчичница. / Салфетница. / Гусятница. Сырница. / Конфетница» [10, 26]. Всего в произведении насчитывается 16 слов, сходных по составу, состоящих из 3-4 слогов и составляющих группу лексем со значением «посуда». Сложность, по-видимому, должно представлять произношение суффикса **-иц-** (**-ниц-**). В скороговорке «В лесной библиотеке» два назывных предложения и только три слова, два из которых – омонимы: «Мышка – / Под книжкой / С книжкой / Под мышкой. / Книжка – / Под мышкой / мышки / Под книжкой» [10, 17].

Несколько скороговорок построены на имитации речи ребёнка в том возрасте, когда он ещё не выговаривает слова или шепелявит в связи с выпадением молочных зубов: «У Суры большой бутерброд с колбасой, / У Шаши большой бутерброд с колбашой» [4, 225], «Зыл был на свете зелёный Зезя / Не бользе игрушечного паровоза [4, 225-226]». Интересен вариант с акцентологической игрой слов в скороговорке Станислава Востокова «Икота и Кот»: «Как-то напала икОта на кОта... / Нет, лучше: нашла икотА на котА... / Нет, лучше уж: икота пала на кОта... / ну в общем, икалось коту иногда» [4, 226].

Авторы произведений в этих жанрах нередко обращаются и к общеизвестным фольклорным образцам, предлагая своё продолжение популярных строк, например, считалки: «Вышел месяц из тумана / Вынул ножик из кармана / Откусил... И зуб сломал / Вот он! Я его поймал!» [4, 216], «Шишел-Мышел / Взял да вышел / Прогуляться в темноте» [4, 217-218]. Новые тексты отсылают к образам, знакомым скорее взрослым, чем детям, и поэтому рассчитаны, по-видимому, на родителей.

Скороговорка «Ехал грека через реку» имеет даже несколько вариантов концовок, одна из которых характеризует персонажа: «Сунул грека в реку руку... / Потому что он дурак!» [4, 222], а вторая продолжает традиционный вариант диалогом грека и рака. В беседе

затрагивается важная проблема загрязнения водоёмов. Сердитый грек спрашивает, за что рак причинил ему боль, и тот объясняет: «А не лезь руками в реку, / Будь ты турок или грек / Или русский человек. / Засорили человеки / Все пруды, моря и реки, / Грязь от вас в реке и мрак, / Так ответил греку рак» [4, 224]. Обращение к прецедентному тексту здесь становится поводом для обсуждения с ребёнком темы защиты природы.

Последние годы в детской поэзии значительно возросло количество авторских неологизмов, поскольку широко распространена игра со словом [3]. Используется она и в анализируемых жанрах. Так, герои «Мирной считалки» Михаила Яснова – Дразнилки, Разнималки и Мирилки [11, 9]. Эти слова созданы по модели слова «считалки» от глаголов *дразнить*, *разнимать* и *мирить*, именно лексическое значение глаголов определяет характер и функции персонажей. Действующими лицами скороговорки Игоря Шевчука «Мыква» выступают местоимения 1 и 2 лица единственного и множественного числа: «ТЫкву ТЫ несла в ладони, / Якву Я в кармане нёс. / ВЫкву ВЫ несли в бидоне. / МЫ столкнулись к носу нос» [4, 216]. В состав слов, выполняющих роль объектов и образованных по модели слова «буква», также входят указанные местоимения, которые ещё и выделены графически.

Заголовок скороговорки Марины Бородицкой «Щи-талочка» (*щи*, *считалочка*) [1, 43] содержит существительное «щи», приготовление которых и описано в тексте. Игру слов могут оценить лишь те дети, которые умеют читать самостоятельно, так как на слух она незаметна. Названия считалок тоже нередко трансформируются: «Скорогородка» (*скороговорка*, *огород*) Игоря Шевчука рассказывает об огороде, который побит градом. Слово «огород», которое входит в состав жанрового определения, не выделено графически, поэтому автор счёл нужным добавить подзаголовок: *огородная скороговорка* [4, 226].

Александр Пинегин использует слово «Скоробубнилка» (*скороговорка*, *бубнить*), меняя в сложном слове нейтральный по стилевой окраске глагол «говорить» на разговорный «бубнить», то есть говорить глухо, невнятно, бормотать [12]. Содержание текста, впрочем, вполне соответствует названию: «Дундель-Фундель / Загудундель, / Пундыр-Тундыр / Болимог» [4, 227]. Перу Михаила Яснова принадлежат «Коровоговорка» (*корова*, *скороговорка*) и «Скоро-гав!-орка» (*скороговорка*, *гав*), где заголовок сразу же

знакомит читателя с действующими лицами. В первом случае в сложном существительном *скороговорка* происходит замена первого корня, а во втором вместо части второго корня добавляется звукоподражательное слово *гав*. Произведения, содержащие игру слов, необычайно интересны и образны, они, безусловно, адресованы детям старше пяти лет [3, 121].

Если скороговорок и считалок в современной детской поэзии много, то былина, точнее «Былиночка», всего одна. Её автор Игорь Шевчук уже в названии заявляет фольклорный жанр, однако уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* содержит в себе поправку и на объем текста, и на отнюдь не героическое его содержание. Народная песнь о подвигах богатырей трансформируется в «Былиночке» в горестные размышления молодца Вовушки, который не боится ни «зверья подколодного», ни «люта ворога, боя ратного», а боится одного: «тятю родного, ремешка его да сыромятного» [4, 26-27].

Среди обязательных композиционных элементов былины отмечена экспозиция: «Ой, ты гой еси / Дружки-дружичи! / Нам-то былль вести – / Вам-то слушати», завязка: «Как по тропушке / Вдоль канавоньки / Топал Вовушка – Долго ль, мало ли». Кульминацией, которая по законам былины должна представлять собой бой с противником, становится ответ на вопрос: «Что свет, Вовушка, взор твой туманится? / Что головушка на бок кренится? / Аль в тетрадоньке нету заданьца – / Сочиненьца, да с упражненьцем?»

В произведении не воспеваются высокие человеческие достоинства: храбрость, стойкость, благородство, не описывается подвиг. При столкновении высокой формы и будничного содержания возникает комический эффект, который подкрепляется и вовсе не богатырским именем – Вовушка. В уменьшительно-ласкательном суффиксе *-ушк-* заключён и возраст героя, и масштаб его личности: «Как же молодцу мне не печалиться? / Не кручиниться как ясну соколу? / Промахал я всю четверть палицей! / Провкушал эскимо, да с соками! / А дневник-то мой во сырой земле / Думу думает, думу горькую. / В нём пятёрочек – не трудись искать. / А уж двоечек – не трудись считать».

Комический эффект подкрепляется смешением стилистических пластов: устаревших слов и форм (палица, кручиниться, молвить, вкушать, ратный, слушати, ворог) и современных номинаций,

относящихся к сфере школьного образования (дневник, сочинение, упражнение, тетрадь, двойки, пятёрки, ремень). Произведение будет интересно и понятно школьникам, которые уже знакомы с героическими былинами об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче.

Таким образом, фольклорные формы широко используются в современной поэзии для детей. Они наполняются новым содержанием и обогащаются новыми чертами. При этом целевой аудиторией выступают как дети разного возраста, так и взрослые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородицкая М.Я. Бумажный зонтик: стихи для всей семьи / М.Я. Бородицкая. М.: Розовый жираф, 2014. – 111 с.
2. Даль В.И. Старик-годовик: сказки, пословицы, скороговорки, загадки, игры, песенки для детей. М.: Мелик-Пашаев, 2011. – 80 с.
3. Денисова М.А. Язык современной литературы для детей «от двух до пяти»: словотворчество в поэзии // Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2017. Вып.14. – С. 116-123.
4. Классики. Лучшие стихи современных детских писателей. Авт.-сост. М.Артемьева. М.: Детская литература, Эгмонт Россия Лтд, 2006. – 240 с.
5. Левин В.А. Стихи с горчицей: поэтический сборник / В.А. Левин. М.: Самокат, 2015. – 80 с.
6. Собака зелёного цвета, или Шёл мышонок по паркету. Стихи для детей. Составитель – А.В. Бондарев. Воронеж: ОАО «Центр. – Чернозём. КН. Изд-во», 2007. – 224 с.
7. Шевченко А.А. Что творится в голове: стихи / А.А. Шевченко. СПб: Детгиз, 2010. – 64 с.
8. Усачёв А.А. Умная собачка Соня: стихи, сказки / А. А. Усачёв. М.: Астрель: АСТ, 2006. – 409 с.
9. Я иду в школу / Состав. и ст. М.Д. Яснова. – СПб: Детгиз, 2008. – 303 с.
10. Яснов М.Д. Жили-были Линь и Язь. Тридцать три скороговорки / М.Д. Яснов. М.: Текст, 2017. – 32 с.
11. Яснов М.Д. Скороговорки и считалки. / М.Д. Яснов. М.: Оникс, 12 с.
12. Словари - Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/>.

GENRE POTENTIAL OF FOLKLORE IN MODERN POETRY
FOR CHILDREN

M.A. Denisova

Genre forms of folklore that is counting rhymes, tongue twisters and even heroic epic ballades are widely used in modern poetry for children. The article represents analysis of modern texts of the abovementioned genres. It also determines their similarities and differences with classic examples and raises an issue of addressing the written works

Key words: children's literature, folklore forms, counting rhymes, tongue twisters, heroic epic ballades, word formation, precedent texts

ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Е.В. Сарафанникова

В статье речь идет о применимости понятия «толерантность» к современной ситуации в мире и ее отражении в информационном пространстве посредством стереотипов, а также о преодолении интолерантности в процессе изучения иностранного языка

Ключевые слова: ин/толерантность, СМИ, стереотип, межкультурная коммуникация, иностранный язык

В современном гражданском обществе толерантность является ключевым принципом, теоретически толерантность должна проявляться в уважении и правильном понимании других взглядов, культур, методов самовыражения и проявления индивидуальности. При этом она против социальной несправедливости, уступок чужим взглядам и убеждениям, жестокого навязывания своего мнения окружающим. Толерантность предполагает настроенность на диалог с другим, ею необходимо руководствоваться в своем поведении как отдельному человеку, так и обществу в целом. Согласно источнику [2], в социологическом плане выделяют следующие виды толерантности:

- гендерная (уважительное отношение к противоположному полу);
- расовая (терпимость по отношению к представителям других рас);
- национальная (уважительное отношение к людям других национальностей);
- религиозная (принятие и уважение к иному вероисповеданию);
- сексуально-ориентационная (уважительное отношение к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией);
- политическая (терпимость к представителям разных политических партий);
- уважительное отношение к людям с ограниченными возможностями (инвалидам).

Обратим внимание на то, что в комментариях к этим видам мы использовали слова терпимость, уважение, принятие, которые в определенном отношении являются синонимами слова толерантность.

Как и у любого сложного явления, у толерантности есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, толерантное отношение помогает преодолевать страх непохожести и более эффективно строить коммуникацию, что способствует личностному росту и развитию благодаря взаимодействию с людьми, которые придерживаются иных точек зрения. С другой стороны, бывает крайне трудно провести границу между толерантностью (терпимостью) и безразличием, а уважение прав другого на расстоянии зачастую способствует не сближению, а отдалению. Кроме того, декларирование прав других может служить прикрытием для реально существующих социальных проблем и даже намеренным манипулированием сознания людей.

Одним из примеров того, как толерантность может привести к негативным последствиям, является ситуация с беженцами во многих европейских странах. Европа гостеприимно распахнула двери для беженцев из стран Ближнего Востока, Африки. Но проблема оказалась в том, что эти люди пришли с иными культурными ценностями, с другим жизненным укладом и не желают в свою очередь толерантно принимать систему ценностей стран, в которых им дали прибежище. В результате возникает огромное количество конфликтных ситуаций, что широко освещается в средствах массовой информации.

СМИ во всем своем многообразии – это, пожалуй, ключевой источник наших знаний о происходящих в мире событиях, о других странах и культурах. Несмотря на то, что определенная аудитория отдает предпочтение тому или иному средству, все они объединены общей задачей информирования масс. Правда, не стоит забывать и о том, что нельзя воспринимать сообщаемое как зеркальное отражение действительности. По своей природе любое отражение не может быть объективным, а информирование – лишь одна из функций, выполняемых СМИ.

Следует сказать, что информационная среда обладает обширным набором средств для формирования оценок, важнейшим из них является обращение к стереотипам – схематически оформленным стандартам восприятия социо-культурных явлений. Сама по себе стереотипизация – это некое упрощение; оно способствует восприятию мира благодаря разграничению существующих явлений

или ситуаций на хорошие – плохие, правильные – неправильные и т.д. Проблема в том, что оценки, формируемые на основе подобных стереотипов, воспринимаются нами на уровне бессознательного, и этим при желании можно умело манипулировать.

К размышлениям о толерантности все это имеет самое непосредственное отношение. По словам Э. В. Чепкиной, автора пособия о проблемах толерантности в СМИ, «интолерантность часто основана на представлениях, что свое, наше — это нормальное, естественное, эталонное. Следствие этого — представление, что люди с другим образом жизни и мыслей, другой внешностью — «ненормальны», и это рождает призывы к насильственным действиям против других, одобрение дискриминационных мер по отношению к ним. В более мягких формах интолерантность проявляется в тиражировании негативных стереотипов массового сознания о разного рода других — этнических, религиозных, гендерных группах и др. Часто такие стереотипы усваиваются в раннем возрасте и потом не подвергаются переосмыслению» [Чепкина, 2016: 16].

Итак, одним из самых мощных и одновременно восприимчивых к различным вмешательствам стереотипов является свой – чужой. Показательным примером, на наш взгляд, можно считать так называемое «дело Скрипалей», в котором интолерантность в оценках и словах привела к ощутимым и, соответственно, интолерантным действиям с обеих сторон (высылка дипломатов). В средствах массовой информации без труда можно найти разные материалы, в том числе и новостные, по этому поводу. Во всем этом многообразии можно не только запутаться, но и стать объектом манипулирования. Каким был факт действительности, который изначально стал информационным поводом? Приведем выдержки из новостей на канале BBC.

(1)They were found slumped and unconscious on a bench near a shopping centre in the centre of Salisbury on March 4, having visited a pub and a restaurant.

(2)The Skripals had been found slumped on a bench on 4 March - but staff treating them at Salisbury District Hospital did not initially know the reason why.

(3)The former Moscow spy and his daughter were found slipping in and out of consciousness on a park bench in Salisbury on March 4. They

were taken to Salisbury District Hospital, where they were put straight into intensive care.

They were poisoned by a Novichok nerve agent suspected to have been administered by the Kremlin.

(4)The attempted murder of a former Russian double agent and his daughter on British soil has led to accusations of Russian state involvement.

Сначала сообщалось о найденной в центре Солсбери на скамейке недалеко от торгового центра паре людей, мужчины и женщины, они были без сознания, известно, что до этого они посещали паб и ресторан. Затем, когда установили личности людей, стала появляться информация о причинах того, что было квалифицировано как отравление бывшего двойного агента и его дочери с помощью нервнопаралитического вещества Новичок (российского происхождения), ставшее вскоре попыткой убийства, виновной в которой признали Россию.

Таким образом, «голые факты», некое в действительности произошедшее событие постепенно преобразуется, примеряя «одежду» из подробностей произошедшего, форма и цвет которой зависит от вкусов потребителя данных новостей.

Наиболее явно языковая интолерантность проявляется в освещении событий при цитировании высказываний политиков, а также, чего не было в таком объеме раньше, в журналистских комментариях. Оценка, разумеется, выражается и в самих словах, как, например, ставшее у нас объектом юмора «хайли лайкли», от англ. *highly likely* (весьма вероятно), сказанное британским премьером Терезой Мэй в отношении виновности России в отравлении Скрипалей.

Но часто высказанные кем-то особо интолерантные мысли и мнения начинают самостоятельную жизнь в информационном пространстве. Так произошло с печально известной фразой министра обороны Великобритании о том, что «Russia should go away and shut up», дословно: «Россия должна уйти и заткнуться». Данное абсолютно не дипломатическое высказывание прозвучало в момент ответа министра на вопросы после заседания в Бристоле [3]. Не удивляют появившиеся незамедлительно заголовки: «Язык дипломатии: британский министр посоветовал России "заткнуться"» [4], «Британский министр обороны посоветовал России «отойти и заткнуться» [5].

Примеров цитат политических деятелей, содержащих оценочную лексику, довольно много. Приведем выдержки из статьи, полный текст которой можно найти по ссылке (<http://www.euronews.com/2018/03/13/watch-live-british-pm-addresses-parliament-about-nerve-attack-on-russian-spy>) [6].

On Monday Prime Minister Theresa May said it was "highly likely" that Russia was to blame, after Britain identified the substance as a type of nerve agent developed by the Soviet military.

Russia's foreign minister has flatly denied that his country was involved in the case. "We've made a statement to dismiss this as nonsense. We have nothing to do with this," Sergei Lavrov said on Tuesday.

Британский премьер-министр с большой вероятностью обвиняет Россию и упоминает советских военных, разработавших нервнопаралитическое вещество. Само слово Soviet явно не имеет в западном мире положительной коннотации. Сергей Лавров, в свою очередь, полностью отвергает обвинения и призывает назвать это абсолютным бредом.

В следующем сообщении министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон вообще возлагает вину на Кремль в лице Путина, причем это уже "overwhelmingly likely" (более чем очевидно), за намеренное использование того самого вещества на улицах Великобритании:

British Foreign Secretary Boris Johnson has said the UK government believes it "overwhelmingly likely" that Vladimir Putin ordered the nerve agent attack in England on a former double agent.

"Our quarrel is with Putin's Kremlin and with his decision – and we think it overwhelmingly likely that it was his decision – to direct the use of a nerve agent on the streets of the UK, on the streets of Europe for the first time since the Second World War" [7].

Однако язык не только отражает проблемы с толерантностью в обществе и мире. Язык, а именно изучение иностранного языка может способствовать толерантности. Благодаря изучению иностранного языка формируется так называемая культурная компетенция (cultural competence). Студенты вырабатывают новые способы понимания другой культуры через анализ культурных стереотипов, ведь они изучают не только лингвистику.

Изучение иностранного языка способствует более комфортному (толерантному) восприятию неизвестного. Это называют *tolerance of ambiguity* (способность воспринимать нарушение стереотипов).

Если эта способность сформирована, то незнакомые ситуации будут скорее вызывать интерес, чем испуг или отторжение [8]. В этой же статье автор приводит пример Принстонского университета, в котором недавно было введено обязательное изучение дополнительного языка, и призывает другие университеты США (где требования к владению иностранным языком зачастую минимальны) последовать примеру Принстона. В контексте размышлений о толерантности интересна его мотивировка: необходимо усилить толерантность к восприятию различных культурных норм в американском обществе на фоне захлестнувшей всю страну (в частности, учебные заведения) волны преступлений на почве нетерпимости (*hate crimes*).

Итак, несмотря на существующие в условиях глобализации проблемы, толерантность в современном мире является необходимым условием коммуникации. Одним из способов формирования норм и ценностей, которые зависят от личности каждого человека, служит изучение иностранного языка. Трудно не согласиться с мыслью: чем образованнее и культурнее человек, тем более толерантно он относится к людям вокруг и к миру в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чепкина, Э. В. Проблемы толерантности в средствах массовой информации : [учеб.-метод. пособие] / Э. В. Чепкина ; Минобрнауки РФ, Урал. федер. ун-т. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. –116 с.
2. Понятие толерантности простыми словами - ADVI.club. URL: <https://advi.club/psihologiya-i-obshhestvo/135-ponyatie-tolerantnosti-prostymi-slovami.html>
3. UK Defence Secretary Gavin Williamson. URL: www.bbc.com/news/av/uk-politics-43402531/williamson-russia-should-go-away-and-shut-up
4. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20180315/1516464148.html?inj=1>
5. НТВ – Новости. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1992130/>
6. Евроньюс. URL: <http://www.euronews.com/2018/03/13/watch-live-british-pm-addresses-parliament-about-nerve-attack-on-russian-spy>
7. Евроньюс. URL: <http://www.euronews.com/2018/03/16/boris-johnson-overwhelmingly-likely-that-putin-ordered-spy-nerve-attack>

8. The Conversation. URL: <https://theconversation.com/how-learning-a-new-language-improves-tolerance-6847>

Воронежский государственный технический университет

LINGUISTIC ASPECT OF TOLERANCE

E.V. Sarafannikova

This article considers the problem of intolerance in the modern world and describes how this situation is reflected in the media. It is argued that learning foreign languages can help overcome intolerance.

Key words: in/tolerance, mass media, stereotype, cross-cultural communication, foreign language

ВИДЫ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК В ОБЪЯВЛЕНИЯХ

Г.В. Романова

Рассматриваются самые частотные виды речевых ошибок в объявлениях: лексические, стилистические, синтаксические, морфологические

Ключевые слова: речевые ошибки: лексические, стилистические, синтаксические, морфологические

В течение последних десяти лет нами проводится лингвистическое исследование с целью обнаружения ошибок в объявлениях. Предметом изучения выступают объявления различного содержания, но при одном условии – они не должны быть отредактированы профессионалами (к примеру, газетные объявления этому условию не соответствуют, так как при их публикации обязательна корректорская правка). К работе по сбору и анализу объявлений с ошибками привлекаются студенты ВГТУ, изучающие курс русского языка и культуры речи.

Целью сбора примеров с речевыми ошибками является усвоение студентами норм русского литературного языка. Ведь для того, чтобы увидеть чужую ошибку, необходимо самому владеть нормами русского литературного языка, а правильная классификация ошибок возможна только при чётком представлении всей языковой системы. Мы полагаем, что данную форму работы (выявление ошибок) можно считать не только продуктивным методом обучения русскому языку, но и способом совершенствования собственной культуры речи.

Следует отметить, что изучение с помощью обращения к отрицательному материалу (в нашем случае – к речевым ошибкам) является нетрадиционным и мало исследованным в лингвистике, но о необходимости этого написано довольно много. Однако по сей день проблема речевых ошибок не получила полного теоретического осмысления, так, в «лингвистических словарях нет даже терминов «ошибка» или «речевая ошибка»» [2; 298].

Мы полагаем, что работа студентов по сбору речевых ошибок при изучении курса культуры речи значима и перспективна. На наш взгляд, дальнейшее исследование отрицательного материала даст

возможность обучаемым расширить понимание процессов порождения речи, а также способов и механизмов контроля за её правильностью.

Нам представляется интересным языковой материал и некоторые выводы, которые напрашиваются на основе его анализа. Предлагаем вам резюме нашего научного исследования.

Сегодня трудно найти взрослого человека, которому не приходилось бы давать объявлений. И зачастую мы, сами того не замечая, делаем в них различного рода ошибки. Их допускают люди с разным образованием и социальным статусом, обычно объединяет таких составителей невысокий уровень речевой культуры.

Некорректно построенные объявления и ошибки в них могут привести к неадекватной оценке передаваемой информации и, как следствие, спровоцировать непонимание между продающим и покупающим, предлагающим работу и заинтересованным в ней и прочими. Кроме того, возникающий при чтении таких объявлений неуместный комизм придаёт абсурдный характер всему тексту в целом, ведёт к обратному эффекту. В большинстве случаев неточности допускаются ввиду двух факторов: обычной невнимательности и невладения нормами русского литературного языка.

В собранных нами объявлениях отмечены следующие виды ошибок: грамматические, лексические, орфографические, пунктуационные и стилистические.

1. Самые частотные – это **лексические ошибки**, следующие за ними – стилистические. Речевые ошибки могут настолько исказить содержание текста объявления, что понимание информации, изначально задуманной составителем, станет невозможным. Чаще всего встречаются такие лексические ошибки, как речевая недостаточность, речевая избыточность, тавтология. Приводим три вида объявлений на одну тему, в которых отмечена речевая недостаточность:

- 1) *Подтяжка лица и шеи без операции.*
- 2) *Нехирургическая подтяжка лица.*
- 3) *Элитная подтяжка лица, шеи и декольте без хирургии.*

В данных объявлениях возникла подмена понятия из-за отсутствия слова «кожи», поскольку подтянуть лицо и шею невозможно.

Следующий пример подобного типа: «Молодежная *программа с ограниченными физическими возможностями*». Надо: «Программа для молодых людей с ограниченными физическими возможностями», поскольку программа не может иметь какие-либо физические возможности.

Зачастую ошибочно употребляют в объявлениях иноязычные слова. Это, как правило, связано с неверным толкованием семантики таких слов или речевой избыточностью, проявляемой в виде скрытой тавтологии (скрытая тавтология – это соединение русского и иноязычного слова с одним и тем же значением).

Например: «*Государственная корпорация* набирает штат сотрудников со средним и высшим образованием. Обучение за счет корпорации». Используется заимствованное слово «корпорация» без учета его значения. Корпорация не может быть государственной, так как у неё много учредителей.

Отмечено несколько случаев объявлений с классической речевой ошибкой: «*Имеется свободная вакансия*». Скрытая тавтология возникла вследствие незнания значения слова «вакансия», что само по себе является «свободным местом».

Показательно и следующее объявление: «*Изготовление наружной рекламы. Любые виды внешней и внутренней отделки фасадов*». Фасад не может быть внутренним, по всей видимости, речь идет об отделке фасадов и интерьеров.

Часто неправильно выстроенные объявления грешат плеоназмом (плеоназм – это повторение разнокорневых слов с одинаковым значением). «*Работа: высокий заработок, стабильная зарплата; хорошие условия проживания, жилье предоставляется*».

Очевидно, что такие грубые ошибки в объявлениях делают, как правило, недобросовестные работодатели или распространители продукции, и подобные ошибки могут стать первым сигналом, предупреждающим о сомнительности обещаний. Удручает тот факт, что потенциально «солидные» составители объявлений вследствие небрежного отношения к речи или элементарной безграмотности допускают грубые речевые ошибки.

«Шедевром» обнаруженных нами речевых лексических ошибок считаем поздравительное объявление редакции газеты «Ва-банкъ»: Поздравляем всех мужчин с днём защитника Отечества! Желаем вам всегда оставаться смелыми, добрыми, сильными – настоящими

хранителями домашнего очага. Ошибка в использовании образного устойчивого выражения. Метафора «*хранительница семейного очага*» в русском языке относится только к женщине.

Особого внимания требует следующий пример. Глазной центр «Око» на улице Театральной выпустил рекламный буклет такого содержания: «Центр предлагает новую *уникальную* услугу: лечение близорукости, дальнозоркости, астигматизма с помощью *уникальной* лазерной методики по индивидуальным программам. Глазной центр пригласил из Москвы одного из ведущих российских рефракционистов, обладающего *уникальным* десятилетним опытом».

В этом объявлении трижды используется лексема «уникальный», что свидетельствует об обращении авторов к ресурсам риторики. Разноместный повтор (ср.: анафора – повтор инициального элемента, эпифора – повтор финального элемента текстовой единицы) не относится к числу речевых ошибок, а выступает показателем текстового единства.

2. **Стилистические** неточности очень распространены в сфере объявлений. Так как грань между различными функциональными стилями русского языка установить иногда трудно, это зачастую и приводит к смешению стилей в самих объявлениях:

1) *Адская работа.* В/о, доход не ограничен («адская работа» – это выражение разговорного стиля).

2) Требуется: психологи, медработники, предприниматели и бывшие военнослужащие. Гарантируется интересная работа, *классный коллектив* («классный коллектив» – это жаргонное выражение).

3) *Подзаработать* без труда («подзаработать» – разговорное и поэтому неуместное в объявлении слово).

4) Работа. Срочно требуется начальник (*начальница*) информационного отдела от 28 лет («начальница» – это разговорный вариант слова, а не номенклатурное литературное название должности).

5) Работа в офисе, от 25 лет, контактность с людьми, образование высшее. Оплата *приличная*. В этом объявлении, во-первых, с целью краткости максимально сокращена логичность в подаче информативных блоков, во-вторых, слово «приличная» неуместно, поскольку является экспрессивно окрашенным оценочным.

Особый вид своеобразных объявлений представляет собой реклама – это так называемые рекламные объявления. Сопровождение

телевизионных рекламных объявлений изображением «настраивает» рекламодателей на более свободное обращение со словом. Приведем некоторые грубые ошибки, отмеченные в текстах рекламных роликов:

1) Из рекламы кисломолочного напитка «Имунеле»: Природа умна, *разум талантлив* (если выражение «природа умна» является допустимым олицетворением в русском языке, то абстрактное понятие «разум» никак не может быть «талантливым», так как талантом обладает только конкретный человек).

2) (*Лекарственный препарат*) «Эспумизан» помогает *от вздутия живота и чувства неловкости*. Надо: «Эспумизан» помогает при вздутии живота и дискомфорте (так как чувство неловкости – это показатель личности, а не организма).

3) Из рекламы обезболивающего средства «Нурофен»: *Я сижу в машине с головной болью и чувствую себя так...* Предложение некорректно выстроено, возможна двусмысленность понимания, будто бы героиня ролика посадила рядом с собой головную боль. Надо: Я испытываю головную боль, когда сижу в машине. Подобные ошибки категорически не допустимы, так как телевидение играет роль культурного авторитета в современном обществе.

3. Большой пласт обнаруженных речевых ошибок в объявлениях относится к нарушению ряда **синтаксических** норм.

1) Типичные объявления в транспорте: *оплатите за проезд* или *оплата за проезд*. Нарушены нормы управления. Надо: оплатите (что?) проезд и оплата (чего?) проезда.

2) «Согласно постановления Администрации города Воронежа льготы на проезд на всех видах транспорта отменены». Надо: «Согласно постановлению...», поскольку предлог «согласно» всегда употребляется со словами, стоящими в форме только дательного падежа.

С печальной регулярностью «страдают» от безграмотного употребления и деепричастия: «*Душ принимается* без купального костюма, *тщательно моясь* мылом и мочалкой» (Правила поведения в бассейне). Из логики предложения следует, что субъектом действия является душ, что действительности не соответствует. Надо: «Душ принимают...».

Особого внимания заслуживают ошибки, связанные с неверным построением ряда однородных членов предложения. Закономерности выстраивания однородных членов предложения исключительно

логические: нельзя соединять далёкие (несопоставимые) понятия, слова категории рода и вида, а также необходимо при расположении однородных членов предложения помнить о соблюдении лексической сочетаемости (и со стороны смысла, и со стороны формы).

Наиболее часто нарушается в этом отношении последний постулат. Ошибка в лексической сочетаемости форм однородных членов предложения: (из рекламного объявления) «Выполняем ремонт квартир, водопровод, отопление». Надо: «Выполняем ремонт (чего?) квартир, (чего?) водопровода, (чего?) отопления».

Со стороны смысла лексическая сочетаемость при построении однородных членов предложения не менее уязвима:

1) Продажа и подключение абонентов (из объявления в салоне сотовой связи). «Подключить абонента» можно, «продать» – нельзя. Надо: продажа телефонов и подключение абонентов.

2) Нарращиваем волосы, ногти, стразы (из объявления в салоне красоты). Очевидно, что «нарастить волосы и ногти» можно, а «стразы» – нельзя. Надо: наращиваем волосы и ногти, выполняем маникюр и причёски со стразами.

4. Помимо частотных лексических, стилистических и синтаксических ошибок в объявлениях нами выявлены и менее распространённые примеры речевых **морфологических ошибок**.

1) Мы вас приглашаем на ярмарку-распродажу *турецкой тюли* по ценам производителя оптом и в розницу. Ошибка в определении категории рода существительного. Надо: *турецкого тюля*.

2) Убрать воров и поставить на службу *гражданов* (рекламный слоган при выборах мэра г. Воронежа в 2013 г.). Ошибка в образовании формы существительного в родительном падеже множественного числа. Надо: *граждан*.

3) Страдает от безграмотности также образование падежных форм числительных, особенно «восемьсот», причём самая распространённая ошибка при образовании родительного падежа.

К примеру, фраза из рекламы обувного магазина в Воронеже 2010 г.: пара обуви стоит всего от тысячи *восемиста* рублей. Надо: *восемисот*.

Рекламный слоган из телевизионной рекламы первого федерального канала кофе «Чибо» 2012 г.: Кофейные зёрна в горах вбирают в себя до *восемиста* оттенков вкуса.

Подытоживая представленный языковой материал, следует обратиться к теории изучения ошибок, которая неоднозначна и нетрадиционна в лингвистике. К примеру, чрезмерно формальной является классификация ошибок в узкой среде (ошибки наборщиков) Ю.В. Красикова, который выделял всего два класса ошибок: первый – орфографические, пунктуационные; второй – семантические [1; 119]. Эту систематизацию вряд ли можно считать существенной для нашего исследования.

Если вспомнить известную классификацию речевых ошибок в другой узкой среде (в данном случае – в речи школьников), предложенную С.В. Цейтлин, то три класса ошибок, которые выделила она, не совпадают полностью с установленными нами видами ошибок в объявлениях, но есть много общего. Так, С.Н. Цейтлин отметила в «речи школьников:

1) ошибки, свойственные только письменной речи: орфографические, пунктуационные (таких в нашем исследовании меньшинство);

2) ошибки, свойственные только устной речи: фонетические, акцентологические (в нашем исследовании они немногочисленны, так как устных объявлений намного меньше, чем письменных);

3) ошибки, не зависящие от формы речи: словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические, фразеологические, стилистические» [3; 17]. В нашем исследовании это основной массив ошибок, но по частотности возникновения их следует расположить в ином порядке. Наш материал обосновывает следующий порядок расположения выявленных ошибок в объявлениях (от большего количества примеров к меньшему): лексические, стилистические, синтаксические, морфологические, прочие.

Ошибка в объявлении является лакмусовой бумажкой речевой культуры его автора. Объявление – это жанр, который при всей краткости, требует четкости, точности, правильности и логичности в изложении мысли. Высокий уровень развития современного общества требует и высокоорганизованного мышления, одним из показателей которого является речевая культура, проявляемая регулярно, в том числе и при написании таких незначительных, казалось бы, текстов, как объявления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красильников Ю.В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика) / Ю.В. Красильников – М.: Наука, 1980. – 124 с.
2. Степанова А.А. Речевые ошибки в фокусе исследования / А.А Степанова // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных». – М., 2012. – С. 295-298.
3. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение / С.Н. Цейтлин – М.: Просвещение, 1982. – 128 с.

Воронежский государственный технический университет

THE TYPES OF SPEECH ERRORS IN ADS

Galina V. Romanova

The most frequent types of speech errors noted in the ads are considered: lexical, stylistic, syntactical, morphological

Keywords: speech errors: lexical, stylistic, syntactical, morphological

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО ЖИТИЙНОГО ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЯ НИКОЛАЯ УГОДНИКА)

М.Б. Расторгуева

В статье рассматривается использование конфессиональной лексики как одного из основных лексических стилеобразующих средств житийного жанра на примере конфессиональной лексики жития Николая Угодника. Анализ тематических групп и подгрупп данного лексического пласта в сравнении с подобной лексической составляющей церковно-религиозной проповеди обосновывает положение о том, что оба жанра могут быть отнесены к религиозно-проповедническому стилю

Ключевые слова: проповедь, конфессиональная лексика, житие, церковно-проповеднический стиль, тематические группы и подгруппы

Анализ церковно-религиозной лексики в филологических исследованиях конца XX – начала XXI веков достаточно частотен. «В последние десятилетия в современном русском языке идет процесс активного возрождения пласта конфессиональной лексики, что, несомненно, связано с изменениями, произошедшими в менталитете и укладе жизни россиян» [16].

Одним из ярких примеров использования конфессиональной лексики разнообразной тематики является житийный жанр русской литературы [13].

К житиям ученые-лингвисты относят повествовательный жанр описания жизни лиц, канонизированных церковью [11]. Это жанр церковной литературы, связанный с жизнеописанием святых [13]. Чаще всего предпосылкой для появления жития служили различные «чудеса», которые ассоциировались с каким-либо умершим человеком, при жизни отличавшимся праведным образом жизни.

При этом процесс канонизации (официального признания православной церковью святого) часто не имел к появлению таких текстов никакого отношения. «Для житий характерны довольно строгие содержательные и структурные ограничения, сильно отличающие тексты данного жанра от светских биографий – часто это

«размытые» даты рождения и смерти святого, его подвиги во имя Христа, подвижническая жизнь, гонения, которые святой претерпевал во имя веры, мученическая кончина и др.» [13].

«Житийный жанр для церковной литературы был очень актуальным со времени ее формирования, информативным, с дидактической направленностью, был так называемым жанром для всех слоев населения» [13]. В данном контексте прослеживается много общего с жанром церковно-религиозной проповеди, при произнесении которой церковнослужитель использует тот набор лексических средств, который будет воспринят абсолютно всеми прихожанам вне зависимости от уровня образования, социального положения и т.д.

Поводом для проповеди чаще всего выступает событие из мира духовного, религиозный праздник, событие, нашедшее свое отражение в Библии; таким поводом может быть и светское событие как мирового, так и местного масштаба (например, День города) и др. [12]).

Жития – это создание мира волшебных составляющих, к которому верующие в качестве психологической поддержки часто обращаются в сложные периоды своей жизни, чтобы найти в себе силы жить дальше, смирившись с ситуацией. В житийной литературе присутствует тема добра, всепоглощающей любви к ближнему, беззаветной веры в Бога, следования идеалам христианской и общечеловеческой морали и др.

Житийный и проповеднический жанры по своим стилеобразующим категориям могут быть отнесены к религиозно-проповедническому стилю, который, как считают Л.П. Крысин, С.А. Гостеева, О.А. Крылова, Л. Бенедиктова и др., «должен занять подобающее место в функционально-стилевой парадигме современного русского литературного языка» [6].

Стиль имеет свою сферу деятельности (сфера церковной и духовной жизни человека и общества в целом), выполняет определенную функцию (функция воздействия и нравственного воспитания людей), свой «набор» жанров (послание, проповедь, молитва, наставление, житие и др.), свои лексические, грамматические, фонетические, графические и синтаксические средства и др. [1, 4, 6, 7, 8, 9, 10].

При подборе материала для исследования методом сплошной выборки мы обращались к источникам, которые находятся в

свободном доступе на разнообразных интернет-сайтах. В частности, для написания данной статьи было использовано житие Николая Чудотворца.

Лексические особенности данного жития представлены разнообразными пластами лексики (общеупотребительная, церковно-религиозная, лексика устной речи, общекнижная, устаревшая). В данной статье будут описаны результаты, полученные при анализе церковно-религиозной лексики.

Вслед за составителями современных толковых словарей русского языка (речь идет о толковых словарях современного русского языка под редакцией Г.Н. Складчиковой и С.А. Кузнецова), всю церковно-религиозную лексику мы подразделяем на церковную, куда относятся слова, обозначающие предметы культа, части православного храма и т. п., и религиозную, куда включаются слова, соотнесенные со сферой религий, верований [2,15].

В рамках тематической группы **«Религиозная лексика»** («Тематические группы – это объединения слов на основе классификации самих предметов и явлений реальной действительности...» [3]) нами было выявлено 5 тематических подгрупп: 1) Верховное Божество и Божественные существа; 2) существа, воплощающие зло; 3) христианские добродетели и отступления от них; 4) христианские святые; 5) библейская и иная религиозная литература и ее персонажи. Рассмотрим лексику жития Николая Чудотворца в рамках этой тематической группы.

Нами были выделены следующие лексические единицы:

– в подгруппе «Верховное Божество и Божественные существа» - Бог, Всевышний, Господь, Святой Дух, промысел Божий, душа, Чудесная сила, Божественный Человеколюбец, Небесный Отец, Суд Божий, имя Божие, Христос, Божество Сына Божия, Единосущный Отец, Божество Иисуса Христа, Иисус Христос, Пресвятая Богородица, воля Божия. Например: «Уже в первые дни своего младенчества будущий Чудотворец показал, что он предназначен на особое служение Господу» [5]. Данная подгруппа представлена относительно небольшим количеством лексических единиц – 35;

– в подгруппе «Существа, воплощающие зло» - греховные развлечения, души заблудших, духовная гибель, злые духи, язычество, ересь, ересь Ария, богохульства Ария, еретик, вера язычников и еретиков, язычники. Например: *«Особенно сильно пострадала*

Церковь Христова в начале IV века от ереси Ария» [5]. Количество лексических единиц конфессионального плана – 13;

– в подгруппе «Христианские добродетели и отступления от них» - благочестивые христиане, подвижническая жизнь, праведная жизнь, истины христианства, благочестивая жизнь, подвижная жизнь, духовные подвиги, христианское сознание, православные, светильник веры, добродетельная жизнь, христиане, вера, православная вера, стадо Христово, христиане, веровать, духовные нужды, верующие, грех. Например: «С первых же дней святитель Николай начал строгую подвижническую жизнь, которой остался верен до гроба» [5]. Количество лексических единиц конфессионального плана – 22;

– в подгруппе «Христианские святые» – святой Николай Чудотворец, Николай Угодник, святитель Николай, великий угодник Божий, угодник Божий, святитель, избранник Божий, равноапостольный император Константин, Афанасий Александрийский, Николай Чудотворец, апостол, Чудотворец, святой Андрей Критский, великий угодник. Например: «*Святитель Николай родился во второй половине III века в городе Патары, области Ликии в Малой Азии*» [5]. Количество лексических единиц конфессионального плана, представленных в этой группе – 63;

– в подгруппе «Библейская и иная религиозная литература и ее персонажи» - житие Николая Чудотворца, Священное Писание, божественные книги, евангельское учение, богослужебные книги, Евангелие. Например: «*Но наступило время, когда великий Угодник Божий должен был выступить верховным руководителем Ликийской церкви, чтобы просвещать людей светом евангельского учения и своей добродетельной жизнью*» [5]. Количество лексических единиц конфессионального плана, представленных в этой группе – 7.

Соответственно, религиозная лексика жития Николая Чудотворца представлена 150 языковыми единицами, в состав данной тематической группы входит 5 подгрупп, наибольшим количеством лексики представлена подгруппа «Христианские святые», наименьшим – «Библейская и иная религиозная литература и ее персонажи».

В рамках тематической группы «**Церковная лексика**» нами было выявлено также 5 тематических подгрупп: 1) предметы культа, церковной утвари; 2) церковные обряды, обычаи; 3) детали архитектуры, внутреннего и внешнего устройства храма; 4) единицы и

подразделения церковно-административного устройства; 5) наименования священнослужителей. Рассмотрим лексику жития Николая Чудотворца в рамках этой тематической группы.

Так, нами были выделены следующие лексические единицы:

– в подгруппе «Предметы культа, церковной утвари» – омофор, мощи, благоуханное миро. Например: *«Мощи его начали – и продолжают по сей день – источать благоуханное миро, обладающее даром чудотворения»* [5]. Данная подгруппа представлена 4 лексическими единицами;

– в подгруппе «Церковные обряды, обычаи» – непрестанная горячая молитва, молитва, крещение, обряд, богомысленная молитва, Таинство священства, чудотворение, церковные службы, молились, утреннее богослужение, проповедуя имя Божие, исповедание Господа, Первый архиерейский собор, Собор, чудотворная сила. Например: *«Сохранилось предание, что во время крещения, когда обряд был очень длительным, он, никем не поддерживаемый, простоял в купели в продолжение трех часов»* [5]. Данная подгруппа представлена относительно небольшим количеством лексических единиц – 20;

– в подгруппе «Единицы и подразделения церковно-административного устройства» - православная церковь, католическая церковь, храм Божий, епархия, паства, святые места Палестины, храм, Сионская обитель, Собор епископов, Мирликийская епархия, церковь Христова, Ликийская Церковь, Мирликийская кафедра, православие, Никейская церковь, соборная церковь города Миры. Например: *«Есть предание, что во время посещения святых мест Палестины святитель Николай пожелал однажды ночью помолиться в храме»* [5]. Данная подгруппа представлена относительно небольшим количеством лексических единиц – 28;

– в подгруппе «Детали архитектуры, внутреннего и внешнего устройства храма» – купель, монашеская келья, притвор храма. Например: *«Одному из старейших епископов явился в видении муж, озаренный неземным светом, и повелел эту ночь стать в притворе храма»* [5]. Данная подгруппа представлена относительно небольшим количеством лексических единиц – 3;

– в подгруппе «Наименования священнослужителей» – архиепископ Мир Ликийских, епископ, пресвитер, пастырь, сан священника, епископское управление, пастырь Христов, братия,

верховный руководитель Ликийской церкви, пресвитер Николай, архиепископ, архипастырь, пастырское служение, священник, архиерей, архиерейский сан, сан, пастырская деятельность, Мир Ликийских архиепископ. Например: *«Они освободили его из заключения, возвратили ему прежний сан и прославили его как великого Угодника Божия»* [5]. Данная подгруппа представлена 36 лексическими единицами.

Итак, церковная лексика жития Николая Чудотворца представлена 91 языковой единицей, в состав данной тематической группы входит 5 подгрупп, наибольшим количеством лексики представлена подгруппа «Наименования священнослужителей», наименьшим – «Детали архитектуры, внутреннего и внешнего устройства храма».

Подобные тематические группы и подгруппы были нами отмечены и при анализе церковно-религиозных проповедей [12, 13, 14].

На основании всего ранее описанного можно сделать следующие выводы:

- конфессиональная лексика проповедей и житий представлена рамках однотипных тематических групп и подгрупп;
- тематическая группа «Религиозная лексика» (150 лексических единиц) в проанализированном тексте представлена большим количеством лексических единиц, чем группа «Церковная лексика» (91 лексическая единица);
- конфессиональная лексика жития Николая Чудотворца представлена общим количеством 241 единица, что составляет примерно 20-25 % от всего лексического ресурса текста;
- житийный жанр может быть рассмотрен как составляющая церковно-проповеднического стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенедиктова Л. Язык русского православия // Материалы Международной конференции Nitra. 20 апр.2001.Кемерово: Изд-во КГУ. С. 30 – 37.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. С.-П.: Норинт, 1998. 1535 с.

3. Горюшкина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов): автореф. дис. ... к. ф. н. Волгоград, 2002. 20 с.

4. Гостеева С.А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Тр. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. Журналистика и культура русской речи. М.: Изд-во МГУ. 1997. Вып. 2. С. 87 – 93.

5. Житие Николая Чудотворца: Святой Николай чудотворец. <http://svyatnikolaj.ru/zhitie-nikolaya-chudotvorca-mirlikijskogo/> (на 18.04.2018)

6. Крысин Л.П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. М. 1994. №3. С.68-74

7. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сборник памяти Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 135 – 138

8. Крысин Л.П. О социальной дифференциации современного литературного языка // Русистика сегодня. 1997. №3. 4. С. 27 – 39

9. Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 107 - 119.

10. Крылова О.А. Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского языка разновидностью газетно-публицистического? // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: ПермГУ. 2001. С. 259 - 269.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.

12. Расторгуева М.Б. Речевой жанр церковно-религиозной проповеди: автореф. дис. ... к. ф. н. Воронеж, 2005. 26 с.

13. Расторгуева М.Б. Лексические стилеобразующие средства житийного жанра (на примере конфессиональной лексики жития Ксении Петербургской). Филологические науки. Вопросы теории и практики. –Тамбов: Грамота - 2016. - № 12-1 (66). - С. 143-146.

14. Расторгуева М.Б. Религиозно-проповеднический стиль в парадигме функциональных стилей современного русского языка. Материалы XI Международной научно-методической конференции «Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников» - Воронеж: Научная книга. – 1 – 2 декабря 2016. - С. 13-15.

15. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складчиковой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001.944 с.

16. Туайма Муттаир Хуссейн. Конфессиональная лексика как один из способов выражения ментальности россиян (на примере конфессиональной лексики «Жития святого Митрофана, первого епископа Воронежского») / Материалы Международного научно-методического семинара «Русский язык

Воронежский государственный технический университет

CONFESSIONAL VOCABULARY AS A MEANS OF STYLE
OF LIFE GENRE
(BY THE EXAMPLE OF THE LIFE OF NICHOLAS THE SAINT)

M.B. Rastorgueva

The article deals with the question of the use of confessional vocabulary as one of the main lexical style-forming means of the genre on the example of confessional vocabulary presented in the life of Nicholas the Saint. The author considers thematic groups and subgroups of the given lexical layer in comparison with the similar lexical component of Church-religious preaching and substantiates by means of the given examples the provision that both genres can be attributed to the religious-preaching style

Key words: preaching; confessional vocabulary; life; Church-preaching style; thematic groups and subgroups

**ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПТА, ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА,
АРТЕФАКТА В ОТОБРАЖЕНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
РУССКИЙ ОРИГИНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО ПЕРЕВОДЫ НА АНГЛИЙСКИЙ
ЯЗЫК**

М.Т. Жукова

В статье рассматривается связь между такими понятиями, как концепт, языковой знак и артефакт. Являясь ключевыми составляющими акта восприятия человеком окружающего мира и его отображения в текстах художественных произведений, они играют важную роль при переводе с одного языка на другой

Ключевые слова: концепт, языковой знак, артефакт, восприятие, картина мира, текст, перевод, культурные феномены, реалии

Проблеме концептуализации мира, участию концептов в отражении картины мира человеком, и способам их выражения в языке посвящено немало работ отечественных и зарубежных учёных в различных областях знаний – психологии, нейропсихологии, когнитивной психологии, компьютерной науки, этнопсихолингвистики и т.д.

Как и любой термин, «концепт» имеет свою историю. Само понятие «концепт» восходит к английскому слову «concept», но не совпадает с ним по содержанию, так как в английских толковых словарях оно трактуется как «чья-либо идея, мысль о том, что является в действительности, что-то (какая-либо вещь) и что следует с этим делать» [1, с. 275] или «обобщённое представление о вещи или классе вещей; абстрактное понятие» [2]. По утверждению авторов словаря трудностей английского языка, это слово в современном английском языке чаще употребляется в значениях: «идея», «план», «программа», «проект» и т.д.

Нельзя сказать, что данные определения неверны или ошибочны, просто они, с нашей точки зрения, представляют концепт как чью-то точку зрения, взгляд на ту или иную вещь, проблему, как какое-либо суждение или замысел, то есть то, что человек подразумевает под этим

словом. Проблема заключается в том, что в этих случаях «концепт» рассматривается не как научное понятие.

Широкую популярность этот термин приобрёл в связи с появлением во второй половине XX столетия новой научной дисциплины – когнитивной лингвистики, выведшей на первое место язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – систему знаков, играющих роль в репрезентации и трансформации информации [3, с.53]. Первые попытки осмыслить термин принадлежат С.А.Аскольдову (1928 году). Зачастую «концепт» рассматривается как «квант знаний», «знак мира, которому придается смысл», «семантический маркер» или как «ментальная репрезентация».

Мы, вслед за З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, под концептом понимаем «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека» [4, с.34]. Это определение созвучно с дефиницией А.П. Бабушкиным, так же называющего его «дискретной» единицей коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в языке в виде слов [5, с.104]. Из этих определений становится понятным, что концепты – непосредственные участники акта восприятия человеком окружающей его среды и что это восприятие не является инертным, а, наоборот, находится в тесном взаимодействии с деятельностью человека, оказывающей непосредственное влияние на процесс формирования конкретного концепта.

Восприятие является одним «фундаментальных понятий когнитивной психологии» (далее – КП) [3, с.17], возникшей в США в начале 70-х гг. Её появление связано с именем известного американского учёного У. Найссера. КП развивалась как альтернатива бихевиоризму, основному течению в психологии, рассматривавшему психологические процессы и человеческое поведение в терминах стимулов и реакций. Р.Л. Солсо в своей книге «Когнитивная психология» пишет о том, что прилагательное «когнитивная» во время так называемой «когнитивной революции» сыграло роль своеобразной «вакцины» против исключительно поведенческих и рефлексологических трактовок психической жизни [6, с.13].

Эксперименты в области понимания деятельности человеческого мозга и функций человеческой психики стали проводиться не только с учётом исследований по «чистой» психологии, но и на стыке

психологии и компьютерной технологии. Учёные сочли возможным сравнивать работу мозга человека (естественный интеллект) с работой компьютера (искусственный интеллект) при расшифровке поступающей извне информации. При таком подходе возникло множество вопросов, которые хотя и были обозначены в психологии ранее, теперь звучали по-иному, так как изменились принципы изучения этих процессов.

Круг вопросов, затрагиваемых в сфере КП, очень широк. Являясь «особым когнитивно ориентированным направлением в психологии, связанным с изучением ментальных состояний и ментальных процессов, характеризующих поведение человека и отличающих его от других живых существ [6, с.66]», она, с одной стороны, принимает участие в решении вопроса психологии, основным объектом исследования которой на протяжении многих веков оставался человек и его субъективная жизнь, его «внутренний мир» и связь «внутреннего мира человека с миром «внешним» [7, с.722], а с другой стороны, «изучает, как люди получают информацию об этом «внешнем» мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение» [6, с. 28].

Таким образом, основополагающим в КП является вопрос о способах получения человеком информации и последующей её обработки. Одной из форм хранения информации, по утверждению исследователей, являются знания человека и, в частности, языковые знания, представленные в концептах, которые, в свою очередь, квалифицируются как «кванты» этих знаний.

Необходимо отметить, что концепты, с точки зрения КП, активизируются в памяти человека посредством «языковых репрезентаций» (слов и других языковых единиц), выступающих в качестве знаковых заместителей концептов [6, с.158] и, наконец, «совокупность всех концептуальных репрезентаций именуется концептуальной системой, или же концептуальной моделью (картиной) мира» [6, с.158]

В свете решения проблем из области культурно-исторической психологии первичное единство материального и идеального в человеческом понимании устанавливают артефакты – явления культуры, представляющие субстанции, созданные человеком, обществом и имеющие субъективно-объективную определённость [8,

с.142], в силу способности человеческой психики воспринимать и отображать реальность, оформленную в виде картины мира. При таком подходе язык человека, являясь не чем иным как культурным явлением, входит в систему артефактов.

«Слова, которые мы произносим, социальные институты, в деятельности которых участвуем, искусственные объекты, которые используем, – все они служат одновременно и орудиями, и символами [8, с.14]. «Слово «стол» и реальный стол различаются особенностями материала, идеальными аспектами и видами взаимодействий, которые они допускают. Никакое слово не существует отдельно от своего материального воплощения, следовательно, всякий стол воплощает некий порядок, порожденный мыслью человека» [8, с.151].

Таким образом, эта концепция развивает идею о том, что язык – одно из средств отображения мира, находящееся во взаимосвязи с другими артефактами, он выполняет функцию посредника между культурной средой и человеком, вбирая в себя тем самым своеобразие той или иной национальной среды.

Очевидно, что если концепты – «базовые единицы ментального кода человека», имеющие способность языкового выражения и «представляющие собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности» [4, с.34], то они в идеальном плане восприятия человеком окружающего мира занимают ту же плоскость, что и артефакты, тем самым представляя идеальную сущность артефакта как абстрактный психический объект. Артефакты приобретают материально-концептуальную природу с возможностью выражения в языке посредством слова одной из форм вербальных номинаций концепта.

Мы в своей работе придерживаемся мнения учёных (Н.Д. Арутюнова, Е. Кубрякова, Ч. Пирс, З.Д. Попова, С. Стеванов, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, Р. Якобсон и мн. др.) о материально-идеальной сущности языкового знака. Изучение вопросов, касающихся взаимосвязи между знаком и знанием, концептом и значением и, наконец, между знаком и концептом всегда проходило в тесной взаимосвязи между собой. Все эти категории переплетаются и влияют друг на друга. Неоспоримым является и тот факт, что артефакт – явление культуры – занимает определённое место в этих соотношениях.

В связи с вышеизложенным нам близка точка зрения А.С. Кармина о том, что артефакты – «культурные феномены (сделанные человеком вещи, рожденные им мысли, найденные и используемые им средства и способы действий), поскольку они выступают как знаковые средства и образуют тексты, в которых запечатлена социальная информация» [9, с.42], то есть вложенное в них людьми содержание, значение, смысл.

Текст понимается нами как кодовая организация вербальных номинаций культурно-опосредованных концептов, репрезентирующих субъективный (авторский) образ объективного мира, в котором находят отражение артефакты – явления определённой культуры. Иначе говоря, текст художественного произведения предстает как языковая картина мира, созданная отдельно взятым автором. При этом необходимо учитывать, что на творческий процесс писателя оказывают влияние такие понятия, как «культурная память», «концептуальная система», «национальная концептосфера языка» и т.д. Тексты, наполненные культурными артефактами, вышедшими из употребления предметами повседневной жизни и зачастую не узнаваемые современными читателями, носителями той же национальности, что и автор произведения, представляют интерес в качестве материала перевода на другие языки.

Анализ произведения Л.Н. Толстого «Анна Каренина», написанного в 1877 году, дал возможность выявить пласт лакунизированной лексики, называемой по-разному – «белые пятна», «ниши», «тёмные места», «пробелы», «этноэидемы», «антислова», и сгруппировать лексемы в разделы: «одежда», «головные уборы», «транспортные средства», «меры длины», «денежные средства», «профессии, должности, чины», «еда», «здания», «предметы домашнего обихода».

Сопоставительный анализ шести переводов этого произведения (С. Garnett (1933г.) R. Edmonds (1954г.), D. Magarshack (1961г.), M. Wettlin (1978г.), Louise & Aylmer Maude (1999)) и новая версия перевода под редакцией D. Brannan (1998 г.) показал, как проясняется безэквивалентная лексика, нашедшая отображение в тексте культуры оригинала в результате её проекции на план содержания языка перевода, в данном случае английского. Этот процесс происходит при совмещении двух картин мира, в результате которого они взаимопроникают в друг друга.

Приведем наиболее яркие факты языка, например, одно из общепринятых средств передвижения в позапрошлом веке *колымага* – «старинный закрытый четырёхколесный экипаж» [10, с.657], «тяжёлая, громоздкая, неуклюжая повозка» [11, с.231] или «старинная, громоздкая карета со стоячими рессорами» [12, с.209] – вряд ли будет понято современным молодым человеком. Трудно представить, что давно вышедшие из употребления слова могут быть правильно восприняты без обращения к толковым словарям и найдут соответствующий образный отклик в сознании читающего.

Приведем примеры историзмов: а) *ванька* «бытовое название городского извозчика – сезонника из крестьян, самого дешёвого, с плохими санями, плохой лошастью и сбруей, не ожидавшего седоков на бирже, а ездившего в поисках их по улицам» [12, с.57]; б) «*бурлак*» – «в старину рабочий артели, тянувший на бечеве суда против течения реки» [10, с.104], «наемный рабочий из бобылей, бродяг, преимущественно рабочий на водном транспорте, в артели тянувший бечевой баржи: отличительной знаком бурлака была деревянная ложка заткнутая на ленту шляпы» [12, с.54]; в) вышедшее из употребления блюдо русской кухни «*ботвинья*» – «жидкое холодное кушанье из кваса и варёной зелени (щавеля, шпината, свекольной ботвы и т.п.)» [10, с. 93]; г) «*осьминник*» – «старинная мера земельной площади, равная четверти десятины (применялась до введения метрологической системы)» - [10, с.736].

При переводе текст попадает в новую плоскость, отображая своеобразие предыдущей среды и приобретая оттенки новой, понятной и узнаваемой читателем картины. Переводчик проводит работу по декодированию данного пласта лексики, являющейся отображением культурных артефактов, и при их отсутствии находит близкие артефакты в своей культуре и соответствующие способы передачи средствами родного языка, стараясь быть максимально приближенным к двум картинам мира: текста оригинала и своей, в которой он живёт. Так, «*колымага*» переводится несколькими лексемами: а) как “the chariot” – «транспортное средство на двух колёсах, перевозящееся лошастью, используемое в старые времена в битвах и скачках» [1, с.212], б) “ramshackle trap” – «транспортное средство в плохом состоянии» [1, с.167], в) “ancient rustic cart” или “old cart” «устаревшее деревенское транспортное средство, грубо изготовленное из дерева» [1, с.1246, с.193], г) “wagon” – «прочное транспортное средство на

четырёх колёсах, используемое для перевозки тяжёлых грузов и обычно передвигаемое лошадьми» [1, с.1603]. Как видно из первого перевода, четырехколёсная колымага становится двухколёсной и подменяется цель её назначения, т.е. происходит очевидная замена одного артефакта другим и, как следствие этого, проявляется другой концепт и, соответственно, языковой знак, выражающий его содержание в тексте перевода, тем самым заменяя содержание образного оклика, возникающего в сознании читающего текст перевода. В других случаях «бурлак» из наёмного рабочего превращается во «владельца или управляющего бизнесом по перевозке товаров» [1, с.654] “hauler of a barge”, “barge hauler” или “bargeman”, что ближе к реалии переводимого языка.

Проведение подобных сопоставлений дает возможность увидеть не только наличие того или иного артефакта в картине мира другого языка, но и открывает как панорамное видение определенного концепта, так и способы его интерпретации в английском языке, в котором отображена английская картина мира. Начинаящим исследователям–студентам было бы полезно проводить подобные сопоставления с целью не только познания картины мира изучаемого языка, но и ознакомления с культурно-исторической картиной родного языка и сохранения в памяти её наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Краткий словарь Когнитивных Терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Лузина. – М., 1992. – 247с.
2. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2007 – 314,[6]. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико – фразеологической семантике языка. [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1996. – 104с.
4. Солсо Р.Л. Когнитивная психология [Текст] / Р.Л. Солсо. – М., 1996. – 598с.
5. Кемеров В.Е. Современный философский словарь [Текст] / под общ. ред. д. ф. н. проф. В.Е. Кемерова. – Лондон – Франкфурт-на Майне – Париж – Люксембург-Москва – Минск: Панпринт, 1998. – 1064с.
6. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего [Текст] / М. Коул. – М.: «Когито – Центр», Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. – 432с.

7. Кармин А.С. Основы Культурологии. Морфология Культуры, [Текст] / А.С. Кармин. – СПб, 1997. 509с.
8. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / [Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов]. - СПб.: Норинт, 2000. – 1536с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: лк.57000 слов [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 797с.
10. Российский Историко-бытовой Словарь [Текст] / Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова. – М.: «Российский Архив», 1999. – 527с.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd [Текст] 1995.- 1668р.
12. Webster's new World Dictionary and Thesaurus. 1998. Бизнес – словари. Переводчики – компьютерная версия.

Воронежский государственный технический университет

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT, LANGUAGE SIGN AND
ARTIFACT INTERRELATIONSHIP AND THEIR ROLE IN THE
ENVIROMENT REFLECTION IN THE ORIGINAL TEXT OF THE
ARTISTIC WORK AND ITS TRANLATIONS INTO ENGLISH

M.T. Zhukova

The article considers the relationship among such terms as concept, language sign and artifact. Being the key components of the world perception act by the man and its reflection in the artistic works, they play an important role in the process of translation from one language into another

Key words: concept, language sign, artifact, perception, picture of the world, text, translation, culture phenomena, realities

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАФИКИ И ПУНКТУАЦИИ В СТИХАХ ВАСИЛИЯ КУБАНЁВА

Р.Н. Бутов

В статье рассматриваются некоторые особенности графики и пунктуации в поэзии Василия Кубанёва

Ключевые слова: поэтическая графика, пунктуация, поэт, советская поэзия, Василий Кубанёв

Графическое оформление стихотворений В. Кубанёва обусловлено эпохой, в которую довелось жить автору (1921 - 1942 гг.). Слом старого, построение нового мира – благодатная почва для художественных экспериментов. Однако в силу молодого возраста он не мог не испытывать поэтического влияния как своих сверстников, так и более зрелых авторов (Пушкин, Майков, Фет, Безыменский, Жаров, Светлов, Уткин, Маяковский и др.). Это совсем не означает вторичности творчества Кубанёва. Он настойчиво искал и, думается, нашёл свой путь в поэзии.

Особенности графики

Поэтическое наследие В. Кубанёва относительно невелико. Нами было проанализировано 44 стихотворения. Из них особенности графического оформления имеют 23. На наш взгляд, это говорит о большом интересе поэта к форме. Семь стихотворений (Поэту, «Всему определен черед...», Осень, Слово, «От каждого прикосновенья...», Молящимся французам, «Помимо книжек и афиш...») имеют отступы каждой чётной строки или строфы, а также отступы некоторых строк или строф без какого-либо порядка.

Встаньте! Не трите колен
    об исхарканные панели!
Ваш вездесущий, всезнающий
    и всемогущий бог
Все равно не услышит
    ваших унылых молений.
Он ослеп от пожаров
    и от залпов оглох.

Я заболел (4; 92)

В данном примере свои тревожные размышления по поводу судьбы Франции и её столицы Парижа накануне захвата фашистами поэт оформляет с помощью комплексного приёма: тире и выделение в отдельную строку слов «еще французский?».

2. Позиция между подлежащим и сказуемым. Ориентация на коммуникативный подход при пунктуационном оформлении текста обуславливает наличие тире в стихах В. Кубанёва в позиции между подлежащим и сказуемым не только в тех случаях, которые определяются правилами, но даже и тогда, когда в качестве подлежащего выступает личное местоимение или когда сказуемое употребляется с отрицанием, что не соответствует современным нормам.

– подлежащее и сказуемое выражены *сущ. в И. п.* (норма)

Счастье свое

мы в работе роем.

Рост государства –

наш собственный рост.

Завтра

сделаться может героем

Каждый,

кто ныне безвестен и прост.

«Стихи о нас» (4; 61)

– подлежащее выражено *личным местоимением*, сказуемое – *сущ. в И. п.* (не норма)

Народ

одною душою

живет.

И партия народная

одна

у власти.

Она не отдельно,

она — народ.

Партия большевиков (4; 120-121)

– подлежащее выражено *сущ. в И. п.*, сказуемое – *с отрицанием* (не норма)

В наше время пустяк – не пустяк.

Помни, учитель,

молод или стар ты:

Ученики —

не географические карты.

Наше отечество нас зовет (4; 151-152)

Как видим, для В. Кубанёва эта позиция – объективная данность текста. Наличие тире в данном случае (как и во многих других) говорит о том, что для поэта важна потребность акцентировать две части высказывания, важна сама позиция, а не то, чем выражено подлежащее или сказуемое.

3. Границы предложений. Нами был обнаружен один пример употребления многоточия в начале предложения.

Сколько он

вознесет,

соберет,

покарает!

Сколько жизней

за жизнь

он переменял!

...И тут же,

рядом,

учится вторая

И самая

первая

у меня.

Я заболел (4; 89-90)

В данном стихотворении речь идёт двух наиболее близких поэту друзьях. В первой половине стихотворения о мужчине, во второй – о женщине. Интересно, что друг, которому, судя по тексту, уже много лет, не назван по имени («один», «он»). Девушка же, о которой говорится в стихотворении, это Вера Клишина (Вера, «вторая», «она»). Многоточие в данном случае оформляет смену персонажа и контраст: мужчина – женщина, старый – молодая.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что Василий Кубанёв активно пользовался различными графическими и пунктуационными приёмами для оформления своих стихотворений. Наиболее активно он использовал лесенку для более чёткого оформления ритма стиха и тире в функции тема-рематического членения предложения. Он искал себя в поэзии, и если бы не

преждевременная смерть, мог бы ещё очень многое сделать. Но несмотря на то, что им написано не так много стихотворений, мы можем констатировать, что его поэтический голос невозможно спутать ни с каким другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. «Чтобы все было мое...» // Кубанёв В.М. Стихотворения. Эскизы поэм. Миниатюры. Письма. Дневники. Афоризмы. – Воронеж: Центр.-Чернозёмное кн. изд-во, 1981. – С. 5-51.
2. Василий Кубанёв. Чтобы жизнь была костром / Упр. культ. и арх. дела Тамб. обл., Гос. арх. соц.-полит. истории Тамб. обл.; авт.-сост.: М. Матюшина, М. Дорошенко, И. Муравьёва. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – 39 с.
3. Комсомольские поэты двадцатых годов: Сборник / вступит. ст., биограф. заметки, сост., подг. текста и примеч. М.Ф. Пьяных. - Л.: Сов. Писатель, 1988. 688 с. (Б-ка поэта. Большая сер.)
4. Кубанёв В.М. Стихотворения. Эскизы поэм. Миниатюры. Письма. Дневники. Афоризмы. – Воронеж: Центр.-Чернозёмное кн. изд-во, 1981. – 366 с. (Отчий край)

Воронежский государственный технический университет

SOME FEATURES OF GRAPHICS AND PUNCTUATION IN V. KUBANEV'S POEMS

R.N. Butov

The article surveys certain features of graphics and punctuation in the poetry of Vasily Kubanev

Key words: poetic graphics, punctuation, poet, Soviet poetry, Vasily Kubanev

РАЗДЕЛ 3. НОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ

ББК 74.58-26

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСО В КАЧЕСТВЕ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

И.Ю. Соловьева, И.В. Фомина

Статья посвящена вопросам использования ПСО при обучении контентному чтению студентов неязыковых специальностей

Ключевые слова: иностранный язык, контентное чтение, подготовка, содействие, отражение

В современной лингвокультурологии бесспорным признается мнение о невозможности изучения иностранного языка отдельно от культуры. В связи с этим подход к обучению студентов неязыковых специальностей существенно изменился. Такой специалист должен иметь сформированный комплекс языковых и речевых навыков и умений, включая экстралингвистические знания.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает обучение контентному чтению. Элементы такого чтения вводятся на начальном этапе обучения иностранному языку, и оно становится преобладающим видом чтения на продвинутом этапе обучения.

Основными компонентами контентного обучения чтению являются – “подготовка”, “содействие”, “отражение” (ПСО)¹ [1]. У преподавателей, постоянно использующих эти компоненты как основные на своих занятиях, студенты в большей степени вовлечены в процесс обучения, при этом проблемы дисциплины в аудитории значительно сокращаются.

---

¹ В англоязычной литературе используется акроним *PAR* (*preparation, assistance, reflection*).

Рассмотрим каждый компонент более подробно. Так, на уровне *подготовки*, как показано на рисунке 1, преподавателям необходимо учитывать и фоновые знания студентов, и проблемы, которые могут возникнуть при чтении самого текста. Часто студенты не имеют специальных знаний и не обладают достаточной информацией, что затрудняет процесс обучения чтению. В этом случае уровень *подготовки* помогает вызвать интерес студентов к чтению данного преподавателем текста. Чем лучше преподаватель подготовит студентов к чтению, тем выше будет уровень их мотивации в изучении той или иной темы.

<u>ПОДГОТОВКА</u>	<u>СОДЕЙСТВИЕ</u>	<u>ОТРАЖЕНИЕ</u>
преодоление проблем, связанных с текстом	определение цели	переход от чтения к обсуждению
определение фоновых знаний	понимание текста	оценка
мотивация студентов		запоминание информации

Рис. 1. Основные компоненты контентного обучения чтению - ПСО

Выполнив задачи первого уровня, преподаватель может перейти к следующему уровню в иерархии основных компонентов контентного обучения чтению – уровню *содействия*, основным моментом которого является предоставление обучающего контекста. Это ключевой шаг в помощи студентам. Нередко преподаватели тратят много времени на подготовку и мотивацию студентов, а потом всего лишь просят прочитать текст самостоятельно в классе или дома, не учитывая тот факт, что у многих из них не развито логическое мышление или нет достаточных знаний английского языка. Таким студентам обязательно содействие (помощь) во время чтения для понимания текста и решения поставленных перед ними задач. Способность осмыслить и постичь содержание предлагаемого материала будет намного выше, если выбранные стратегии нацелить на личностную

реакцию студентов. Кроме того, данные стратегии помогут достичь главной цели задания.

На уровне *отражения* преподаватели используют уже прочитанный и проработанный материал, что способствует развитию логического мышления студентов и обогащению их словарного запаса. «Правильное отражение» студентами прочитанного текста - это не то же самое, что ответы на вопросы, заданные преподавателем или данные в учебнике после текста. «Правильное отражение» возникает, когда студенты сами задают себе вопросы такого рода, как: «Что нового я узнал(а) из прочитанного текста?», «Согласен(а) ли я с автором?», «Пригодится ли мне прочитанная информация в будущем?» и т.д. При четком понимании текста студенты дольше сохраняют в своей памяти прочитанную информацию и лучше ее анализируют.

На каждом уровне у преподавателя есть возможность определить, насколько хорошо понят прочитанный материал. Использование компонентов ПСО помогает не только увеличить мотивацию студентов, но и улучшить понимание прочитанного материала с возможностью его использования в будущем. Если преподаватели постоянно моделируют уровни ПСО, студенты начинают пользоваться ими и при самостоятельном чтении.

Описанные выше три уровня ПСО применимы к любой контентной области, на любом уровне знания английского языка. Они выступают гарантом позитивного отношения студентов к чтению и полного понимания прочитанного материала, его анализа и размышления над ним.

Далее мы приведем несколько примеров контентного обучения чтению с использованием компонентов ПСО для того, чтобы показать, что этот простой прием может улучшить подачу текстов любого содержания и уровня, а также помочь как начинающему преподавателю, так и преподавателю с опытом более эффективно и интересно построить свое занятие.

Например, при прохождении темы *Проблемы экологии* со студентами начального этапа обучения перед чтением текста *The Desert* на уровне *подготовки* преподаватель в целях определения фоновых знаний спрашивает студентов, что они знают о пустыне. Ответы записываются на доске. Например, *there are cactuses; there are no trees; it is hot; there is a lot of sand; sometimes you see mirages;* и т.д.

Затем можно раздать картинки с названиями животных и природных явлений, происходящих в пустыне. После этого преподаватель предлагает студентам подумать о том, какую еще информацию они хотели бы узнать о пустыне. Заданные вопросы также фиксируются письменно. Например, *How do the animals survive? What do desert animals eat? Do the animals drink any water? Are there any dangerous desert animals?* и т.д.

На уровне *содействия* студентам дается текст, прочитав который, они найдут ответы на заданные ими же вопросы.

На уровне *отражения* студенты обсуждают в группах свои ответы и отвечают на вопросы. Преподаватель может попросить их подчеркнуть оставшиеся без ответа вопросы или составить дополнительные, ответы на которые можно будет получить, прочитав дополнительную литературу по теме. Отметим, что информацию, необходимую для раскрытия темы, предпочтительнее давать в письменной форме раздаточного материала, чем в устной. Студенты находят такой вид заданий более интересным и стратегия «*Directed Reading/Thinking Activity*» соответствует всем трем компонентам ПСО.

Предложенный выше пример можно представить в таблице:

<u>What I Know About the Desert</u>	<u>What I Know About the Desert After Preview</u>	<u>What I Need to Know as I Read</u>	<u>What I Know After Reading</u>	<u>What I Still Need to Know</u>
<ul style="list-style-type: none"> • There are cactuses. • There are no trees. There are rattlesnakes, scorpions, lizards, owls, etc. • It is hot. • There is a lot of sand. • Sometimes you see mirages. • There is no water. 	<ul style="list-style-type: none"> • The cactuses have flowers. • There are maintains of sand. • There are toads, roadrunners, tigers, and coyotes. • The cactuses have water in them. 	<ul style="list-style-type: none"> • How do the animals survive? • What do desert animals eat? • How do the animals get their food? • Do the animals drink any water? 	<ul style="list-style-type: none"> - They rest in the shade to stay cool. - They eat seeds, plants, snakes, lizards, insects. - They hunt at night. - Yes, they do. Large animals live near water hole. Small animals get water from their food. 	<ul style="list-style-type: none"> • How hot does the desert get? • How often does it rain? How much? • How many different types of animals live in the desert? • What desert plans have water in them?

		<ul style="list-style-type: none"> • Are there any dangerous desert animals? • How do desert animals move? 	<ul style="list-style-type: none"> - Yes, the rattlesnake. - They move fast over the sand. 	
--	--	--	--	--

На уровне *отражения* преподаватель может также использовать и другие дополнительные задания. В нашем случае предлагается «*Magic-Square Activity*» (рис. 2).

Magic – Number Squares

Name _____ Date _____

Directions: Put the number of the definition listed below into the square with the correct term. Check your answers by adding the numbers across each row and down each column. The Magic Number is the total that you get each time.

desert _____	rain _____	water hole _____
hunt _____	scales _____	roadrunner _____
rattlesnake _____	plants/rocks _____	animals _____

1. The desert hardly ever sees this.
2. These need food and water to live.
3. Desert animals do this at night, when it is cool.
4. This may bite, but it will warn you first with the rattle in its tail.
5. These help animals from drying out.
6. Large animals must live near this for survival.
7. This animal has long legs to move fast over the hot ground.
8. This is a dry, hot place.
9. Animals hide under these to stay cool and safe.

The Magic Number is _____

Рис. 2. Дополнительное задание «*Magic-Square Activity*»

Приведем еще один пример работы ПСО. На занятиях со студентами историками уровня Intermediate при изучении темы Присутствие африканцев в ранней Америке перед чтением текста об африканском вожде Abukari II из книги Ivan Van Sertima's *The African Presence in Ancient America: They Came Before Columbus* на первом уровне, т.е. на уровне подготовки, преподаватель спрашивает студентов о том, какие у них возникают ассоциации со словами Nina Pinta Santa Maria. [2]. В процессе обсуждения на доске записываются основные идеи. Например, это могут быть – Columbus's ships, crossed the Atlantic, discovered America, ships were small, ships were strong и т.д. Затем можно задать вопрос *How do you feel about the United States celebrating Columbus Day?*, чтобы заставить студентов вспомнить как можно больше фактов и легенд о Колумбе как исторической фигуре.

После дискуссии переходим на следующий уровень, где студентам уже дается текст об африканском вожде. Для лучшего понимания текста и его обсуждения к тексту прилагается план или список каких-либо основных событий, о которых можно узнать или, наоборот, не получить никакой информации при чтении текста.

На уровне отражения студентам предлагается цитата из книги Ivan Van Sertima – *It is harder to believe in Africans crossing the Atlantic, a distance of 1500 miles, than in artists from outer space, etching camels in Marcahuasi* [2;78]. Преподаватель просит студентов написать аргументативное письмо ее автору, в котором бы они выразили свое отношение к приведенной цитате. Данное задание может быть выполнено как в классе, так и дома. А приведенные выше примеры демонстрируют работу ПСО на уроках английского языка со студентами неязыковых факультетов.

Итак, студентам неязыковых специальностей при использовании методики ПСО предоставляется возможность изучать иностранный язык таким образом, чтобы с выходом на практическое применение в дальнейшей профессиональной жизни делать его элементом познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Richardson J. *Reading to Learn in the Content Areas* / J. Richardson. – Belmont: Wadsworth, 2000. – p. 6 – 27.
2. Van Sertima T. *The African Presence in Ancient America: They came before Columbus* / T. Van Sertima. - New York: Random House, 1976. – p. 78.

3. Walpole S. Changing Texts, Changing Thinking: Comprehension Demands for New Science Textbooks. *The Reading Teacher*. -Vol. 52, 1999. – p. 356 – 369.

Воронежский государственный университет

PAR AS MAIN COMPONENTS WHILE TEACHING FOREIGN-
LANGUAGE READING AT NONLINGUISTIC DEPARTMENTS

I.Y. Solovyova, I.V. Fomina

The article is devoted to the issues of using PAR while teaching content reading at nonlinguistic departments of higher education institutions

Key words: foreign language, content reading, preparation, assistance, reflection

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕРОПРИЯТИЙ В ФОРМАТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКЗАМЕНОВ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Н.Ю. Алмаева, С.А. Шилова

В статье рассматривается один из способов повышения мотивации к изучению иностранного языка, связанный с организацией мероприятий в формате международных экзаменов. Приведен перечень факторов, объясняющих интерес студентов к международной сертификации. В статье описан процесс проведения ежегодной общеуниверситетской олимпиады по английскому языку в формате международных экзаменов в Саратовском государственном университете. Особое внимание авторы уделяют сравнению типов заданий и выявлению сложных грамматических аспектов на материале раздела Use of English двух уровней PET и FCE

Ключевые слова: мотивация, внутренняя мотивация, международные экзамены, PET, FCE

Термин «мотивация» в широком смысле используется во всех отраслях педагогики, методики и психологии, где исследуются причины и механизмы целенаправленного поведения человека. На основе анализа научных источников можно констатировать, что определения мотивации распределяются по двум сферам, по двум направлениям. Первое рассматривает мотивацию со структурных позиций, как совокупность факторов или мотивов. С учетом этих факторов происходит принятие решения, формирование намерения. Второе направление рассматривает мотивацию не как статичное, а как динамичное образование, как процесс, механизм. Учебная мотивация зачастую рассматривается как частный вид мотивации, включенный в учебную деятельность.

Существует несколько классификаций учебной мотивации. Согласно одной из них учебная мотивация может быть внутренней и внешней. Как отмечает Г.Н. Хамедова, в отечественной психолого-педагогической науке существуют два подхода к определению вышеуказанных типов мотивации. Первый подход основан на характере связи между учебным мотивом и другими компонентами

учения. Если мотив реализует познавательную потребность, связан с усваиваемыми знаниями и выполняемой деятельностью (совпадает с конечной целью учения), то он является «внутренним». Если же мотив реализует непознавательную (социальную по классификации) потребность и непосредственно не связан с получением знаний (не совпадает с целью учения), то он называется «внешним». В основе второго подхода, наряду с указанным ранее критерием, выделяется и другой – характер личностного смысла (утилитарно прагматический и/или ценностный) [1, с. 281].

В зарубежной методике преподавания иностранного языка также выделяют внутреннюю и внешнюю мотивацию. При этом внутренняя мотивация направлена на процесс и достижение результата, тогда как внешняя мотивация основана на получении некоего вознаграждения. Внутренне мотивированный студент выполняет задания не только из-за возможности получить высокую оценку или зачет, ему нравится сам процесс освоения иностранного языка [2, с. 265].

Безусловно, внутренняя мотивация является более сильным и действенным инструментом достижения цели, но необходимо признать, что далеко не все студенты обладают данным типом мотивации. Это, в свою очередь, заставляет преподавателей использовать различные способы воздействия на внешнюю мотивацию (дополнительные баллы, автоматическое получение зачета). В ряде случаев внешняя мотивация может перейти во внутреннюю.

Формирование устойчивой мотивации к изучению иностранного языка является одной из важнейших задач, стоящих перед преподавателем высшей школы, так как каждый преподаватель знает, что обучение протекает более успешно, если у обучающегося сформирована положительная мотивация, познавательный интерес, потребность в получении знаний, чувство долга, ответственность и другие мотивы [3, с.51].

На сегодняшний день одним из мотивационных факторов в изучении иностранного языка является подготовка и сдача международного экзамена и получение сертификата международного образца, подтверждающего уровень владения иностранным языком. Во многом это связано с тем, что большинство современных студентов хотели бы связать свою профессиональную деятельность с той или иной формой международных командировок и работой в

международных компаниях, но это не является единственной причиной значительного интереса к международной сертификации. Существует целый ряд факторов, способных объяснить растущую популярность международных экзаменов.

1. Наличие программ академической мобильности позволяет студентам продолжать обучение в различных университетах мира. В ряду обязательных условий выступает сформированность у студентов высокого уровня владения иностранным языком, подтверждённого одним из международных сертификатов.

2. Для получения грантов на обучение и участие в таких программах, как государственная программа «Глобальное образование», студентам также необходимо предоставить документ, удостоверяющий уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции.

3. В связи с глобализацией рынка труда в настоящее время при трудоустройстве на работу в международную компанию, в том числе и находящуюся на территории РФ, кандидатам приходится прикладывать к остальным документам сертификат о владении иностранным языком на определённом уровне.

С учетом важности международной сертификации на протяжении нескольких лет различными кафедрами факультета иностранных языков и лингводидактики Саратовского государственного университета организуются и проводятся конкурсы и олимпиады в формате международных экзаменов, что позволяет:

- вызвать интерес и повысить мотивацию к изучению иностранного языка;
- ознакомить студентов с форматом разнообразных международных экзаменов;
- определить и объективно оценить уровень владения иностранным языком в случае невозможности студентов сдать международный экзамен (например, вызванной финансовыми затруднениями) [4, с. 352];
- предоставить возможность подготовиться к общероссийским олимпиадам и конкурсам.

К числу мероприятий, проводимых кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации в формате международных экзаменов, относится, например, ежегодная общеуниверситетская олимпиада по английскому языку для студентов неязыковых

направлений. За всю историю данного мероприятия в качестве базового формата использовались различные экзамены (TOEFL, IELTS, FCE и CAE). Последние несколько лет преимущественно используются экзамены Кембриджского синдиката.

Олимпиада 2018 года состояла из трёх этапов, первый из них (отборочный) студенты проходили дистанционно на базе образовательной площадки Moodle. Одной из причин выбора данной формы проведения отборочного тура послужил тот факт, что современные студенты не только виртуозно используют такие современные технологии как вики, блоги, социальные сети и форумы, но и ожидают, что они будут применяться в процессе обучения. Как отмечает Полянская Е.В., «образование, лишённое информационных технологий, не является для них [современных студентов] личностно-ценностным» [5]. С учетом данной особенности современного поколения студентов и в целях увеличения количества участников задания отборочного тура были размещены на образовательном портале Курс СГУ, базирующемся на площадке Moodle.

В отборочном туре участвовали почти 800 студентов. Далее по результатам отборочного этапа студенты были определены в три группы в зависимости от уровня: B1 (intermediate), B2 (upper-intermediate) и C1 (advanced). Уровни соответствуют Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком (Common European Framework of Reference, CEFR). Второй этап проходил очно, в нем студенты выполняли задания Listening (аудирование), Use of English (лексико-грамматические задания) и Reading (чтение) по трем уровням: PET (Preliminary English Test), FCE (First Certificate in English) и CAE (Certificate of Advanced English). Заключительным этапом общеуниверситетской олимпиады было соревнование студентов в продуктивных навыках Speaking (говорение) и Writing (письмо).

Необходимо отметить, что проведение мероприятий в формате международных экзаменов выступает мотивационным стимулом не только для студентов, но и для преподавателей английского языка. Такие мероприятия дают возможность посмотреть на обучение и достигнутые результаты студентов по-новому, более подробно изучить их сильные и слабые стороны.

Более того, современные студенты ориентированы на немедленное вознаграждение и постоянную обратную связь. Согласно

современной зарубежной теории овладения иностранным языком в процессе формирования иноязычных речевых навыков и умений учащиеся постоянно выдвигают и проверяют гипотезы (hypothesis testing) об использовании того или иного языкового явления в речи. При этом обратная связь должна стимулировать этот процесс и предоставлять студенту информацию, которая позволит ему проанализировать собственные действия, сделать выводы, провести самокоррекцию ошибок, исправить и модифицировать свое речевое поведение. Упомянутые выше мероприятия обладают диагностирующей функцией и позволяют предоставить студентам информацию такого характера.

В рамках данного исследования на материале выполненных на втором этапе олимпиады работ студентов нами был проведён анализ типов заданий и грамматических аспектов, которые вызывают наибольшую трудность у студентов. Исследование было проведено на основе 40 работ студентов уровня PET и 37 работ студентов уровня FCE. Задачами на данном этапе нашей работы стало сравнение типов заданий и выявление сложных грамматических аспектов на материале раздела Use of English двух уровней PET и FCE.

Для начала обратим наше внимание на типы заданий. Как видно на диаграммах на уровне PET процент успешного выполнения двух типов заданий, а именно Four-option multiple choice (множественный выбор) и Sentence transformations (трансформации), приблизительно одинаков: 50,75% и 46 % соответственно. На уровне FCE тип задания Sentence transformations (трансформации) вызвал большую трудность по сравнению с типом задания Open cloze (где нужно вставить пропущенное слово); процентное соотношение следующее: 54,5% и 24,7% соответственно (рис. 1, 2).

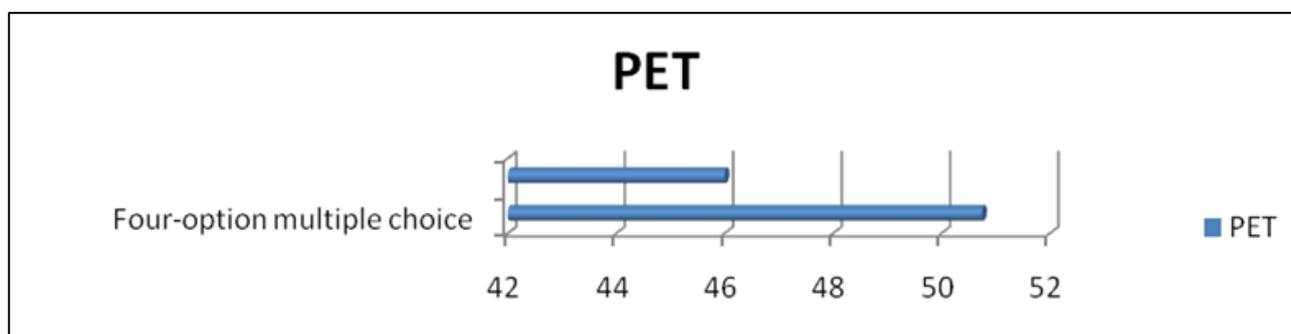

Рис. 1

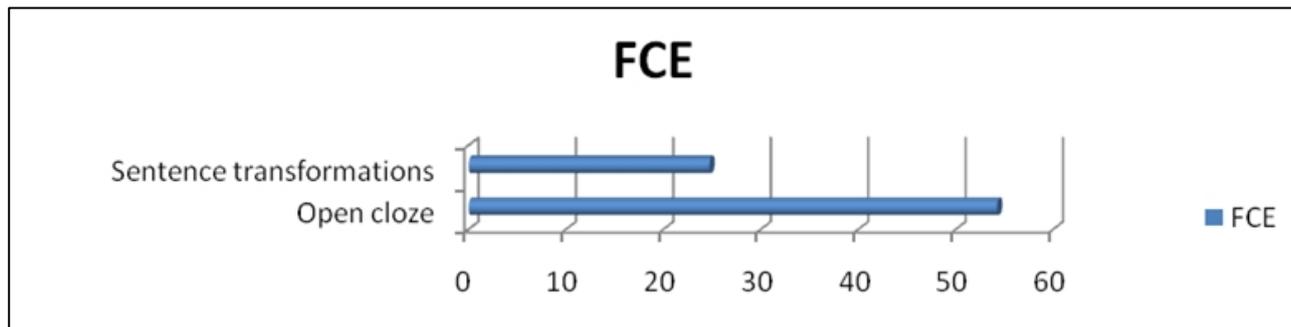

Рис. 2

Далее, обратимся к тем грамматическим областям, которые вызвали наибольшую трудность у студентов при выполнении типов заданий: Four-option multiple choice (множественный выбор) и Sentence transformations (трансформации). Анализ работ студентов показывает следующие результаты (рис. 3, 4):

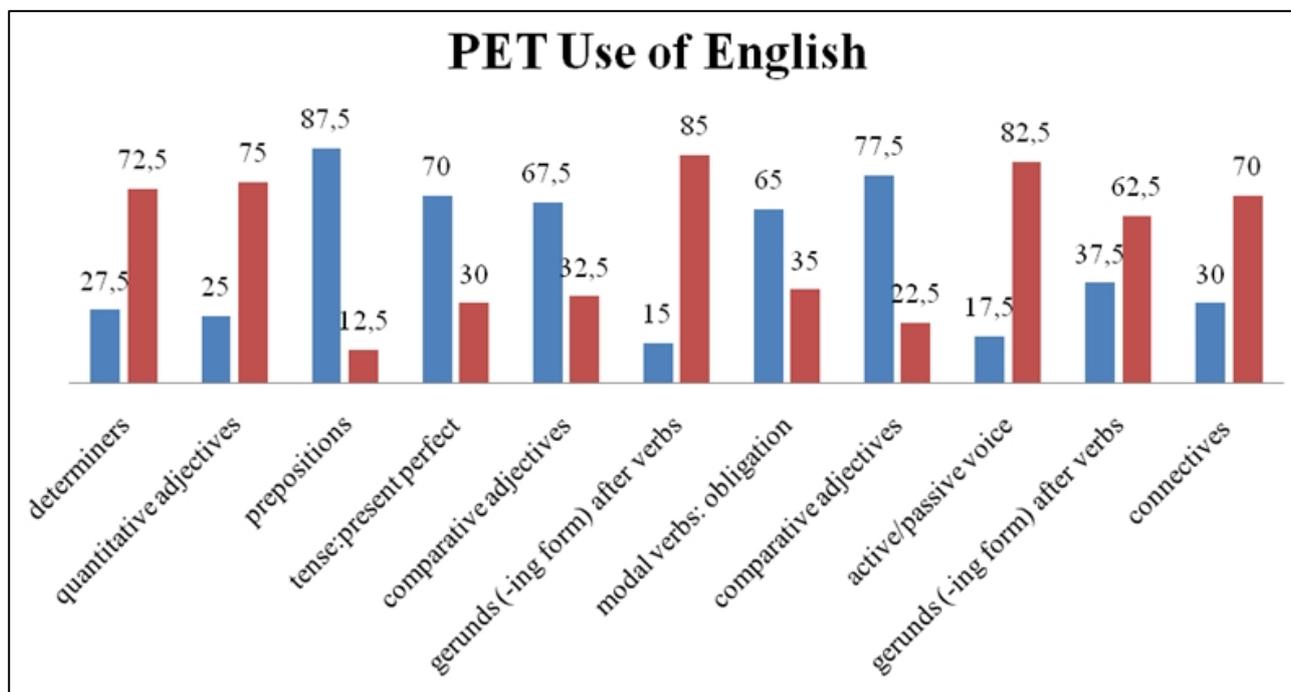

Рис. 3

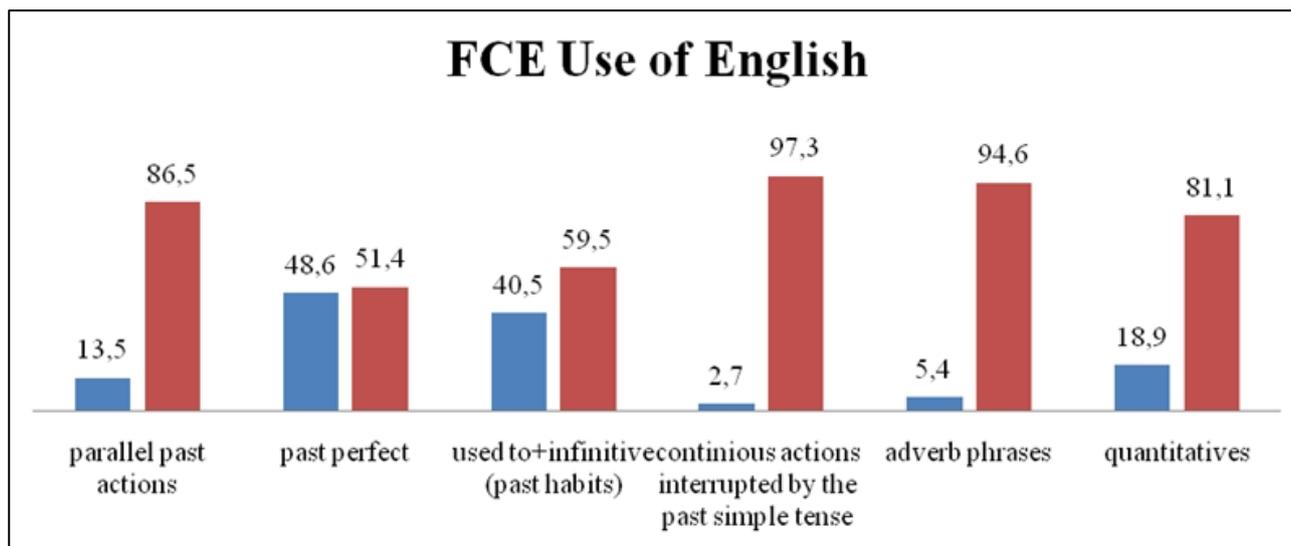

Рис. 4

Так, грамматические аспекты, которые оказались наиболее трудным для студентов уровня PET и FCE, следующие: determiners, quantitative adjectives, adverb phrases, quantitatIVES, connectives, gerunds (-ing form) after verbs, active/passive voice, parallel past actions, continuous actions interrupted by the past simple tense.

Данные результаты позволяют сделать вывод, что несмотря на получающую все большую распространённость коммуникативной методике обучения английского языка, которая, несомненно, имеет свои преимущества, необходимо помнить, что с каждым уровнем объем лексических и грамматических единиц возрастает и важно уделять должное внимание работе над грамматическими структурами наравне с лексическими единицами и обучать студентов лексико-грамматической вариативности языка.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что мотивация к изучению иностранного языка является основой и залогом успешности достижения поставленной цели. Преподаватели современной высшей школы могут повысить мотивацию студентов к изучению иностранного языка, обратив внимание на их интересы и стремления. Принимая во внимание всё возрастающую востребованность международной сертификации, можно говорить о том, что организация мероприятий в формате международных экзаменов в значительной степени способствует повышению мотивации студентов к изучению иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хамедова, Г.Н. К проблеме формирования мотивации изучения иностранного языка у студентов неязыковых специальностей // Вестник ОГУ. Гуманитарные науки. 2012. Т. 138, №2. С. 280-285.
2. Шилова С.А. Способы повышения мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыковых специальностей // В сборнике: Изменяющийся мир: общество, государство, личность Сборник материалов IV Международной научной конференции. 2015. С. 263-268.
3. Микельсон, Р.М. О самостоятельной работе учащихся / Р.М. Микельсон. – М.: Учпедгиз, 1963. – 242 с.
4. Шилова С.А. Forms of Assessment in the EFL Classroom // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации (27-25 февраля 2015 года) – Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С 351 – 357.
5. Полянская, Е.В. Новомедийные визуальные коммуникации как компонент реализации проектной деятельности студентов [Электронный ресурс] // По материалам конференции Conect-universum 2014. 19.05.2014. – Режим доступа: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/516.html (дата обращения: 29.05.2018).

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

ORGANIZING EVENTS IN THE FORMAT OF INTERNATIONAL EXAMINATIONS AS A WAY OF ENHANCING UNIVERSITY STUDENTS' MOTIVATION FOR LEARNING FOREIGN LANGUAGES

N.Yu. Almaeva, S.A. Shilova

The article considers one of the ways of increasing motivation to learn a foreign language, which is connected with organizing events in the format of international examinations. The article provides a list of factors which contribute to students' growing interest towards international certification. The article also describes the process of holding the annual university-level Olympiad in English at Saratov State University. The main focus of the article is the comparison of types of assignments and the identification of complex grammatical aspects on the material of the Use of English part of PET and FCE levels

Key words: motivation, intrinsic motivation, international examinations, PET, FCE

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОПОСРЕДОВАННОМУ ОБЩЕНИЮ

Н.А. Мальцева, А.Э. Гарбузова

В статье анализируется проблема реализации гуманистической образовательной парадигмы в рамках компетентностного подхода

Ключевые слова: иностранный язык, профессиональное общение, компетентностный подход

Педагогические исследования показывают чрезвычайную актуальность качества образования, которое оценивается в терминах «компетенция» и «компетентность». Всплеск популярности данных терминов связан с интеграционными процессами в европейской образовательной политике, отражающими стремление добиться наибольшего соответствия европейского образования реалиям глобальной экономики и сделать выпускников учебных заведений разного уровня максимально конкурентноспособными на мировом рынке труда.

В связи с тем, что в стремительно меняющемся современном мире набор видов профессиональной деятельности постоянно изменяется, перед системой образования встает задача - ставить цели и формулировать результаты подготовки специалистов в комплексном и интегрированном виде и не ограничиваться узкопрофессиональной сферой их применения.

Поэтому для преодоления разрыва между образованием и жизнью на современном этапе общественного развития возникает необходимость утверждения новой парадигмы результата образования в понятиях "компетенция/компетентность". Перед педагогикой впервые во всей полноте ставится задача формирования, развития и совершенствования комплекса личностных и социально-профессиональных компетентностей будущих специалистов в период их обучения.

Эта задача высвечивает основное противоречие между стремлением общества и самой системы образования реализовать цели

гуманистической образовательной парадигмы, рассматривающей личность как центр собственного самосозидания, и прагматически обусловленными ориентирами компетентного подхода в профессиональном образовании. При обучении иноязычному профессиональному общению названное противоречие усиливается рядом более частных противоречий:

– между необходимостью для будущего специалиста обладать опытом самоидентификации и саморазвития в вузе для формального освоения научных знаний;

– между требованиями креативности, творческой смелости, самостоятельности, ответственности будущего специалиста и сохранением «субъект-объектных» отношений в процессе его обучения;

– между необходимостью формирования будущим специалистом основных компонентов общих, профессиональных компетентностей и отсутствием комплексной педагогической технологии их становления в обучении.

Одним из наиболее приоритетных направлений реформирования общего и профессионального образования во все мире становится компетентный подход. Обзор позиций разных авторов относительно проблемы компетентности позволил сделать следующие выводы.

1. В современной педагогике понятия «компетенция» и «компетентность» официально не разделены. Ответственные исследователи чаще используют термин «компетенция» для определения границ области действия специалиста, а «компетентность» – для оценки качества его деятельности.

2. Понятие «компетентность» многоаспектно и сложно по структуре. Компоненты компетентности специалиста обладают свойствами вариативности, взаимозависимости, интегративности, кумулятивности, социальной и личностной значимости.

3. В группах профессий «человек-человек», «человек-техника», «человек-знак», «человек-природа» от специалистов требуются разные наборы компетентности.

4. Целостные компетентности выпускника профессионального учебного заведения характеризуются множеством параметров: социальностью, культуросообразностью, межпредметностью,

надпредметностью, системностью, практикоориентированностью, ситуативностью, мотивированностью использования.

5. Процесс профессионального обучения должен быть направлен не только на становление базовых компетентностей будущего специалиста, но и на формирование творческого потенциала развития компетентностей в будущем, в процессе осуществления профессиональной деятельности.

6. Компетентностный подход в обучении иноязычному профессиональному общению представляется результативно-целевым основанием организации учебного процесса.

В качестве основания для разделения понятий «компетенции» и «компетентности» специалиста необходимо выбрать объективность и субъективность условий, определяющих качество профессиональной деятельности. Под объективными условиями отметим «компетенции» как сферы деятельности специалиста, его права и обязанности, закрепляемые различными официальными документами: законами, указами, приказами, положениями, инструкциями и т.п. В качестве субъективных условий – «компетентностей» – рассмотрим сформированные на момент исполнения профессиональных действий качества, свойства, знания, умения, возможности, способности, желания, ответственность и т.п. специалиста.

Учитывая различные подходы к понятию компетенции и компетентности специалиста, в данной статье будем использовать следующие определения.

Компетенции специалиста – это его права, обязанности и ответственность в сфере профессиональной деятельности, выполнение которой обеспечивается комплексом его деятельных способностей и возможностей, наличием мотивационной готовности и направленности на дело, системой необходимых знаний, умений, навыков и опыта.

Компетентности специалиста – это постоянно совершенствующиеся и реализуемые на практике способности, деятельные возможности, мотивационная направленность и готовность к осуществлению творческой профессиональной деятельности с глубоким осознанием социальной значимости этой деятельности и личной ответственности за результаты своих действий и поступков.

Специфика иностранного языка как учебного предмета заключается прежде всего в том, что конечной целью его изучения

является овладение языком как средством коммуникации. Это означает необходимость овладения средствами выражения и понимания мысли на иностранном языке. Содержательной стороной этих средств является конкретная информация о языке как системе. Владение этой информацией служит базой для развития необходимых навыков и умений по пользованию этими средствами и способов формирования и формулирования мыслей.

Поскольку будущий специалист неязыкового вуза осуществляет информационную деятельность под воздействием профессионально ориентированной информационной потребности, чтение иностранной профессионально ориентированной литературы является средством ее удовлетворения. Для повышения эффективности обучения с учетом профессиональной ориентации ставится задача поиска новых методических приемов для обучения иноязычному опосредованному общению.

Основную часть информации обучающийся получает из профессионально ориентированных текстов, основная функция которых – сообщение. Тексты профессиональной тематики служат для выделения и оформления особой формы изложения научных описаний, передачи идей, гипотез, доказательств и открытий.

При организации обучения иноязычному профессиональному общению в рамках компетентного подхода следует рассмотреть этапы формирования навыков иноязычного опосредованного общения при подготовке специалистов неязыкового вуза.

Первый этап – формирование лексико-грамматических навыков иноязычного профессионального общения и выработка грамматических механизмов речи. На данном этапе обучения центральное место в учебном процессе отводится упражнениям.

Формирование грамматических навыков иноязычного профессионального общения в рамках всего процесса обучения рассматривается как основной раздел, а упражнения определяются как аспектно-ориентировочные, условно-речевые, поскольку процесс профессионально-ориентировочного чтения требуют определенного количества сформированных лексических и грамматических речевых навыков.

С целью реализации обучения иноязычному профессиональному общению в неязыковом вузе на данном этапе важнейшими дидактическими принципами выступают доступность обучения,

заинтересованность и активность взрослой аудитории при извлечении информации из иноязычных источников, с чего и целесообразно начать формирование конкретного грамматического навыка на уровне минимальной по объему коммуникативной единицы – предложения. Таким образом, упражнения каждого блока заданий в формировании частного грамматического речевого навыка включают два типа тестов:

а) для этапа автоматизации – систему не связанных друг с другом предложений, содержащих в своей структуре тренируемую грамматическую единицу;

б) для варьирующе-ситуативного этапа – микротексты и связанные тексты.

Второй этап – формирование профессиональных лексических навыков будущих специалистов. Создание автоматического словаря освобождает специалиста от механического, рутинного труда в пользу содержательного, творческого с минимальными временными затратами. Практика показала, что, помимо двуязычного переводного словаря основ лексических единиц (ЛЕ), целесообразно вводить компьютерные системы словаря основ, лексических суффиксов и служебных слов (предлоги, союзы, артикли и т.д.). Создание подобных словарей повышает отказоустойчивость словарных систем и способствует формированию навыков пользователя узнавать, вычленять и адекватно воспринимать «сигналы» иностранного языка. Словарь окончаний, префиксов, суффиксов, служебных слов, в отличие от словаря основ, является устойчивым формированием.

Третий этап – формирование самостоятельной учебной деятельности (СУД) на основе профессиональных ситуаций при обучении иноязычному общению.

Эффективным средством организации самостоятельной деятельности при обучении иноязычному профессиональному общению является ситуация, которая позволяет имитировать экстралингвистические условия при решении задач чтения.

Применение ситуаций в целях обучения дает возможность преодолеть некоторые противоречия между учебной и профессиональной деятельностью. Модельное представление профессиональной деятельности способствует преодолению отмечаемых противоречий. Отличительным признаком профессиональной ситуации (ПС) является создание реальных ситуаций профессионального общения, способствующих стимули-

рованию и развитию творческой деятельности обучающихся, не ограничивающих их интеллектуальную активность. Следовательно, ПС представляют собой и комплект внешних условий, побуждающих обучающихся в активной самостоятельной творческой деятельности.

Профессиональные ценности занимают ведущее место в системе ценностей человека, поэтому их формирование является важнейшим условием не только профессиональной подготовки, но и становления личности в целом. Одна из задач преподавателя вуза – "вырастить" в душах студентов те ценности, следование которым может обеспечить успешную учебную и профессиональную деятельность. Нами выделен общий для обучаемых студентов список ценностей, влияющих на выбор профессии, отношение к ней и мотивы участия в профессиональной деятельности:

- содержание профессиональной деятельности и обусловленные им возможности самореализации личности (соответствие интересам и способностям, возможности творческого саморазвития, самосовершенствования);

- общественная значимость деятельности, определяемая ее результатами и последствиями (полезность обществу и его членам);

- социальный статус профессии, общественная оценка профессиональной деятельности человека (уважение окружающих, общественное признание);

- ценностное отношение к режиму и условиям деятельности: социально-экономическим (характер деятельности, оплата и другие вознаграждения) и морально-психологическим (возможности межличностного общения, достижения успехов, профессионального роста и т.д.).

Ориентация преподавателя и студента на "выращивание" этих ценностей создаст особые условия для успешного протекания учебной и профессиональной деятельности, в которой внутренние стимулы будут играть ведущую роль. И в этих условиях специалист будет воспринимать свою профессиональную деятельность как способ своей жизнедеятельности.

Таким образом, при обучении иноязычному опосредованному общению в неязыковом вузе должен быть осуществлен переход от чтения в учебных условиях к самостоятельному использованию различных видов чтения для решения профессиональных экстралингвистических задач в совокупности с профессиональными условиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкий А.А. Развитие мотивации студентов в контекстном обучении / А.А. Вербицкий, Н.А. Бакшаева – Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. – С. 79-80.

2. Мальцева Н.А. Роль информационных технологий в организации самостоятельной учебной деятельности при обучении иностранному языку / Н.А. Мальцева, О.Г. Артемова, Г.И. Юрова / Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности. Материалы Международной научно-практической конференции – Воронеж, 2017. – С, 239-241.

3. Компетентностный подход в обучении: науч.-метод. пособ. / А.В. Хуторской – М.: Эйдос, 2013. – 73с.

4. Ж.В. Глотова, Л.В. Шкодия / Иноязычная профессиональная компетентность будущих специалистов г. Калининград, ФГБОУ ВПО «КГТУ», 2012. – 145-146с.

Воронежский государственный технический университет

THE TRAINING IN FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL COMMUNICATION WITHIN THE COMPETENCE APPROACH

N.A. Maltzeva, A.E. Garbusova

The article is devoted to the problem of educational paradigm humanitarian realization of the training in foreign language professional communication within the competence approach

Key words: foreign language, professional communication, competence approach

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРИРОВАННОГО ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ПОДХОДА

Д.А. Алексеева, С.А. Шилова

В статье рассматривается пример проектной деятельности в рамках дисциплины «Иностранный язык» как форма реализации междисциплинарного и интегрированного предметно-языкового (CLIL) подходов к обучению английскому языку студентов высших учебных заведений. Особое внимание уделяется различным стадиям работы над проектом и подготовке к его защите

Ключевые слова: проектная деятельность, междисциплинарный подход, интегрированный предметно-языковой метод, компетентностная модель обучения, CLIL

Основными регулятивными документами системы высшего профессионального образования являются федеральный государственный стандарт (ФГОС) и основная образовательная программа (ООП). Согласно ФГОС ВПО третьего поколения методологической основой содержания современного высшего образования является компетентностная модель обучения. Следовательно, формулировка целей обучения осуществляется через компетенции, востребованные в профессиональной деятельности современного работника. Целью освоения дисциплин, входящих в состав ООП, становится формирование ряда универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

В число основных универсальных компетенций, которые преподаватели призваны формировать в рамках дисциплины «Иностранный язык» включаются такие компетенции, как УК 4 (способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном языке) и УК 5 (способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах). Исходя из формулировок вышеупомянутых компетенций, можно говорить о том, что на сегодняшний день перед преподавателями высшей школы стоит задача

сформировать у студентов такой уровень языковой компетенции, который позволил бы им эффективно использовать иностранный язык в профессиональных целях.

В значительной степени способствовать решению данной задачи может междисциплинарный подход, элементы которого уже достаточно длительное время используются в практике преподавания иностранного языка в отечественной высшей школе и который получил новое развитие в рамках компетентностной модели обучения. На необходимость использования принципа междисциплинарности при составлении рабочих программ в вузах указывают такие отечественные исследователи, как И.В. Слесаренко, О.Б. Бессерт, И.В. Попова, М.М. Степанова, Ю.В. Панова [1]. По мнению британского лингвиста и социолога Дэвида Грэддола, происходящие в мире процессы влекут за собой изменение положения английского языка. В своём исследовании “English Next” Д. Грэддол отмечает, что в ближайшее время английский язык все реже будет преподаваться в качестве отдельной дисциплины, а будет интегрироваться в программу по предметной дисциплине [2, с. 86].

В зарубежной методике преподавания иностранных языков понятие «междисциплинарность» тесно связано с применением интегрированного предметно-языкового подхода (CLIL). Термин CLIL (интегрированный предметно-языковой подход), предложенный Дэвидом Маршем в 1994, относился к учебным ситуациям, в которых все учебные предметы или часть предметов преподавались на иностранном языке, преследуя двуединую цель – изучение предмета и одновременно изучение иностранного языка [3].

Студенты старших курсов сталкиваются с необходимостью работать с новейшими материалами конференций и статьями зарубежных авторов, которые изданы исключительно на английском языке. Это влечет за собой необходимость преодоления ряда трудностей, связанных, например, с насыщенностью текста лексическими средствами образности, так как «classical scientific papers in English are more “reader-friendly” than the Russian ones» [4, с. 171].

Сознавая всю важность и необходимость максимальной интеграции обучения иностранному языку в освоение студентами профильных дисциплин, мы, однако, вынуждены признать, что аудиторные занятия не всегда позволяют преподавателю в полной

мере реализовать данную интенцию. Компенсировать это можно средствами проектной деятельности, когда для выполнения прикладной задачи студентам требуется привлекать навыки, полученные в рамках дисциплин основного профиля.

Более того, работа над проектами в значительной степени способствует развитию социальных навыков, обуславливающих успешность командной работы. Работа над формированием социальной компетенции студентов является одной из важнейших задач, которые ставит перед собой преподаватель. Говоря о навыках, необходимых в будущем, Патрик Гриффин, основатель исследовательского проекта ATC21S и директор Центра исследования оценки в Университете Мельбурна, отметил, что «в каждой стране набор [навыков] различается, но всегда это имеет отношение к навыкам, необходимым в 21 веке – критическое мышление, навыки коммуникации и совместной работы, творческий подход, навыки поведения в цифровой среде» [5]. Таким образом, навыки командной работы – это ключевые навыки 21 века. И их формирование становится стратегически важной задачей.

Современные студенты принадлежат к поколению, называемому социологами «поколение игрек», которое отличается коммуникабельностью и открытостью для общения. Однако зачастую они предпочитают общаться посредством социальных сетей и мобильных телефонов. Нередко «живое» межличностное общение вызывает у них большие затруднения. Более того, ещё одной характерной чертой представителей современного поколения студентов является индивидуализм, который может выступать препятствием на пути к успешной командной работе [6, с. 493]. Грамотно организованная проектная деятельность позволяет преодолеть данные трудности и развивать у студентов навык командной работы.

Для повышения мотивации студентов к осуществлению проектной деятельности преподавателями СГУ был организован Фестиваль междисциплинарных проектов «Учимся играя», проводимый в рамках Международной недели науки и мира. Это мероприятие позволяет сохранить соревновательный компонент и обеспечить совместную работу студентов разных специальностей и курсов [7, с. 253].

Рассмотрим один из проектов, представленных на фестивале 2017 года. Под руководством авторов статьи студентами факультета компьютерных наук и информационных технологий СГУ был создан проект обучающей игры “The Power of Knowledge” («Сила знаний»), цель которой – отработать употребление времен английского глагола.

Как руководители проектов, мы соблюдали следующие критерии:

1. Проекты творческие, так как в конечном продукте студенты сами выбрали и реализовали способы тренировки грамматических и лексических явлений; разработали дизайн с применением образов, в которые вложили смысл, соответствующий тематике игры, и нашли для них способ художественного воплощения.

2. Проекты прикладные с точки зрения преподавания иностранного языка, так как компьютерная игра и чат-бот могут быть использованы студентами в процессе изучения английского языка как в аудитории по заданию преподавателя, так и самостоятельно.

3. Проекты отрабатывают навыки студентов в рамках профильных дисциплин за счёт прямого применения усвоенных знаний в области программирования и дизайна. Более того, студенты самостоятельно освоили некоторые из программ, которые потребовались им для написания игры.

В проекте “The Power of Knowledge” принимали участие четыре студента факультета компьютерных наук и информационных технологий под руководством двух преподавателей кафедры английского языка и межкультурной коммуникации; срок реализации проекта – 6 недель.

Первый этап заключался в определении темы и целей проекта. Тема: создание учебной компьютерной игры по дисциплине «Иностранный язык» и теме, выбранной студентами по их желанию (для начала был выбран раздел грамматики «времена группы Simple»).

Цели проекта:

1. Познавательная (с одной стороны, повторение времен, формулировка правил их употребления, поиск или составление примеров для отработки правил; с другой стороны – изучение языков программирования).

2. Развивающая (анализ и систематизация лингвистической информации; совершенствование навыков программирования и дизайна; развитие коммуникационных навыков).

3. Воспитательная (работа в коллективе, решение творческих задач, исполнение разных социальных ролей в рамках проекта – руководитель проектной группы, программист, дизайнер и т.д.).

Второй, самый трудоемкий, этап заключался в самостоятельной работе студентов по созданию компьютерной игры: создание дизайна (графический редактор Adobe Photoshop CS3 и программа Pro Motion NG), концепции и логики игры (язык C#, игровой движок Unity, который был выбран в силу его мультиплатформенности и удобства в пользовании).

Нами было решено, что данный проект ориентирован на студентов первого курса, дизайн и концепция создавалась с расчетом на целевую аудиторию 17-19 лет.

За основу мы взяли образ первокурсника Фёдора, которому приснился кошмарный сон о предстоящей сдаче экзамена по иностранному языку. Студент одет в рубашку и брюки, он с рюкзаком и носит очки. Для персонажа прорисовывались отдельно движения (бег, прыжки, дыхание). В прорисовке персонажа учитывалась светотень (рис. 1).

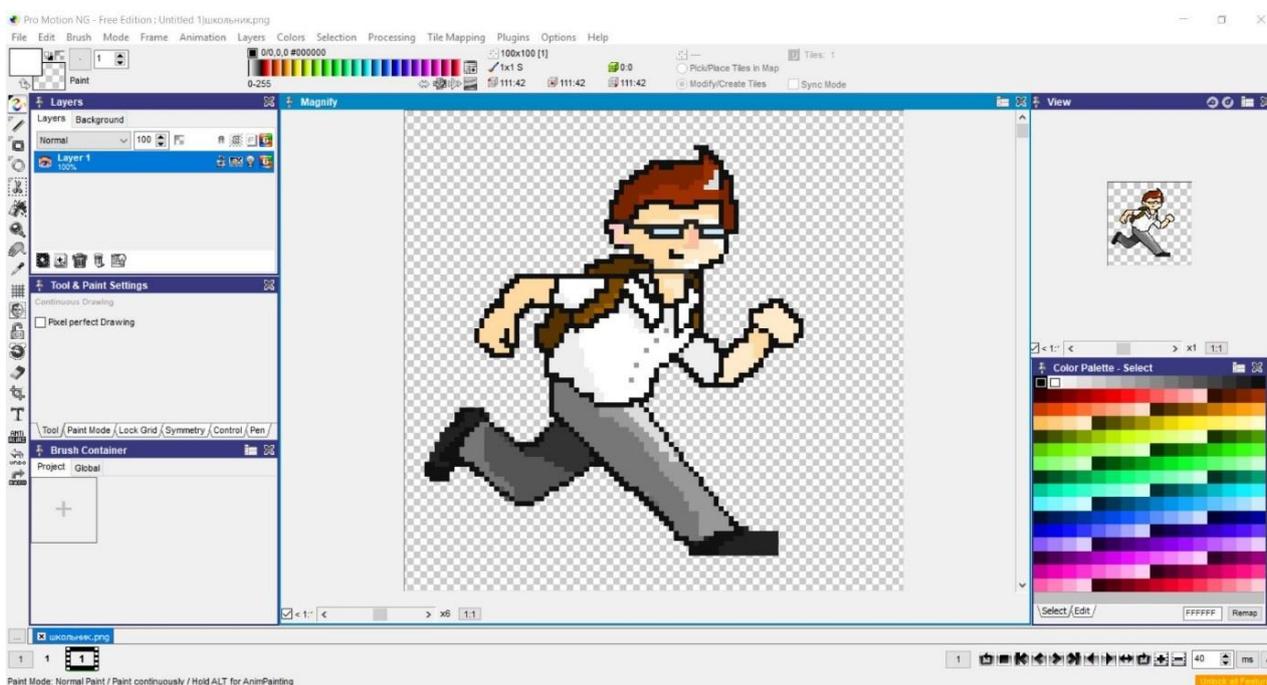

Рис. 1. Создание главного персонажа игры – первокурсника Фёдора

Помимо Фёдора, ключевая роль в игре отводится книге. Наш студент бегает и прыгает по дорожке из учебников, на фоне типичный набор рабочего стола студента: тетради, книги, конспекты, ручка. Фон в приглушенных золотисто-коричневых цветах, чтобы создать у пользователя ассоциацию со старыми библиотеками. Яркие цвета не используются для создания плановости в игре и «увода» заднего фона вглубь. Учебники, которые служат платформой для передвижения персонажа, намеренно выполнены в более ярких тонах, чтобы пользователю было удобнее ориентироваться в пространстве игры.

Ещё один главный персонаж игры – босс, монстр с щупальцами и множеством глаз (которые, разумеется, следят за тем, чтобы студент не списывал). Монстры специально выполнены в разных цветах, что обозначает разные уровни сложности вопросов (рис. 2).

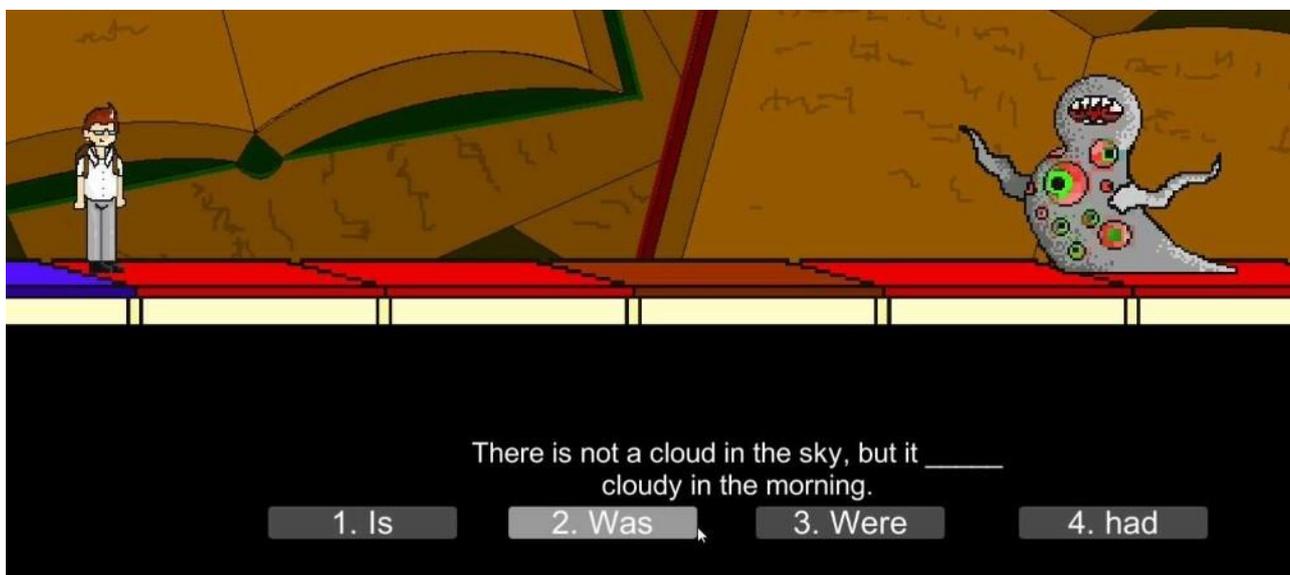

Рис. 2. Фёдор сражается с боссом

Дизайн начался с фор-эскизов, это «главные носители идеи автора, быстрые зарисовки возникших образов, без проработки и уточнения элементов формы будущих костюмов» [8, с. 31]. Конечно же, «в зависимости от задач, стоящих перед дизайнером, выполняются разные по характеру и графической подаче эскизы, отличающиеся между собой мерой стилизации; степенью детализации; проработанностью форм, пропорций, конструкции разрабатываемой модели» (Там же).

Работа выполнялась в графическом редакторе Adobe Photoshop CS3 и в программе Pro Motion NG. Первоначальный образ персонажа, предметов, фона обрисовывался именно в Adobe Photoshop CS3, также в этом редакторе производилось создание фор-эскизов, подборка цветов и тонов общей картины. Затем при помощи Pro Motion NG проект переводился в пиксельный вид. Pro Motion NG представляет собой не только практичный инструмент для создания пиксельных проектов и анимации в целом, он ещё предлагает множество функций, которые помогают найти идеальные сочетания цветов, подобрать расширение и устранить графические недостатки классических игр.

Третий этап – анализ результатов: релевантность использованного лингвистического материала; практическая ценность продукта; дизайн игры; возможность дальнейшего усовершенствования и развития разработанного продукта. На этом этапе были внесены изменения в дизайн игры в рамках цветового решения, и был полностью заменен фон (рис. 3).

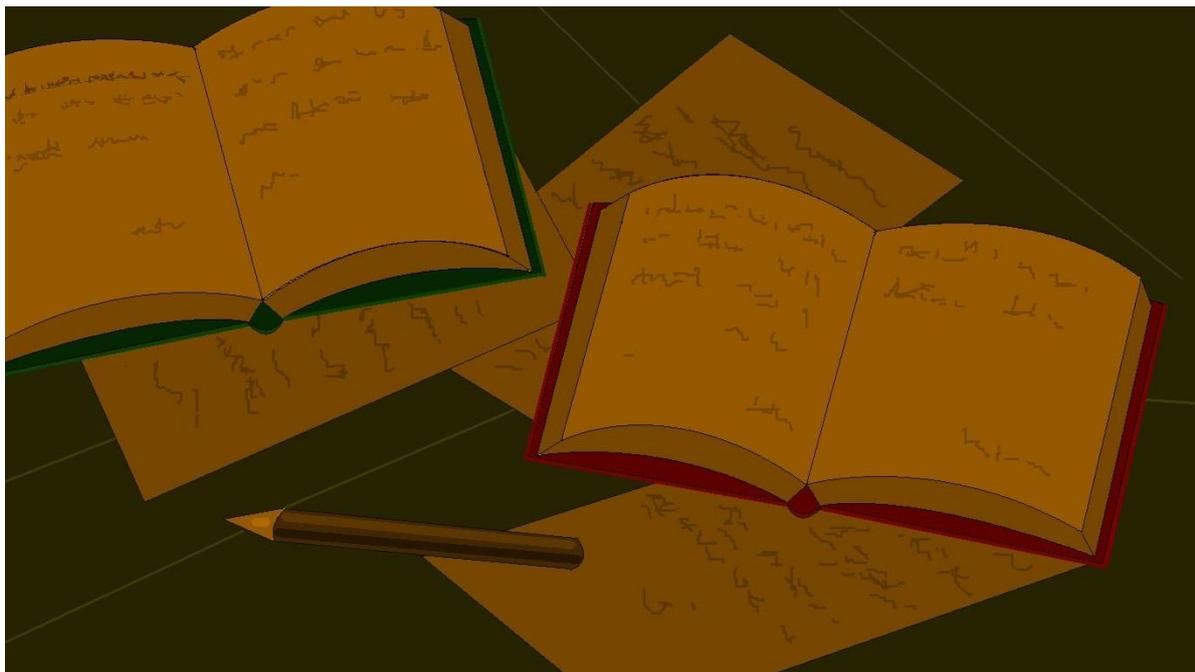

Рис. 3. Фон игры в приглушённых тонах

Проведенный социальный эксперимент, результаты которого вошли в трейлер игры, подтвердил, что для популяризации проекта необходимо включать в процесс обучения разработанную игру уже в самом начале учебного года. Это позволяет заинтересовать студентов в изучении языка и оценить базовые знания языка студента без

проведения повторного тестирования в самом начале учебного процесса, а также выявить лакуны в знаниях студента без обращения к разделу Study Guide сборников грамматических упражнений.

Четвертый этап заключался в подготовке к презентации проекта на конкурсе. Студенты освоили основные требования к презентации материала на английском языке, вводные слова и обороты, разбирали выступления спикеров на платформе TED в качестве примеров.

На конкурсе все представленные проекты обсуждались членами жюри; лучшим проектам были присуждены места, студенты получили комментарии и пожелания членов жюри, среди которых были и преподаватели профильных дисциплин.

Основываясь на отзывах участников и организаторов данного мероприятия, мы можем говорить о том, что подобная форма работы вызывает большой интерес у студентов и обладает значительным образовательным и развивающим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноземцева К.М., Крупченко А.К. Методология междисциплинарного иноязычного образования специалиста // Языковое образование сегодня – векторы развития: Сборник трудов конференции — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 102 – 116.

2. Graddol D. English next. – British Council, 2006. - 132 с. URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/article/english-next> (дата обращения: 29.05.2018).

3. Marsh D. CLIL: An interview with Professor David Marsh URL: http://www.unifg.it/sites/default/files/allegatiparagrafo/21-01-2014/marsh_d._interview_on_clil.pdf/ (дата обращения: 29.05.2018).

4. Alekseeva D.A. Metaphors in Scientific Publications // Проблемы оптической физики и биофотоники. SFM-2014: Материалы Международного симпозиума Saratov Fall Meeting 2014 "Оптика и биофотоника - II" / под ред. Г. В. Симоненко, В. В. Тучина. Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2014. С. 170-172.

5. Гриффин, П. Школам нужны аналитики. URL: <http://www.edutainme.ru/post/griffin/> (дата обращения: 29.05.2018).

6. Шилова С.А. Актуализация и совершенствование навыков говорения посредством парной и групповой форм работы // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VIII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации (25-26 февраля 2016 года) – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. С 491-497.

7. Кубракова Н.С., Шилова С.А. Использование ИКТ в воспитательной и профориентационной работе // Информационные технологии в образовании:

Материалы VII Всерос. научно-практ. конф. – Саратов: ООО «Издательский центр «Наука»», 2015. С. 252-255.

8. Андросова Э.М. Основы художественного проектирования костюма. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2005. 176 с.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

PROJECT WORK AS THE IMPLEMENTATION OF CONTENT AND LANGUAGE INTEGRATED LEARNING METHOD

D.A. Alekseeva, S.A. Shilova

The article deals with project work as the implementation of such approaches to teaching English to university students as the interdisciplinary method and content and language integrated learning (CLIL). The paper gives special attention to the stages of supervising students' work on the project and the ways to get students ready to present their project work to the jury

Key words: project work, interdisciplinary method/approach, content and language integrated learning, CLIL, competence learning model

ТЕРМИНОЛОГИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО ДЕЛА В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Т.В. Монько

В статье с дидактических позиций рассматриваются особенности и структура терминологической системы нефтегазовой промышленности. Значительное внимание уделяется трудностям, которые могут возникнуть при освоении иностранными студентами подъязыка нефтегазового дела. Даны рекомендации по использованию различных способов семантизации терминов

Ключевые слова: русский язык как иностранный, терминологический минимум, терминосистема нефтегазового дела, терминоединица, способы семантизации

Дисциплина «Русский язык как иностранный» (РКИ) в техническом вузе нацелена, прежде всего, на освоение студентами-инофонами языка избранной специальности. В учебно-методическое обеспечение выделяемого в составе РКИ профессионального модуля входит рабочая программа, система учебно-научных, научных и профессиональных текстов, с опорой на которые отрабатывается владение всеми видами речевой деятельности, а также комплекс заданий к каждому тексту. Одним из требований ГОС РКИ II сертификационного уровня является «владение терминологией профильных научных дисциплин в объеме терминологического лексического минимума (в рамках базовых учебников по специальности)» [1]. Следует заметить, что терминологический минимум и минимум лексический – понятия далеко не равнозначные, лексический профессиональный минимум, помимо специальной терминологии, включает в себя и другие лексические единицы, наиболее востребованные в сфере профессиональной коммуникации. Но в любом случае терминологический минимум выступает в роли обязательного элемента учебно-методического комплекса РКИ.

Составление терминологического минимума по специальности предполагает сотрудничество с преподавателями выпускающей кафедры – именно они с позиций ценностного подхода определяют

профильные дисциплины и базовые учебные издания, а также познавательную значимость того или иного термина.

Одним из главных критериев отбора терминов служит частотность их употребления. Тексты из учебников по специальности объединяют в один файл, который обрабатывается с помощью компьютерной программы, позволяющей ранжировать словарные единицы по количеству употреблений и создавать их список в порядке убывания. Правда, большинство таких программ (FRQDictW.exe, WordStat и другие) включают в список все словоформы, что, безусловно, затрудняет дальнейшую работу. Кроме того, отбор многокомпонентных терминов приходится вести вручную.

Есть и более быстрый способ установить распространённость того или иного термина. На профессиональных сайтах часто ведётся статистика словоупотреблений. Например, на нефтегазовом портале «Книга нефти» (www.kniganefiti.ru) можно найти информацию о том, что в размещённых в 2016 году материалах *дизельное топливо* упоминалось 89 раз, *гидрокрекинг* – 33 раза, *скважина* – 253 раз. Разумеется, погрешности при таком способе определения частотности термина будут велики.

Верхняя часть получившегося в результате первичного отбора словника представляет собой поле для лингводидактического анализа, задачи которого – оценить лексические единицы по степени трудности их усвоения; указать на проблемы, которые могут возникнуть в ходе работы с языковым материалом; определить с учётом специфики языковых явлений наиболее рациональные приемы обучения.

Преподаватель-филолог, приступая к лингводидактическому анализу, должен, во-первых, иметь представление о понятийном поле, на основе которого формируются терминоединицы; во-вторых, определить, какие положения терминоведения принять за исходные, а какими, в силу целевой направленности анализа, можно пренебречь. Дело в том, что терминология как самостоятельная наука оформилась достаточно недавно и в ней немало конкурирующих концепций и нерешённых теоретических проблем, даже само определение понятия «термин» до сих пор остаётся спорным.

Поскольку далее речь пойдёт о терминологии совершенно конкретной профессиональной сферы, имеет смысл вначале обозначить некоторые постулаты.

Термины – это специальные слова и словосочетания, назначение которых заключается в точном выражении понятий определённой научной, научно-технической или профессиональной области. Таким образом, единственная функция термина – номинативно-идентифицирующая. С.В. Гринев-Гриневиц [2] отмечает две основные характеристики термина: его «содержательную точность» и «специфичность употребления». Необходимой принадлежностью термина является дефиниция, которая играет важную роль в выделении терминологической лексики из словарного состава языка.

С позиций дескриптивного подхода термин является не особым словом, а словом в особой функции, что означает: общеупотребительное слово может приобрести признаки термина, и наоборот, термин может перейти в сферу общеупотребительной лексики.

Термин всегда выступает как элемент терминосистемы, поэтому он может употребляться изолированно и не нуждается в контексте. Часто на однозначность термина указывают как на его отличительное свойство – это вполне справедливо, но следует учитывать, что чёткие семантические границы термин имеет только в пределах данной терминосистемы.

Например, в терминологии нефтегазового дела есть термин *фильтр*, обозначающий прибор для обеспечения движения жидкости или газа сквозь пористую среду. Вне указанной терминосистемы слово *фильтр* имеет несколько значений, в том числе *пористая перегородка, предназначенная для разделения суспензий или аэрозолей; устройство для выделения лучей, сигналов определённой частоты из потока волн.*

Как правило, научно-технические тексты на 10 - 15% состоят из терминологических единиц, остальное приходится на общенаучную и общеупотребительную лексику. В то же время «термины являются тем смысловым центром, на котором концентрируется вся значимость научного текста, важным инструментом профессиональной коммуникации» [2, 171].

Лингвистическая классификация терминов, предложенная В.М. Лейчиком [3, с. 33, 34], осуществляется по следующим основаниям:

- 1) по формальной структуре (термины однокомпонентные и многокомпонентные, то есть представляющие собой словосочетания);
- 2) по языку-источнику (термины могут быть образованы средствами родного языка или заимствованы из других языков);

3) по части речи (языковой формой термина, как правило, являются имена существительные или словосочетания на их основе, гораздо реже выступают в роли терминов прилагательные, глаголы, наречия).

В связи с бурным развитием науки и техники изучение подъязыка той или иной области знаний становится всё более актуальным. Примером может служить терминосистема нефтегазовой промышленности – одной из ведущих отраслей мирового хозяйства, состояние которой непосредственно сказывается на экономике государств и межгосударственных отношениях.

Терминология этой сферы исследуется многими, в первую очередь, в целях её гармонизации и обеспечения адекватного перевода с одного языка на другие. Поскольку всё большее число иностранных студентов проявляет интерес к получению образования по нефтегазовым специальностям в России, постольку растёт число публикаций, посвящённых методике обучения соответствующему подъязыку.

В нашем случае объектом анализа стал терминологический корпус дисциплины «Основы нефтегазопромыслового дела», сформированный на основе учебника «Основы нефтегазового дела» А.А. Коршака и А.М. Шаммазова, рекомендуемого студентам ВГТУ в качестве основной учебной литературы [4]. Названная дисциплина, по сути, является введением в специальность для обучающихся на первом курсе по направлению подготовки 21.03.01 Нефтегазовое дело. Терминологический корпус (далее – терминосистема НГД) включает 139 терминов и представляет собой, скорее, не терминологический минимум для иностранных студентов, а его эскиз.

Ядерными единицами в этой терминосистеме, разумеется, являются *нефть* и *газ*. В двухтомном словаре А.Н. Тихонова словообразовательные гнёзда этих лексем включают соответственно более 55 и 180 производных, большая часть которых образована путём сложения [5, 159, 208-209]. С учётом существования многокомпонентных терминов, которые в словаре не отражены, терминообразующий потенциал исходных слов иначе как колоссальным не назовёшь. Следовательно, при составлении предтекстовых заданий следует особое внимание уделять обработке наиболее характерных для ядра этой терминосистемы

словообразовательных моделей, использовать в обучающем процессе элементы гнездовой словообразовательной грамматики.

Существительное *нефть* в обиходной речи не имеет формы множественного числа, оно относится к вещественным существительным, которые обозначают однородные по своему составу субстанции, поддающиеся измерению, но не счёту. Однако в данной терминосистеме форма *нефти* употребляется широко. Изменение морфологических характеристик – достаточно частое явление при переходе общеупотребительного слова в категорию терминологических. Недаром в словаре Ушакова стоит помета «мн. только спец.». Очевиден семантический сдвиг в термине *газ*, за которым толковые словари русского языка закрепляют только два значения: «агрегатное состояние вещества» и «лёгкая, прозрачная ткань».

В ходе анализа были выявлены следующие терминополья, внутри которых между терминологическими единицами имеются системные смысловые связи (гипероним-гипоним, холоним-мероним и др.):

- разведка и добыча нефти и газа (наиболее объёмная подсистема, в которой два основных блока с ключевыми единицами: 1) *пласт, порода, залежь* и 2) *бурение, скважина*;
- транспортировка нефти и газа (с ключевой семемой *провод*);
- хранение нефти и газа;
- переработка, получение нефтепродуктов;
- рынок нефти и газа.

Логико-смысловая структура терминосистемы НГД в определённой мере отражает разделение современной нефтегазовой отрасли на три сектора:

- *Upstream*, куда входит всё, что относится к поиску нефтяных и газовых залежей и добыче;
- *Midstream*, охватывающий транспортировку нефти, газа и продуктов их переработки;
- *Downstream*, где сосредоточены переработка, распределение и продажа конечных нефтепродуктов.

Думается, будет методически оправданным, если студенты сначала уяснят структуру терминосистемы через вводные тексты общего характера («Источники энергии», «ТЭК России»), после чего им можно предъявлять тексты с взаимообусловленными единицами одного терминополья. Таким образом, комплекс профессионально

ориентированных учебных текстов тематически распадается на общую и особенную части. Выделение терминополь позволяет также уточнить последовательность предъявления терминов.

Анализ показывает, что в нефтегазовой терминологии преобладают терминированные словосочетания. По мнению Д.А. Добродеевой, образование сложных составных понятий в терминологической лексике объясняется неспособностью однословной терминологической единицы удовлетворить потребность в номинации [6, с. 25]. Наиболее распространенными являются двухкомпонентные сочетания, образованные по модели «имя прил. + имя сущ.» и «имя сущ. + имя сущ.» типа *газонефтяной контакт, глушение скважины*.

Присутствие в терминосистеме большого количества полилексемных терминов диктует необходимость вырабатывать у студентов через систему притекстовых заданий умение определять структуру словосочетания, навыки соблюдения синтаксических норм.

Одна из особенностей терминологического корпуса НГД заключается в обилии привлечённых терминов ряда наук и отраслей: геологии, физики, химии, машиностроения, строительного дела. Значительная часть привлеченных терминов носит интернациональный характер: *абсорбция, инжектор, концентрат, коррозия*, - и достаточно легко усваивается инофонами.

О.А. Гордиенко по поводу заимствованной лексики отмечает: «Особенностью подъязыка нефти и газа является то, что его терминологическая лексика чётко делится на две группы по происхождению: терминированная исконно русская лексика и лексика, имеющая интернациональные иноязычные заимствования греко-латинского происхождения. Исходя из этого, задачей преподавателя русского языка как иностранного является введение названных типов лексики с использованием различных методик: на основе словообразовательных последовательностей при введении лексики первой группы и списков греко-латинских словообразовательных элементов, достаточно хорошо известных иностранным учащимся, владеющим индоевропейскими языками, при введении лексики второй группы [7, с. 169].

Не отрицая того, что при освоении терминов разных классов должны использоваться различные методики, заметим следующее. Во-первых, не все иноязычные термины имеют греческие или латинские

корни и аффиксы, например, их не содержат заимствованные из немецкого языка *керн* и *дюкер*. Во-вторых, для исконно русской лексики, образованной неморфологическими способами, словообразовательную цепочку не построишь. Наконец, в-третьих, разграничение исконно русских и заимствованных терминов практически ничего не даёт преподавателю, так как иностранными студентами из стран Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки и та и другая лексика воспринимается как иноязычная.

На наш взгляд, дидактическим целям в гораздо большей степени соответствует разделение терминологических единиц на мотивированные (для обучающегося) и немотивированные. В мотивированном термине очевидна семантическая и структурная соотнесённость составляющих его морфем с морфемами русского языка. Введение мотивированной лексики (к примеру, словосочетания *бесподъёмная укладка трубопровода*) должно сопровождаться морфемным анализом и уяснением характера отношений между компонентами словосочетания. Раскрытие связи словообразовательных моделей с производящим словом не только позволяет уяснить смысл термина, но и способствует формированию терминологической компетенции.

Терминология НГД включает немало единиц, образованных семантическим способом от общеупотребительных слов: *газовая шапка* (верхняя часть пласта месторождения, содержащая природный газ); *водяной язык* (слой подземных вод, продвинувшихся по пласту к эксплуатационной скважине разрабатываемой залежи); *стенка* (боковая поверхность скважины). Смысл приведённых терминов может быть установлен на основе языковой догадки через контекст (важно, чтобы контекст употребления слова был «прозрачным»). Однако в ряде случаев инофон в силу ограниченности словарного запаса не осознаёт мотивированность метафорического переноса, поэтому преподавателю, чтобы раскрыть содержание терминологических сочетаний *устье скважины*, *подошва пласта*, приходится прибегать к семантизации через наглядность.

Основным способом толкования термина считается его дефиниция. Но если многие экономические термины можно объяснить с помощью общеупотребительных лексем, то в терминологии НГД этот метод часто неприменим. Например, иностранным студентам, несмотря на то, что они распознают интернациональный префикс

анти-, термин **антиклинальная ловушка** так же непонятен, как и его дефиниция – *углеводородная ловушка, образованная антиклинальной структурой*. Толкование этого термина лучше осуществлять с помощью рисунка или схемы, используя антонимическую пару *антиклиналь – синклиналь* (складка пластов горных пород, перегиб слоев которой выпуклостью обращен вверх/вниз).

Синонимия (*тампонаж скважины – цементаж скважины*) в терминосистеме НГД наблюдается ещё реже, чем антонимия; как правило, один из синонимов употребляется только в устной речи, то есть является профессионализмом: *сырая нефть, сырой газ – сырец; устье скважины – головка; дизельное топливо – солярка; фракция – погон*.

Результаты лингводидактического анализа позволили не только сформулировать методические рекомендации по семантизации некоторых терминов, но и сделать следующий вывод: при формировании терминологического минимума специальности, наряду с частотностью употребления терминов в базовых текстах, необходимо учитывать сочетаемость и взаимозависимость лексических единиц, их способность к словообразованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОС по русскому языку как иностранному. II уровень. Профессиональный модуль (утверждён Президиумом Совета Учебно-методического объединения вузов РФ по педагогическому образованию Министерства образования Российской Федерации; протокол № 192/522 от 14.04.98). Москва-Санкт-Петербург: «Златоуст» 2000.- 48 с.

2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение [Текст] / С.В. Гринев-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – 304 с.

3. Лейчик В. М. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод [Текст] / В.М. Лейчик, С.Д. Шелов. // Теория и практика научно-технического перевода: обзор информации. - Вып. 18. -Часть II. - М.: Всесоюзный центр переводов научно-технической информации и документации, 1990. - 80 с.

4. Коршак А.А. Основы нефтегазового дела: Учеб. для вузов [Текст] /А.А. Коршак, А.М. Шаммазов. – Уфа: ООО «ДизайнПолиграфСервис», 2002. – 544 с.

5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Ок. 145000 слов. [Текст] / А.Н. Тихонов. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1985.–856 с.

6. Добродеева Д.А. Особенности перевода терминов в нефтегазовой промышленности [Текст] / Д.А. Добродеева. // Вопросы прикладной лингвистики. – 2015. – №2. С.17-31.

7. Гордиенко О.А. Терминология нефти и газа в преподавании русского языка иностранным студентам [Текст] / О.А. Гордиенко // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 8. – С. 169-174.

Воронежский государственный технический университет

TERMINOLOGY OF OIL AND GAS BUSINESS IN THE LINGUISTIC AND DIDACTIC PERSPECTIVE

T.V. Mon'ko

In the article, the peculiarities and structure of the terminological system of the oil and gas industry are considered from didactic positions. Considerable attention is paid to the difficulties that can arise when foreign students master the oil and gas business sublanguage. Recommendations are given on the use of various ways of semantizing terms

Keywords: Russian as a foreign language, terminological minimum, oil and gas business terminology, terminus, ways of semantization

DIE ENTWICKLUNG DES BERUFSBEZOGENEN LEHRWERKES ZUR DEUTSCHEN SPRACHE FÜR AUSBILDUNGSRICHTUNG „SICHERHEIT DER TECHNOSPÄRE“

E.R. Savitskaite, A.A. Makarova

In diesem Artikel handelt es sich um die Entwicklung des berufsbezogenen Lehrwerkes zur deutschen Sprache. Darüber hinaus betrachtet man die psychologischen Aspekte, Aufgaben, Prinzipien und verschiedene Faktoren, die berücksichtigt werden müssen, um das Inhalt des Lehrmaterial zu erstellen

Schlüsselwörter: die Kommunikation, die Entwicklung des Lehrwerkes, fachliche und kommunikative Kompetenzen, der funktionelle Stil, professionelle Kommunikation

In den letzten Jahren nahm die Zahl der Naturkatastrophen, Unfälle und verschiedenen Notfälle zu, die mit der menschlichen Tätigkeit verbunden sind. Darum benötigen die moderne Gesellschaft solche Spezialisten, die mit Technik und Fachwissen Menschen und Tiere aus Gefahrenlagen retten, bedrohte Sachwerte bergen, ausgefallene Versorgungseinrichtungen überbrücken, Raumarbeiten leisten, Wege und Übergänge herrichten. Sie beteiligen sich an der Bergung der Geschädigten und Verletzten bei Naturereignissen und technischen Katastrophen und beseitigen ihre schweren Folgen im In- und Ausland. Wir wissen, dass Katastrophen nicht vor Landesgrenzen halt machen. Deswegen spielen Spezialisten mit Fremdsprachenkenntnissen eine wesentliche Rolle. Fremdsprachenkenntnisse sind bedeutende Voraussetzung für die qualitative Fachausbildung.

Die Fremdsprache ist ein wichtiger Faktor bei der Bildung einer professionellen Identität, eines der Mittel, um einen Hochschulabsolventen zu sozialisieren, ein Mittel seiner beruflichen Weiterbildung. Jede berufliche Tätigkeit einer Person ist eng mit der Kommunikation verbunden. Die Kommunikation kann als der Prozess der Interaktion von Menschen, sozialen Gruppen, professionellen Gesellschaften definiert werden, in dem Informationen, Erfahrungen, Fähigkeiten und Tätigkeitsergebnisse ausgetauscht werden [Stoljarenko, 2005]. In der Kommunikation,

insbesondere auch im Berufsbereich, aus der psychologischen Sicht unterscheidet man stets drei miteinander verbundene Aspekte:

1) kommunikativer Aspekt besteht aus dem Informationsaustausch zwischen Personen (Informationsfunktion);

2) interaktiver Aspekt ist es, die Interaktion zwischen Menschen zu organisieren, um zum Beispiel, Handlungen/Maßnahmen zu koordinieren, um einige Funktionen zu verteilen, um die Stimmung, das Verhalten, die Überzeugungen des Gesprächspartners beeinflussen (regulatorische Funktion);

3) perzeptiver Aspekt der Kommunikation umfasst den Prozess der gegenseitigen Wahrnehmung der Kommunikationspartner und Kontaktaufnahmen, um auf dieser Grundlage eine Verständigung zu gelangen (kommunikative Funktion).

Bei der Ausbildung eines zukünftigen Spezialisten muss das Zusammenwirken mit Personen berücksichtigt werden, um kommunikative Kompetenz zu gestalten.

Spezialisten verschiedener Profile, die in unterschiedlichen Institutionen und Abteilungen des Katastrophenschutzministerium der Russischen Föderation tätig sind, sollen viel sowohl miteinander als auch mit Beschädigten und ausländischen Fachleuten kommunizieren.

Heutzutage werden sehr hoch die Sprachkenntnisse und die Fähigkeit der richtigen Redebildung, Sprachbewußtsein und -begriff geschätzt. Außerdem muss man die Rede des Gesprächspartners erkennen und verstehen, auf die Aussagen reagieren, umfangreiche und tiefe Berufskennnisse erwerben, fachsprachliche Terminologie in Deutsch beherrschen usw.

Der zukünftige Spezialist muss die Eigenschaften und Besonderheiten der Sprachkonstruktion kennen, die eine positive kommunikative Atmosphäre schafft und erfolgreich der Berufstätigkeit beiträgt.

Bei der Entwicklung des Lehrwerkes sollten darum die folgenden Aufgaben festgelegt werden, die in diesem implementiert werden müssen:

1. Die Beschreibung der theoretischen Informationen im Bereich des berufsbezogenen umgangssprachliche und wissenschaftliche Rede, sowie Geschäftssprache;

2. Kennenlernen mit der Hauptterminologie des fachorientierten Sprachsystems;

3. Systematisierung von Übungen und praktischen Aufgaben unter Berücksichtigung der konzeptionellen, funktionalen und kommunikativ-stilistischen Merkmale der sprachlicher Mittel;

4. Demonstration von Methoden zur Kontrolle und Verifizierung der erworbenen Kenntnisse.

Bei der Entwicklung des Lehrwerkes werden wir uns nach den Bewusstseins- und Notwendigkeitsprinzipien der Erklärung des sprachlichen Phänomen orientieren, sowohl nach den Prinzipien der Funktionalität, Kommunikation, Bedürfnisse und Ziele des Kurses in Bezug auf die Spezialisierung der Studenten.

Ein Schlüssel, den Inhalt des Lehrmaterials zu organisieren, ist die reproduktive und kreativ-kombinierte Methode, die darauf abzielen, die Gestaltung der verschiedenen Arten von Kompetenzen durch Schritt für Schritt zum Erwerb der Sprache von Studenten. Dazu gehört die Beherrschung der Studierenden sprachliche stilistische und inhaltliche Lehrstoffe.

Das Ziel eines berufsorientierten Lehrwerkes zur deutschen Sprache muss den Aufbau von fachlicher und kommunikativer Kompetenzen sein.

Die Inhalte von den Lektionen des Lehrwerkes sollten im Rahmen von spezialisierten Themen gebaut werden, die mit der Typologie der Katastrophen, mit der Struktur und der Landschaften von Organisationen in Russland und Deutschland verbunden sind. Die Beseitigung der Folgen von Großschadenereignissen und Durchführung der Rettungs- und Bergungsmaßnahmen haben viele Besonderheiten, die die Fachleute in Betracht ziehen und bei der Ausbildung der künftigen Retter.

Nach dem Abschluss der Ausbildung sollen die Studierenden kennen:

- 1) die Eigenschaften des funktionellen Stilen;
- 2) extralinguistische Faktoren und Sprachmittel zur Bildung von Sprachstilen;
- 3) Orientierungsvermögen in den Kommunikationsbedingungen.

Sie sind imstande, eigene Aussagen in verschiedenen Bereichen der Berufstätigkeit zu erstellen. Daher ist es bei der Entwicklung des Lehrwerkes notwendig, dem professionellen Sprachtraining eine große Aufmerksamkeit zu schenken.

Professionelle Rede ist eine Rede von berufsbedingten Menschen, die die gleiche Beschäftigungsart und den Beruf, Interessen, ein Betätigungsfeld haben. Dies ist eine Rede von Spezialisten, die in einem bestimmten Wissensbereich kompetent sind. Professionalismen auf dem

Gebiet des Schutzes von Notfälle und Beseitigungen ihrer Folgen gehören zum Wortschatz im beschränkten Nutzungsumfang. Es ist notwendig, den Studenten die Funktionen und die Nutzung der Professionalismen in Bezug auf der sozialen Interaktion und der Kommunikation in verschiedenen Tätigkeitsbereichen (berufliche, geschäftlich-dienstliche, alltägliche), die Situation der Kommunikation (halbamtliche und inoffizielle), Sprach- und kommunikative Situation zu unterrichten.

Berufsorientierte Sprachtraining der Retter-Fachleute ist eng mit der Erlernung des wissenschaftlichen Sprachstiles verbunden. Die Beherrschung des wissenschaftlichen Stiles von der Rede in den geschriebenen und gesprochenen Formen ist eine notwendige Voraussetzung für Ausbildung der zukünftigen Fachleute. Der wissenschaftliche Sprachstil nähert der professionellen Rede solche Merkmale als terminologische Genauigkeit, Abstraktion, Logik, Folgerichtigkeit, Konsequenz, umfangreichen Gebrauch von Fachwortschatz und -terminologie an.

Bei der Entwicklung des berufsbezogenen Lehrwerkes muss man einen solchen Faktor berücksichtig werden, dass als ein aktueller Lehrbuch/Lehrwerk anerkannt werden kann, wenn es auf die kompletten Lernziele der Studentenausbildung von intellektuellen Redefähigkeiten ausgerichtet ist, um bestimmte berufliche Aufgaben zu lösen. Darüber hinaus ist die persönliche soziale und berufliche Erfahrung für den Aufbau von Kompetenzen der künftigen Absolventen von großer Wichtigkeit, die die Studierenden bei der Arbeit mit dem Lehrwerk zu erwerben.

Um ein fachorientiertes Lehrwerk zu entwickeln, müssen unserer Meinung nach zwei Prinzipien im Vordergrund stehen:

1. Das Prinzip der Funktionalität besteht in der Auswahl von Spracheinheiten, die die grundlegenden kommunikativen Funktionen ausdrücken, die erlernt werden sollen. Die Funktion der Spracheinheit ist als kommunikative Aufgabe definiert, die mit ihrer Hilfe gelöst ist [Passov, 1991]. Im Rahmen der berufsorientierten Ausbildung dem Prinzip der Funktionalität bedeutet die Wahl der lexikalischen und grammatikalischen Phänomene, die Spezialisten in Situationen der professionellen Kommunikation bieten [Krupchenko, 2005].

2. Das Prinzip der Stildifferenzierung basiert auf die Problemlösung der Studentenausbildung der Rede- und Sprachbesonderheiten, die für verschiedene Sprachstil und Textsorten charakteristisch sind. Es ist bekannt, dass verschiedene Fachleute im Bereich der professionellen

Kommunikation einige Arten von Texten verwenden. Unter der Art des Textes (nach V.E. Cherniavskaya), verstehen wir das Modell oder Beispiel-Text-Konstrukt, die funktionellen und strukturellen Eigenschaften bestimmter Texte mit unterschiedlichen thematischen Inhalt definieren, aber ähnliche Funktionen erfüllen und eine bestimmte Form der Kommunikation umzusetzen. Jeder Texttyp ist vor allem durch die Struktur und den Aufbau von Texten geprägt, deren Entwicklung ist die Grundlage für die Fähigkeit, Texte gemäß Kommunikationsstandards wahrzunehmen und zu erstellen [Chernjavskaja 2009].

Wie die Praxis zeigt, gibt es eine Reihe von Widersprüchen zwischen modernen pädagogischen methodischen Anforderungen zur bildungsmethodischen – Betreuung und Ausstattung des Lehrbetriebes und den Ansätzen für den Aufbau der Inhalte von Lehrbüchern und Lehrwerken.

Bei der Entwicklung des Lehrwerkes muss daher Folgendes berücksichtigt werden:

1) die Notwendigkeit der Gewährleistung von der beruflichen Orientierung der Ausbildung;

2) die gesteigerte Komplexität der verwendeten Unterrichtsmaterialien zu vermeiden und sie mit der Anforderung der Zugänglichkeit und Durchführbarkeit des Ausbildungsinhalts in Beziehung zu setzen;

3) Formulierung der Ausgangsdaten für das Ausbildungslehrwerk in Form einer Reihe von beruflichen Aufgaben, Themen und Situationen der ausländischen beruflichen Kommunikation;

4) Entwicklung der logischen Struktur des Textinhalts und Verwendung der grundlegenden semantischen Verbindungen, die in dieser Struktur vorhanden sind, wenn lexikalische Übungen erstellt werden;

5) Entwicklung kommunikativer Aufgaben in einer Fremdsprache auf der Grundlage eines Systems von Schlüsselthemen, die die Problemsituationen, die bei der Lösung realer beruflicher Probleme entstehen, verallgemeinern;

6) Entwicklung von kommunikativen Aufgaben in einer Fremdsprache auf der Grundlage der beruflichen Aufgaben im Rahmen der beruflichen Tätigkeit.

Die Voraussetzung für die effektive Anpassung des Lehrmaterials ist außerdem die Organisation des Textinhalts des Lehrbuches/Lehrwerkes in Übereinstimmung mit den logischen und kompositorischen Schemas für die Textkonstruktion. Dazu müssen folgende Faktoren berücksichtigt werden:

1. Die logischen und kompositorischen Schemas für die Erstellung des Textes sind die Grundlage für die Optimierung des Prozesses der Assimilation von lexikalischem Material. Lexikalische Übungen setzen die Konstruktion und Beherrschung der Verbindungen zwischen den in den Texten reflektierten Begriffen und Urteilen für das Tätigkeitsfeld voraus. Gleichzeitig sollten die Methoden zur Beherrschung des Wortschatzes auf die Integration und die integrierte Entwicklung von lexikalischen Fähigkeiten, Sprachfähigkeiten, Kompetenzen in Bezug auf die Auswahl, Verarbeitung und Interpretation von Informationen, Fachwissen ausgerichtet sein.

2. Die Entwicklung ausländischer Kommunikationsaufgaben erfolgt durch Modellierung praktischer Aufgaben. Techniken für die Entwicklung kommunikativer Aufgaben umfassen die Konstruktion eines Systems von typischen Schlüsselfragen, die den Inhalt von Problemsituationen widerspiegeln, die sich in einer realen beruflichen Tätigkeit ergeben. Bei der Formulierung von Aufgaben auf der Basis von Schlüsselfragen bestimmt der Lehrer das Thema und die Situation der pädagogischen Kommunikation.

3. Fremdsprachige Kommunikationsaufgaben werden auf der Grundlage der Phasen der Tätigkeit entwickelt, die innerhalb jeder beruflichen Aufgabe zugewiesen werden.

Viele Aufgaben, Prinzipien und Faktoren sind universell. Daher können sie sich von der Entwicklung von Handbüchern/ Lehrwerken zu anderen Fachgebieten leiten lassen, nicht nur technischen, sondern auch humanitären.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крупченко А.В. Становление профессиональной лингводидактики как теоретико-методологическая проблема в профессиональном образовании: Автореф. дис. докт. пед. наук. – М., 2007. – 47 с.

2. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения говорению [Текст] / Е.И. Пассов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1991. – 221 с.

3. Столяренко Л.Д. Психология делового общения и управления/ Л.Д. Столяренко. Учебник – 4 -е изд. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005 – 416 с.

4. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. Учебное пособие. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.

Воронежский государственный технический университет

РАЗРАБОТКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ПОСОБИЯ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ
«ТЕХНОСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Е.Р. Савицкайте, А.А. Макарова

В статье говорится о разработке профессионально-ориентированного пособия по немецкому языку для будущих спасателей. Кроме этого, рассматриваются психологические аспекты, принципы и методические задачи, а также другие различные факторы, которые нужно принимать во внимание, чтобы составить содержание учебного материала для этого

Ключевые слова: коммуникация, профессиональная коммуникация, разработка пособия, профессиональные и коммуникативные компетенции, функциональный стиль

THE DEVELOPMENT OF THE PROFESSIONALLY-ORIENTED MANUAL IN
THE GERMAN LANGUAGE FOR THE SPECIALTY
«TECHNOGENIC SAFETY»

E.R. Savitskaite, A.A. Makarova

In diesem Artikel handelt es sich um die Entwicklung des berufsbezogenen Lehrwerkes für die deutsche Sprache für künftige Retter. Darüber hinaus betrachtet man die psychologischen Aspekte, Prinzipien und methodischen Aufgaben sowie andere verschiedene Faktoren, die berücksichtigt werden müssen, um das Inhalt des Lehrmaterials dafür zu erstellen.

Key words: communication, professional communication, development of the manual, professional and communicative competencies, functional style

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	4
Федоров В.А. ФРАНЦУЗСКИЕ КОНСТРУКЦИИ, ПЕРЕВОДИМЫЕ СООТВЕТСТВУЮЩИМИ РУССКИМИ СТРУКТУРНЫМИ СХЕМАМИ	4
Федоров В.А. РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ПЕРЕВОДИМЫЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ IL + EST + ADJ	12
Лапинская И.П. АКСИОЛОГИЯ КАК НАВИГАТОР ЭВОЛЮЦИИ СЛОВА	23
Лапинская И.П., Мануковская М.А. ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТИЛЕ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСБО)	36
Avdeev A.A. THE CREATION OF ELECTRONIC LEXICOGRAPHIC SYSTEMS BASED ON PRINCIPLES OF CORPUS LINGUISTICS	43
Нехаева О.Г. ПОЛИСЕМИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ «ФАМИЛЬНОГО СХОДСТВА» И ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ	48
Ядрихинская Е.А. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ «L'HOMME» (ЧЕЛОВЕК) ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	56
Каширский С.Н., Жданова Т.А. ОБРАЗ КУКЛЫ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ	64
Богданова У.В. ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЛИЦА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПАССИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	70

РАЗДЕЛ 2. АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА	76
Лапинская И.П., Денисова М.А. УЧЕБНИК «РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ НЕЙМЕРОВ»: ПРОСПЕКТ	76
Денисова М.А. ЖАНРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ	82
Сарафанникова Е.В. ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ТОЛЕРАНТНОСТИ	91
Романова Г.В. ВИДЫ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК В ОБЪЯВЛЕНИЯХ	98
Расторгуева М.Б. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО ЖИТИЙНОГО ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЯ НИКОЛАЯ УГОДНИКА)	106
Жукова М.Т. ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПТА, ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА, АРТЕФАКТА В ОТОБРАЖЕНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: РУССКИЙ ОРИГИНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО ПЕРЕВОДЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	114
Бутов Р.Н. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАФИКИ И ПУНКТУАЦИИ В СТИХАХ ВАСИЛИЯ КУБАНЁВА	122
РАЗДЕЛ 3. НОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ	129
Соловьева И.Ю., Фомина И.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСО В КАЧЕСТВЕ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ	129

Алмаева Н.Ю., Шилова С.А. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕРОПРИЯТИЙ В ФОРМАТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКЗАМЕНОВ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	136
Мальцева Н.А., Гарбузова А.Э. КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОПОСРЕДОВАННОМУ ОБЩЕНИЮ	144
Алексеева Д.А., Шилова С.А. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРИРОВАННОГО ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ПОДХОДА	151
Монько Т.В. ТЕРМИНОЛОГИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО ДЕЛА В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ	160
Savitskaite E.R., Makarova A.A. DIE ENTWICKLUNG DES BERUFSBEZOGENEN LEHRWERKES ZUR DEUTSCHEN SPRACHE FÜR AUSBILDUNGSRICHTUNG „SICHERHEIT DER TECHNOSPÄRE“	169

Научное издание

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Выпуск 15

Подписано в печать __.__.2018.

Формат 60x84 / 16. Бумага для множительных аппаратов.

Усл. печ. л. _____. Тираж 350 экз.

Зак. № _____.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический
университет»

394026 Воронеж, Московский просп., 14

Отдел оперативной полиграфии ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-лет Октября, 84